

ФИНАНСЫ И ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Сборник статей проф. М. И. Боголепова, И. М. Кулишера,
Д. Лоевского, Е. С. Лурье, В. В. Новожилова и В. М. Штейна,
под редакцией проф. В. М. Штейна.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПЕТРОГРАД“
ЛЕНИНГРАД—МОСКВА
1924

с 1793863

СОУНБ им. В. Г. Белинского
<http://book.ugraic.ru/>

ФИНАНСЫ И ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Сборник статей проф. М. И. Боголепова, И. М. Кулишера,
Д. Лоевского, Е. С. Лурье, В. В. Новожилова и В. М. Штейна,
под редакцией проф. В. М. Штейна.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПЕТРОГРАД“

ЛЕНИНГРАД-МОСКВА.

1924.

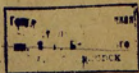
СОУНБ им. В. Г. Беллинского
<http://book.ugais.ru/>

1793863

Уральский Индустриальный Училище
И. М. КИРС
ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ
Ленинградский Губ. № 12107.
РАБОТЫ

Тираж 4000 экз.

Типография Главн. Артил. Управл. Улица Петра Лаврова, 21.

Государственный бюджет и его перспективы.

I.

Прежде чем подойти к материальному содержанию государственного бюджета, необходимо в кратких чертах коснуться его формального построения. На пространстве шести лет существования Советской власти государственный бюджет претерпел в своем формальном построении ряд изменений, из которых мы отметим только последнее по времени, вызванное образованием Союза социалистических советских республик. Это последнее изменение нашло свое выражение в постановлении СНК ССР от 21 августа 1923 г. о порядке составления и рассмотрения финансовых смет и росписей государственных доходов и расходов на 1923—24 бюджетный год. Настоящее постановление создает временный бюджетный режим, так как оно имеет силу только на один бюджетный год, срок которого исчисляется от 1 октября 1923 г. по 30 сентября 1924 г.

По указанным временным бюджетным правилам, в настоящее время мы имеем, во-первых, общесоюзную государственную роспись доходов и расходов и, во-вторых, росписи доходов и расходов отдельных советских республик. Кроме того, автономные советские республики, входящие в союз федеративных республик, имеют свои росписи, которые объединяются в бюджетах подлежащих союзных федеративных республик. Напр., бюджет РСФСР объединяет в себе бюджеты следующих автономных республик: туркестанской, киргизской, татарской, банкирской, дагестанской, крымской, горской, якутской и карельской.

На основании росписей общесоюзных доходов и расходов СССР и росписей отдельных союзных советских республик составляется общий балансовый свод доходов и расходов; в этом своде балансы каждой республики являются самостоятельно. Бюджеты автономных республик в их балансовых итогах присоединяются к этому общему своду в качестве приложения. Вне общего свода остаются бюджеты дальневосточной области и закавказских республик, так как эти бюджеты до сих пор составляются в местных валютах.

По техническим соображениям, бюджет СССР раздвоен на два: на основной—в советской валюте и на дополнительный—в металлической валюте. Последний охватывает собою доходы и расходы, фактически поступающие и производимые в металлической или иностранной валюте. В последнее время поднят вопрос о слиянии обоих бюджетов в один, так как основной бюджет, начиная с 1923—24 бюджетного года, составляется уже в червонной валюте, допускающей прочный пересчет твердых валют на червонное исчисление.

Для того, чтобы определить, что входит в общесоюзный бюджет и что—в бюджеты отдельных республик, необходимо иметь в виду следующее. Все ведомства разделяются на три категории: общесоюзные ведомства, объединенные и необъединенные. Общесоюзные ведомства целиком входят в бюджет СССР, объединенные ведомства бюджетизируются следующим образом: часть их доходов и расходов входит в общесоюзный бюджет СССР, а другая часть—в бюджеты РСФСР, УССР, БССР и ЗСФСР. Доходы и расходы по необъединенным ведомствам целиком относятся в бюджеты отдельных республик, если президиум ЦИК Союза не сделал иного распоряжения. Все фонды, имеющиеся в бюджете, записываются по бюджету СССР. Таковы, напр., фонды: резервный—на покрытие сверхсметных расходов, дотационный—для выдачи пособий местным финансам, фонд на покупку благородных металлов, фонды для выдачи пособий промышленности, сельскому хозяйству, кооперации и т. д.

По объединенным ведомствам (ВСНХ, НКПрод, НКФин, РКИ, ЦСУ) в общесоюзный бюджет включаются следующие доходы: все налоги, за исключением переданных

частью или целиком в распоряжение союзных республик, выручка от займов и эмиссии, всякого рода доходы, извлекаемые непосредственно центральными органами объединенных наркоматов, доходы от государственных общесоюзных предприятий, выручка от общесоюзных фондов и т. д. По расходам в общесоюзный бюджет входят расходы по содержанию центральных союзных органов объединенных ведомств, а также учреждений и предприятий, подчиненных им непосредственно, а также расходы по обслуживанию нужд и мероприятий общесоюзного характера одноименными наркоматами союзных республик.

К общесоюзным ведомствам относятся: ЦИК Союза, СНК Союза, Госплан Союза, Верховный суд и комиссариаты по иностранным делам, военным, морским, внешней торговли, путей сообщения, почт и телеграфов, а также объединенное государственное политическое управление, главное санитарное управление, гл. курортное управление.

В бюджеты союзных республик вносятся по объединенным ведомствам те доходы и расходы, которые остаются вне общесоюзного бюджета. Соответствующие наркоматы самостоятельно разрабатывают свои сметы в отношении этих доходов и расходов. В частности, все расходы по содержанию центральных и местных административных аппаратов объединенных ведомств союзных республик проводятся по их сметам и из ресурсов СССР союзным республикам предоставляются добавки в соответствии с долей участия аппаратов республик в обслуживании интересов Союза.

Бюджет СССР подразделяется на обыкновенный и чрезвычайный, причем в чрезвычайный бюджет относятся по доходам: доходы от займов, эмиссии, реализации государственных фондов, крупных аренд и концессий и возврат семенных и продовольственных ссуд. К чрезвычайным расходам причисляются фонды на выдачу пособий и ссуд промышленности, сельскому хозяйству, кооперации, коммунальным учреждениям и предприятиям, расходы на постройку железных дорог и на приобретение для них подвижного состава и железнодорожных принадлежностей, расходы на образование оборотных капи-

талов железных дорог, расходы на электрофикацию, на сооружение и капитальный ремонт портов, расходы по досрочной уплате займов, по досрочному выкупу аренд и концессий, расходы на пополнение материальных запасов армии и, наконец, расходы, вызываемые народными бедствиями и войною.

Такова формальная конструкция современного государственного бюджета СССР и союзных республик. Из изложенного видно, что для ознакомления с финансовым положением страны всегда необходимо в первую голову обращаться к общему своду общесоюзных государственных доходов и расходов СССР и государственных доходов и расходов отдельных союзных республик.

Финансовый механизм 20-30 2.

К государственному бюджету можно подходить с различных точек зрения. Прежде всего, весьма важно выяснить вопрос о том, насколько современный бюджет удовлетворяет основной своей задаче — быть точным, реальным планом ведения государственного хозяйства. Для оценки этой роли бюджета необходимо привять во внимание то обстоятельство, что бюджетирование современного государственного хозяйства совершается в условиях крайне расстроенной валюты. Бюджет 1922—23 г. выполнялся в непрерывно обесценивающихся денежных знаках. Обесценение денежных знаков шло по очень капризной кривой и, конечно, при составлении годового бюджета никто не мог хотя бы приблизительно предвидеть будущее развитие кривой обесценения. Поэтому бюджетное планирование сразу же наталкивалось на непреодолимое затруднение. Но в то же время не было основания составлять бюджетный план в заведомо неверных цифрах советских денег, не было оснований и было невозможно совершенно остаться без всякого бюджетного плана. Нужен был какой-либо выход из сложного положения. Такой выход, конечно, далеко не удовлетворительный, но единственно возможный, был найден в создании так называемого ориентировочного бюджета. Ориентировочный бюджет представляет собою суррогат бюджетного плана, так как в 1922—23 г. он был составлен не в той

валюте, в которой бюджет в действительности исполнялся, но в условных единицах, каковыми были признаны товарные рубли Госплана, т.-е. индексные показатели движения товарных оптовых цен. Такой бюджет нельзя было признать настоящим планом, так как в действительной жизни финансовое хозяйство жило падающими денежными знаками. Но в то же время бюджет, составленный на основании чисел-показателей, служил как бы канвой, на основе которой осуществлялись попытки бюджетирования государственного хозяйства. Ориентировочный бюджет намечал контуры того плана, который составлялся уже на более мелкие деления бюджетного года. На основе ориентировочного годового бюджета составлялись бюджетные планы на каждую четверть года. Это — так называемые «квартальные бюджеты». Квартальные бюджеты составлялись равным образом в условных единицах, и тех же товарных рублях Госплана, так как не было возможности с достаточною точностью предвидеть движение ценности бумажно-денежной единицы даже и на протяжении одного квартала. Поэтому и квартальные бюджеты, хотя и в меньшем масштабе, но все же страдали теми же недостатками, которыми страдал и годовой бюджет. Квартальные бюджеты были, в сущности говоря, такими же ориентировочными, что и годовой бюджет. Но, конечно, предвидение в пределах квартала было доступнее, нежели в пределах года. На основе квартальных бюджетов составлялись месячные расписания доходов и расходов, так-сказать, месячные бюджетные планы. Эти месячные планы составлялись уже в той валюте, в какой бюджет фактически выполнялся, т.-е. в советских денежных знаках. Поэтому, настоящими бюджетами, настоящими бюджетными планами были именно эти месячные расписания.

Насколько же реальны были эти месячные бюджетные планы? Как близко они подходили к действительности? Об этом судить довольно трудно, так как в процессе своего выполнения они подвергались действию того же фактора, который сводил на нет реальность годового плана. Деньги, отпускаемые из центра в начале месяца, приходили на места с утратой значительной части своей ценности. Центральная касса не могла отпускать деньги по курсу дня выдачи, так как она сама получала

доходы не по курсу дня и сама теряла много на прохождении денег от плательщика до кассы. Падающая валюта наносит ущерб как податному, так и неподатному доходу казны и способна сильно исказить всякий самый удачный план, даже построенный на столь короткий период, как месяц. Если же принять во внимание, что падающая валюта не только уменьшает государственные доходы, но и увеличивает расходы, т.-е. капризно раздвигает пределы бюджетного дефицита, то станет ясным, что в подобных условиях весьма трудно иметь реальные, точные бюджетные планы.

Если падающая валюта сильно затрудняет составление бюджетных планов, то в такой же мере трудно составить и отчет об исполнении сметных предположений. Отчетные данные по необходимости снова должны облекаться в условную одежду индексных рублей, причем выбор того или иного индекса способен резко изменить всю картину. Отчетные данные можно рассчитать по индексу на первое число месяца, на 15 число, или можно взять средний месячный индекс. Во всех этих случаях в основу отчетности будет положена условность, которая значительно обезопасит отчетные данные. Отчетные же данные имеют огромное значение для бюджетной работы, так как они являются той базой, на которой и должен строиться бюджетный план. Отсюда ясно, что падающая валюта вовлекала государственный бюджет в порочный круг, выход из которого был довольно затруднителен. Бюджетное предвидение всегда представляет собою логический вывод из анализа бюджетных фактов вчерашнего дня и той народно-хозяйственной среды, в условиях которой функционирует государственное хозяйство. Бюджетные планы строятся на предположении, что будущий бюджетный период явится продолжателем тех тенденций, которые определились или наметились в последние отчетные периоды. Но как раз этого отчетного материала и не было в распоряжении авторов бюджетного проекта.

Здесь нужно иметь в виду еще одно существенное обстоятельство. При построении бюджетного плана на 1922—23 год отчетный материал вообще был очень мало нужен и был бы мало полезен, если бы даже он существовал в наличии. Дело в том, что как раз с начала

1922 — 23 бюджетного года вся экономическая жизнь страны переходила на новые рельсы, и поэтому как экономическая политика, так и в особенности финансовая политика должны были сделать резкий поворот на новую дорогу. Поскольку бюджетный план является выражением целей финансово-экономической политики, постольку он в условиях новой экономической политики должен был подвергнуться не столько радикальной переработке, сколько построению заново.

Поворот на новые рельсы экономической политики еще и в другом отношении затруднял создание бюджетного плана. Новая экономическая политика застает государственные финансы в таком положении, когда, по существу говоря, государство не располагало никакой финансовой системой. Широко проведенный принцип бесплатности, натуральное довольствие в виде пайков, почти полная замена всяких денежных доходов работой печатного станка, все это не давало места для развития финансовой системы. Ныне действующая финансовая система начинается создаваться тогда, когда уже наступил 1922—23 бюджетный год, и на пространстве всего этого года постепенно, шаг за шагом, начинают вводить новые налоги и организовывать другие фискальные источники. Поэтому предвидение доходов вообще, в условиях только что развертывающейся финансовой системы, было делом, конечно, в высшей степени затруднительным. Для иллюстрации сказанного мы приведем данные (предварительные) о поступлении дохода от промыслового налога и от акцизов, в тыс. руб. по оптовому среднемесячному общетоварному индексу Госплана:

	1922 г.		1923 г.	
	Промысловый налог.	Акцизы.	Промысловый налог.	Акцизы.
Октябрь . . .	438	4.427	Март . . .	1.499 8.980
Ноябрь . . .	896	4.722	Апрель . . .	1.357 8.402
Декабрь . . .	1.083	3.996	Май . . .	1.971 11.834
1923 г.			Июнь . . .	864 11.827
Январь . . .	823	5.881	Июль . . .	1.670 12.172
Февраль . . .	1.498	8.712	Август . . .	6.032 15.146

Таблица очень наглядно показывает, как изменились бюджетные условия сравнительно с началом и концом бюджетного года.

Условия составления бюджетного плана на 1923—24 бюджетный год значительно улучшились по сравнению с осенью 1922 г. Не говорим уже о том, что к осени 1923 года в общих чертах наметились основные черты народно-хозяйственной жизни в условиях новой экономической политики и был накоплен некоторый опыт в преодолении специфических трудностей бюджетирования государственного хозяйства в обстановке падающей валюты. К этому времени действующая финансовая система была уже в значительной мере развернута, так что предвидение будущих доходов, в особенности налоговых, могло осуществляться с большою степенью вероятия. На протяжении истекшего года была значительно улучшена и кассовая служба, сделаны серьезные усилия по организации финансового аппарата. По главное, что в значительной степени облегчило бюджетную работу, это сильное внедрение червонца и червоного исчисления в каналы денежного обращения и в деловой и даже обывательский оборот. Это внедрение было признано настолько глубоким, что проект государственного бюджета на 1923—24 г. был уже составлен целиком в червоном исчислении. Разница между бюджетом в товарных индексных рублях и бюджетом в червоном исчислении сводится к тому, что бюджет 1923—24 г. не только составляется в червоном исчислении, но и осуществляется в этой же валюте. Советские денежные знаки в обороте бюджетного хозяйства принимаются только по их курсу на червоный рубль. Непосредственно это новое обстоятельство сразу придало новому бюджету значительную реальность, приближенность к действительным отношениям. Попытки перевести на твердое исчисление были сделаны еще во второй половине 1922—23 бюджетного года, но теперь червоное исчисление стало общим правилом не только для доходного бюджета, но также и для расходной его части.

Внедрение червонца в экономический оборот является одновременно и шагом к улучшению общих условий, как

денежного обращения, так и бюджетного хозяйства, и новым осложняющим фактором. Осложнение заключается в том, что народное хозяйство оказалось в обстановке как бы двух параллельных валют. Правда, говорить о параллельных валютах не приходится, так как в действительности двух валют нет, а имеется одна валюта—бумажная,—в которой борются два денежных знака, из которых один обладает большою жизненностью, а другой явно обречен на вымирание. Такое состояние валюты проф. А. А. Соколов в своей книге «Проблемы денежного обращения и валютной политики» (М. 1923 г., изд. НКФ) не без основания называет патологическим (стр. 290). Это болезненное состояние денежного обращения должно, конечно, оказать долю своего влияния и на бюджет, хотя бы он и отвернулся от умирающего денежного знака и предпочел червонное исчисление. Степень влияния патологического денежного обращения на государственный бюджет была бы значительно более слабой, если бы бюджет перешел не только на червонное исчисление, но и фактически имел бы дело только с реальной червонной валютой. Этого сделать нельзя было, так как советские денежные знаки с одной стороны были деньгами широких народных масс, а с другой—доход от эмиссии денежных знаков все еще должен был составить весьма существенную часть бюджетных доходов. Вот данные о поступлении эмиссионного дохода на протяжении 1922—23 бюджетного года, в тыс. рублей по среднемесячному общетоварному оптовому индексу Госплана:

1922. Октябрь	31.979	Апрель	43.004
Ноябрь	34.790	Май	18.299
Декабрь	37.121	Июнь	25.280
1923. Январь	35.480	Евль	28.204
Февраль	26.248	Август	13.574
Март	42.986		

Для того, чтобы определить удельный вес только-что приведенных цифр, отметим, что на пространстве взятого периода высшая цифра податного дохода за месяц по тому же индексу достигала 42.186 тыс. руб. (январь) и в августе 1923 г. была только вдвое выше дохода от эмиссии.

Сказанным объясняется тот факт, что и при составлении проекта государственного бюджета на 1923—24 год пришлось отказаться от мысли составить бюджетный план в настоящем смысле этого слова и остаться при прошлогодней практике так-называемого ориентировочного бюджета. Проект государственного бюджета на 1923—24 год будет составлен, как ориентировочный. На его основе будут составляться квартальные планы и уже на базе этих квартальных планов будут вырабатываться месячные расписания доходов и расходов. От практики предшествующего бюджетного периода новый бюджетный год будет отличаться тем, что теперь все три последовательных плана—годовой, квартальные и месячные—будут исчисляться в червонцах. Это нельзя не признать уже большим улучшением по сравнению с предшествующим опытом 1922—23 бюджетного года.

Мы склонны рассматривать этот новый порядок, как серьезный шаг на пути к реальному бюджету. Но одновременно с этой мерой была предпринята и другая, которая по мысли НКФ должна вести к той же самой цели. При составлении бюджетного плана на 1923—24 год был допущен следующий прием: были установлены так называемые контрольные цифры для государственных расходов. В основу контрольных цифр положена мысль определить государственные расходы по государственным доходам. На основании опыта предшествующего года устанавливается «вероятная предположительная сумма возможных в предстоящем бюджетном году доходов» и на основе этих подсчетов разрабатываются «предположения о размере общих ориентировочных сумм, в пределах которых могли бы быть составлены бюджеты каждой союзной республики и общесоюзный бюджет по общесоюзным и объединенным ведомствам Союза» (ст. 3 и 4 бюджетных правил 21 августа 1923 г.).

Таким образом, реальность бюджетного плана на 1923—24 год поставлена прежде всего в зависимость от того, насколько точно будут определены суммы ожидаемых государственных доходов, причем одному доходу, именно, эмиссионному, постановлением высшей власти был поставлен предел в 15 милл. черв. рублей в месяц, или 180 милл. руб. в год. Реальность плана зависит также

и от того, насколько отдельным республикам и отдельным ведомствам удастся уложиться в пределы назначенных им контрольных цифр. В каждом ведомстве, без сомнения, возможно возникновение таких новых расходов, которые окажется совершенно невозможным оставить без удовлетворения, хотя бы эти новые расходы и переходили за пределы контрольных цифр. Контрольная цифра, прежде всего, явится возбудителем сверхсметных кредитов, которые своей массой способны сильно повлиять на бюджетный план и бюджетный баланс и тем самым значительно ослабить реальность бюджета, как плана.

Итак, новый опыт приближения к реальному бюджету можно будет оценить только после составления и исполнения росписей и смет на 1923—24 бюджетный год. Если же принять во внимание, что на протяжении данного бюджетного срока предстоит окончательное сформирование союзного бюджета и бюджетов союзных республик, а одновременно придется оставить на твердую почву местные бюджеты, то станет ясно, что в 1923—24 году государственный бюджет по необходимости должен быть ориентировочным, т.-е. все еще далеким от реального бюджета, несмотря на то, что по дороге к этому бюджету были сделаны такие решительные шаги, как установление контрольных цифр.

4.

Обращаемся к доходной части государственного бюджета. Действующая ныне доходная система—недавнего происхождения. Первые ее начатки были заложены летом 1921 г., когда то, что мы называем теперь системой государственных доходов, было поставлено на место почти единственного источника — печатания новых бумажных денег. В июле 1921 года был издан первый декрет о введении в стране промыслового обложения. О движении государственных доходов в 1921 г. не имеется сколько-нибудь полных и достоверных данных. Более надежные сведения мы имеем только за 1922 г., которые и приводим в следующей табличке, в милл. золотых рублей по индексу конъюнктурного института:

	Нояб.—Март.		Апр.—Июнь.		Июль—Сент.	
	р. млрд.	‰	р. млрд.	‰	р. млрд.	‰
Налоги госуд. и местн.	2,9	2,7	8,1	8,9	24,1	13,6
Доходы от имущ. и предпр. (госуд. и местн.)	11,1	10,6	19,5	21,7	52,3	29,6
Эмиссия	91,1	86,7	62,6	69,4	100,4	56,8
В с е г о	105,1	100%	90,2	100%	176,8	100%

Приведенная таблица ясно показывает, что в 1922 г. до октября, когда начался новый бюджетный год, строго говоря, никакой доходной системы не существовало, она была еще только в зародыше. В первом квартале нормальные доходы дали всего 13,6% всех доходов, а остальное дала эмиссия, а в третьем квартале нормальные доходы поднялись уже до 43,2% общей суммы.

Такой резкий сдвиг на протяжении 9 месяцев, конечно, очень затруднил составление сметы доходов на 1922—23 г. В течение первых шести месяцев этого бюджетного года все еще продолжалось налаживание системы доходов, и составление доходной росписи сильно затянулось. В конце концов, эта роспись была составлена с подразделением на два полугодия, причем данные первого полугодия в значительной мере были составлены под влиянием предварительных данных о движении доходов в эти месяцы. Ниже мы приводим свод общегосударственных доходов по росписи на 1922—23 г. с подразделением его на два полугодия, в тысячах золотых рублей по общетовариному индексу Госплана:

	Первое полугодие.	Второе полугодие.	Годовая сумма.
Прямые налоги	170.740	137.710	308.450
Косвенные налоги	59.645	127.568	187.213
Поллины	6.319	11.032	17.351
Жел. дороги и почта, тел.	130.015	251.440	381.455
Госуд. имущества	8.233	40.856	49.089
Госуд. предприятия	2.633	19.461	22.094
Возврат расходов	1.980	11.674	13.654
Доходы разного рода	430	394	824
Итого госуд. доходов	379.995	600.136	980.131
От кред. операций	19.000	51.400	70.400
В с е г о	398.995	651.536	1.050.531

Как показывает эта таблица, второе полугодие 1922—23 бюджетного года предвиделось гораздо более обильным, нежели первое. Заметим кстати, что во втором полугодии уже делаются попытки установления податных ставок в твердом исчислении, что делает бюджетные предположения более вероятными. В настоящее время имеются предварительные данные о поступлении гос. доходов в 1922—23 г., правда, пока лишь за 11 месяцев. Приведем эти данные, в тыс. рублей по среднемесячному общетоварному индексу Госплана:

	1-ое полугодие.	5 мес. второго.	За 11 месяцев.
Налоги	182.940	130.897	313.837
Доходы от предпр. и имущества	156.581	184.502	341.083
Кредитные операции	17.776	66.009	83.785
Эмиссия	208.004	128.361	336.965
Всего	565.301	509.769	1.075.670

Если предположить, что доход за 12-ый месяц будет равен среднемесячному доходу, то общую сумму государственных доходов за 1922—23 г. можно предположить в 1.173.460 тыс. зол. рублей. В действительности эта цифра, вероятно, будет несколько больше. Если мы сравним эту цифру с итоговой суммой сметных предположений, то увидим, что она несколько превышает сметную цифру, но распределение по полугодиям и другие детали в действительности оказались иными, нежели предполагала роспись. Эмиссионный доход за 11 месяцев составил 31,3% всех доходов. Его позиция в первом квартале 1922—23 г. была 47%, во втором—30,4 в третьем 27,5 и в июле и августе—21,4%. Если припомнить, что в июле—сентябре 1922 г. доход от эмиссии составил 56,8%, то следует признать значительность достигнутых в 1922—23 бюджетном году результатов.

Для 1923—24 г. мы пока имеем только одни контрольные цифры, которые, как было сказано выше, имели свою целью установление максимальной границы для составления расходных росписей и смет. Согласно этим контрольным цифрам, сумма предвидимого в 1923—24 г. государственного дохода определяется, не считая доходов

от железных дорог и почт и телеграфов, в 947.495 тыс. руб., первоначально исчисленных по индексу Госплана. Если цифру доходов от железных дорог предположить в 550 милл. и цифру дохода от почты и телеграфа в 50 милл., то общая сумма дохода предвидится в 1.547.495 тыс. руб., или кругло—в 1½ миллиарда рублей. По отдельным видам доходы 1923—24 г. распределяются следующим образом, в тыс. руб.:

Прямые налоги	373.000
Косвенные налоги	235.336
Пошлины	28.290
Всего налогов	636.626
Новые доходы от зем. ренты и % на капиталы госпредприятий	10.000
Госуд. имущества	53.837
Госуд. предприятия	31.100
Возврат расходов	15.000
Прочие доходы	932
Всего доходов	747.495
Кредитные операции	250.000
Итого	947.495
Транспорт и почта-телегр.	600.000
Общий итог	1.547.495 тыс. руб.

Вопрос о государственных доходах в настоящих условиях имеет особенно важное значение. В условиях дефицитного бюджета весьма часто центр внимания финансовой политики направлен на государственные расходы, или на получение недостающих доходов путем кредита. Сокращением государственных расходов думают добиться благополучного бюджетного баланса. Путем кредитных операций надеются устранить дефицит, возникший по временной, или случайной причине. Но дефицит современного русского бюджета больше всего объясняется тем, что до сих пор мы еще не располагаем вполне развитой и налаженной системой доходов. На месте старой системы, рассыпавшейся в прах, сейчас действует новая система государственных доходов, но эта новая система

пока-что только намечена в основных своих линиях и, кроме того, осуществляется при помощи слабо налаженного фискального аппарата. В области доходной системы перед финансовой политикой стоит целый ряд задач, решению которых придется уделить не один и не два бюджетных периода. Главной задачей является устранение таких доходов, которые по существу находятся в остром противоречии с основными интересами всего народного хозяйства. К числу таких доходов относится прежде всего так-называемый эмиссионный доход. Изжитие этого дохода будет полезно не только для народного, но и для государственного хозяйства. Мы уже указывали на убывающее значение этого дохода в 1922—23 г. Здесь можно привести таблицу процентного отношения эмиссионного дохода к общей сумме государственных доходов в течение 1922—23 г., вычисленное в месячных данных по рублям 1923 г.:

Октябрь	52,7 ⁰ / ₀	Апрель	37,2 ⁰ / ₀
Ноябрь	47,9	Май	20,3
Декабрь	42,9	Июнь	24,0
Январь	31,5	Июль	28,2
Февраль	25,8	Август	14,9
Март	33,2		

Как известно, для 1923—24 бюджетного года эмиссионному доходу поставлен определенный предел.

Доходы, стоящие в некотором противоречии к народно-хозяйственным интересам, напр., грубо скроенные налоги, должны быть переделаны на более рациональных началах. Нужно проделать такую работу, которая встарину называлась ректификацией налогов. И, наконец, необходимо приступить к выявлению и организации таких доходов, которые в настоящее время едва-едва затронуты финансовой системой, или остаются до сих пор в неорганизованном состоянии. Наиболее удовлетворительные результаты в области доходного бюджета достигнуты в настоящее время в области податного дохода. В этой области проделана значительная организационная работа и можно думать, что податное давление доведено до предельной точки. Податный доход будет увеличиваться благодаря, прежде всего, естественному росту народно-хозяйственного дохода и затем в силу улучшения как кон-

струкции налогов, так и аппарата их взимания. Но самое пристальное внимание должно быть обращено на огромную по своим размерам и совершенно еще не проработанную в организационном отношении область так-называемых неподатных доходов, т.-е. доходов от государственных имуществ и предприятий. Работа в этой важной области только и обещает довольно быстрое изживание бюджетных дефицитов, тяжелых и грубых налогов и денежной эмиссии, как источника финансовых ресурсов. При должном развитии неподатных доходов, в особенности при рациональной постановке лесного дохода, государственный бюджет встанет на твердую почву. В области доходов от государственных имуществ прежде всего необходимо проделать колоссальную работу по выявлению и приведению в хозяйственное состояние самих источников этих доходов и распределению их между государственными и местными финансами. Государственные земельный и лесной фонды должны сделаться объектом большой и планомерной работы.

На 1923—24 бюджетный год предвидимые государственные доходы по грубому подсчету распределяются следующим образом: податный доход—12%, транспорт и почта—40%, государственные имуществы и предприятия—только 5,3%. Это сопоставление достаточно ясно показывает и слабую сторону современного бюджета, и ту задачу, которая стоит перед текущей финансовой политикой. Главное же, что обнаруживается этим сопоставлением, заключается в том, что здесь обрисовывается самая большая перспектива нашего доходного бюджета и та дорога, на которой легче всего и прочнее можно будет изжить хронический бюджетный дефицит.

5.

Государственные расходы, конечно, гораздо ближе стоят к реальному бюджету, нежели государственные доходы. Но в процессе выполнения государственной росписи приходится все время считаться с состоянием государственной кассы и делать те или иные сокращения в сметных назначениях. Это обстоятельство в значительной мере мешает и расходному бюджету быть

Вторая колонна цифр, представляющая распределение государственных расходов в процентном отношении к общему итогу, может дать общее впечатление от расходного бюджета, которое, по всей вероятности, не изменится после опубликования отчетных данных за весь бюджетный год.

Общей контрольной цифрой государственных расходов на 1923—24 бюджетный год определена сумма в 1.200 милл. червонных рублей. В настоящее время мы еще не располагаем деталями этой суммарной цифры.

Расходному государственному бюджету уделяется особенно много внимания и времени. Его цифры взвешиваются при составлении годовой росписи, квартальных бюджетов и в особенности месячных бюджетных планов. Это внимание направлено, главным образом, по линии всевозможного сокращения и урезывания расходов. Такое направление вполне понятно, так как мы имеем дело с сильно дефицитным бюджетом и устранение из бюджетных расчетов «эмиссионного дохода» является самой заветной мечтой текущей финансовой политики. Политика сокращения расходов не дает особенно больших результатов и иногда больно царапает по живому народно-хозяйственному организму. В некоторых случаях, когда сокращение диктуется только состоянием государственной кассы, оно не особенно выгодно не только с народно-хозяйственной точки зрения, но и с чисто фискальной, так как подобным сокращением причиняется больший расход в не особенно далеком будущем. Главный результат сокращения государственных расходов мы видим в том, что такой политикой достигается другая более важная цель, именно, приведение в должный порядок системы расходов и, главным образом, системы расходования государственных средств. Сокращение расходов — школа бережливости и разумной экономии.

Само по себе сокращение государственных расходов наталкивается на ряд значительных препятствий, прежде всего, на тот бесспорный факт, что в стране, экономически бедной, государственные потребности и без того удовлетворяются далеко не в полной мере. Поэтому в таких условиях материала для сокращения расходов вообще очень мало. С другой стороны, целый ряд расхо-

дов определяется в своих размерах наличием объективных условий и это, обыкновенно, такие расходы, которые выражаются в самых крупных цифрах. Стоит только указать на военные расходы, на расходы по таможенной охране границ, транспортные расходы и т. д.

Но самое главное заключается в том, что современный бюджет по необходимости в больших порциях включает в себе такие расходы, которые обусловлены необходимостью восстановления народного хозяйства после войн и революции. Основной капитал государственного хозяйства и вообще народного хозяйства сильно потрепан и изношен. На восстановление разрушенного приходится, не в пример нормальному времени, направлять значительные ресурсы. Такие расходы ложатся тяжелым бременем на современные бюджеты многих стран. Чтобы избавиться от таких расходов, есть только один путь — как можно скорее произвести все восстановительные расходы, но этот путь недоступен в силу скудости наличных ресурсов. Поэтому восстановительные расходы растягиваются на долгий срок и влекут бюджет к дефициту, стесняя свободу бюджетного маневрирования.

В силу указанных причин в области расходного бюджета, перспективы сводятся к тому, чтобы сдерживать их рост, естественный и законный, в меру прироста государственных доходов, внося в это сдерживание побольше плановости. Сам же по себе естественный рост расходов является побудительным стимулом к энергичной работе над организацией государственного доходного бюджета.

6.

Цель бюджета заключается в том, чтобы достигнуть равновесия между доходами и расходами. Эта цель до сих пор еще не достигнута в нашем бюджете и здесь главной задачей является прежде всего отыскание таких средств, при помощи которых можно было бы покрыть определившийся бюджетный дефицит. Непокрытие дефицита является отрицанием бюджета, как плана; непокрытие лишает бюджет реальности и ставит все государственное хозяйство в состояние крайней неопределенности. С другой стороны, покрытие дефицита одним только эмиссион-

ным доходом равным образом создает целый ряд огромных неудобств и невыгод как для государственного, так и для народного хозяйства, в особенности для последнего.

Наиболее нормальным источником покрытия бюджетного дефицита является государственный кредит. На этот путь действующая финансовая система выступила в 1922—23 бюджетном году. Ниже мы приведем таблицу, которая весьма интересно показывает путь постепенного развития государственного кредита в современных условиях. Данные приводятся в тыс. руб. по среднемесячному общетоварному индексу Госплана:

Поступления от кредитных операций:

	Долгосрочн. 6% выпр. заем.	Краткосрочные займы.			
		1-й хлебн. заем.	2-й хлебн. заем.	обязанн. центр.- касса	Итого.
1922.					
Октябрь	—	668	—	—	668
Ноябрь	—	1.771	—	—	1.771
Декабрь	—	1	—	—	1
1923.					
Январь	4.841	12	—	—	4.853
Февраль	5.468	2	—	—	5.470
Март	2.017	82	—	2.914	5.013
Апрель	3.888	—	—	4.747	8.635
Май	—	5	58	6.289	6.347
Июнь	—	2	13.283	8.398	21.683
Июль	4.208	2	7.927	3.081	15.218
Август	5.624	0	2.714	5.788	14.126
Всего.					83.785 т.

Приведенная таблица показывает, что государственный кредит начинает играть все более заметную роль в системе государственных доходов. В высшей степени интересно сопоставить процентные отношения эмиссионного и кредитного дохода к общей сумме государственного дохода. Ниже мы приводим эти процентные отношения, вычисленные в месячных данных по рублям 1923 года:

	Эмиссион- ный доход.	Доход от займов.		Эмиссион- ный доход.	Доход от займов.
Октябрь . . .	52,70/3	1,19/6	Апрель . . .	37,2	7,4
Ноябрь . . .	47,9	2,4	Май	20,3	6,9
Декабрь . . .	42,9	0,0	Июнь	24,0	20,1
Январь . . .	31,5	4,3	Июль	28,2	14,9
Февраль . . .	25,8	5,4	Август . . .	14,9	15,1
Март	33,2	3,8			

Таблица ясно показывает то оздоравливающее влияние, которое несет с собою государственный кредит. Правда, условия современного момента таковы, что наш рынок располагает совершенно незначительными возможностями для размещения государственных займов. Процесс капитало-образования ничтожен и содержание почти целиком поглощается необходимостью восстановления нормальных потребительских бюджетов, ремонта, возобновления капитала частных хозяйств и т. д. Поэтому нет возможности для ближайших лет ожидать того, чтобы государственный кредит мог бы быть очень крепкой опорой для государственного бюджета. Таблица кредитных операций показывает, что в настоящее время долгосрочные кредитные операции совершаются в крайне скромных размерах и что более обильно дает жатву краткосрочный государственный кредит, который в существе дела является предвосхищением будущих государственных доходов.

К сказанному следует добавить также и то, что в современных условиях государственный кредит обращается к такой социальной среде, которая никогда раньше не была приучена к покупке государственных фондов. Если ранее широкие массы и питали своими сбережениями государственный кредит, то делали они это несознательно, путем участия во вкладной операции государственных сберегательных касс. Можно думать, что начавшееся развитие сберегательного дела поведет народные сбережения и по этой дороге. Но пока что государственная власть оказалась вынужденной выступить на путь принуждения в области размещения государственных займов долгосрочного типа, т. е. золотого выигрышного займа.

Таким образом, в области покрытия бюджетных дефицитов, т. е. такой нехватки государственных средств,

которая выявляется и после сжатия расходов, и по увеличении доходов, перспективы не могут быть признаны особенно широкими. Гораздо легче наладить обыкновенную доходную систему, нежели поставить широко систему государственного кредита.

В конце-концов, оценивая общую перспективу государственного бюджета, можно сказать, что к настоящему времени определились берега и русло бюджетного хозяйства и мы подошли к возможности иметь в близком, если не в ближайшем, будущем реальный бюджетный план. Это—огромное завоевание, так как государственное хозяйство по своей природе—плановое хозяйство. С другой стороны, наша доходная и вообще вся финансовая система оказалась уже в достаточно развернутом состоянии. В этой области дело стоит только за усилением организованности и систематичности. В области неподатного дохода работа только начата, и здесь бюджет может рассчитывать, главным образом, на весьма значительное повышение доходных ресурсов. В области податного дохода успех всецело зависит, главнейшим образом, от развития народно-хозяйственных сил, что в конце концов может повести к сокращению числа налогов, в особенности косвенных, и к общему понижению податного бремени.

Проф. М. Боголенов.

Вопросы налоговой политики.

I.

В течение нынешнего 1923 года в податной области произведен был ряд реформ, несомненно означающих улучшение и усовершенствование нашей налоговой системы. Едва ли не наиболее важным событием является установление единого сельско-хозяйственного налога, огромное значение которого вытекает прежде всего из того, что он охватывает всю сельско-хозяйственную Россию, т.-е. касается более, чем трех четвертей всего населения. Слияние всех многочисленных налогов—трудгужналога, гражданского налога, ряда натуральных сельско-хозяйственных налогов в единый налог обозначает важный шаг вперед в смысле упрощения налоговой системы, а переводение натуральных сборов факультативно в денежный налог составляет значительное облегчение для населения, как и сокращение связанных с взиманием налога расходов, которые, вследствие утечки и утраты поставленных в качестве налога продуктов, порчи их и всякого рода злоупотреблений, поглощали значительную часть всех поступлений. Однако, самые результаты этой реформы пока еще трудно учесть, так как нет еще сводки данных о налоговой кампании. Между тем только опыт может подсказать, насколько самый порядок разверстки и взимания является удачным и какие дальнейшие изменения в положении об едином сельско-хозяйственном налоге необходимо произвести.

Другим существенным нововведением в податной области является переход к исчислению акцизов (а затем и других видов обложения) на золото. Кроме того, в обла-

сти акцизов произведены и другие изменения. Так, установлено обложение новых предметов, в особенности резиновых галош и пряжи, изготовляемой в фабричных заведениях (и привозимой из-за границы). Введение этого акциза проектировалось еще во время войны (в 1916 г.), причем тогда имелось ввиду обложение не пряжи, а тканей, хотя промышленники возражали против последнего, указывая на то, что акциз на пряжу гораздо проще, так как имеется несравненно меньше сортов пряжи, чем тканей, их различить значительно легче, да и выделка пряжи—в отличие от производства тканей—сосредоточивается в сравнительно небольшом количестве фабричных предприятий. Акциз на табачные изделия, который осенью 1922 г. частью был превращен в обложение сырья, а не готового фабриката, вновь получил свою прежнюю форму. Наконец, в целях содействия экспорту, декретом 11 января 1923 г., установлен при вывозе за границу нефтяных продуктов, спирта, виноградных вин и поваренной соли возврат акциза, а равно выдача премий и возврат путевых трат.

Еще большее значение в отношении поощрения экспорта имело, однако, освобождение вывозимого хлеба от уплаты уравнительного сбора (промышленного налога) и освобождение ряда экспортных товаров от вывозных пошлин, как и понижение ставок при вывозе других (тариф 6 марта 1923 г.). К числу первых относятся: овощи, фрукты, чай, спирт, виноградные вина, живая и битая птица, яйца, масло, сыр, рога, копыта, пенька, различные древесные продукты (уголь, скипидар, смола, деготь), нефть и нефтяные продукты, фосфориты. Если эти товары вывозятся беспошлинно, а для некоторых из них, как указано, введена и вывозная премия (для спирта, виноградных вин, нефти и соли), то вывозная пошлина для многих других значительно понижена, как, например, для масличных семян, кашек и желудков, льна и льняной кудели, сырых кож, леса.

Но на этом, повидимому, дело не остановится. Опыт показал, что борьба с иностранной конкуренцией на мировом рынке может быть для нас успешна только в том случае, если вывозимые нами товары будут освобождены от тех крупных накладных расходов, которые на них

ложатся тяжелым бременем. Среди них значительный процент составляют вывозные пошлины. От них и приходится постепенно отказываться.

Помимо единого сельскохозяйственного налога, акцизов и таможенных пошлин остаются промысловый и подоходно-поимущественный налоги, требующие более внимательного рассмотрения.

II.

Наше промысловое обложение покоится по-прежнему на тех же основных принципах, на которых оно было построено в 1921 г., когда впервые был введен, или вернее, восстановлен государственный промысловый налог. Однако, в отдельных частях его с тех пор был произведен ряд изменений, в частности и в течение 1923 г. последовали различные поправки и дополнения.

Исходной точкой нашего промыслового налога является комбинирование системы, покоящейся на внешних признаках, с системой, исходящей из обложения оборотов предприятия. Первая система, обычно именуемая в области промыслового обложения патентной и имеющая реальный характер, и у нас выражается в выборке того же патента, разбитого на разряды в зависимости от внешних признаков, в особенности, от числа рабочих и наличности двигателей в области промышленности и от характера торговли, свойств помещения и числа служащих в области торговли. Обложение же оборотов имеет в виду уловить действительную индивидуальную платежеспособность предприятия, хотя оно и далеко еще от той цели, к которой должен стремиться всякий промысловый налог—от обложения по действительной прибыли.

Что касается прежде всего патентного сбора, исходящего из предположения, что в общем и целом избранные им внешние признаки находятся в связи с прибыльностью предприятия и с изменением их меняются и размеры прибыльности, то у нас по-прежнему промышленные предприятия разбиты по уплате патентов на 12 разрядов, в зависимости от числа рабочих, и каждый разряд сверх того, на пять групп по местностям (по поясам), причем предприятия, имеющие механические двигатели, обла-

гаются на один разряд выше, чем это соответствовало бы количеству их рабочих. Сверх того, ряд предприятий обложен на один, другие даже на два разряда выше, чем они подлежали бы сообразно числу их рабочих. Здесь исходной точкой является предположение, что размер средней прибыли, приходящейся на каждого рабочего, или по крайней мере, оборот, ими совершаемый (на каждого рабочего), больше, чем во всех прочих отраслях промышленности. Однако, такие предприятия, как ювелирные, часовые, художественной бронзы, медицинских и физических инструментов, которые могут совершить значительные обороты при весьма небольшом числе рабочих, почему-то повышены всего на один разряд, тогда как на два разряда повышены маслобойни, лесопильни, мыловаренные и уксусные заводы, где на каждого рабочего приходится значительно меньшая выработка, вследствие несравненно меньшей ценности обрабатываемых материалов.

Торговые предприятия, под которыми понимаются и такие предприятия, как аптеки, бани, кинематографы, меблированные комнаты, рестораны, всякого рода конторы, а также подряды и поставки, закупка сельскохозяйственных продуктов и т. п., разбиты по прежнему на пять разрядов (и каждый также по пяти поясам). Признаки, на основании которых каждое предприятие включается в тот или иной разряд, определяются несколько иначе, чем прежде, но в общем и целом мало изменены. Недостаточно ясным является и теперь разграничение между полуоптовой торговлей и оптовой и между полуоптовой и розничной. Полуоптовая торговля определена в смысле продажи партиями не ниже двадцати пяти и не свыше тысячи рублей, но установить размеры каждой операции (конечно, большинства их), в отличие от общего оборота, весьма нелегко, да и для различных отраслей торговли этот признак по необходимости приобретает неодинаковое значение; не говоря уже о том, что такое определение оборотов в бумажных рублях уже в момент издания этого постановления потеряло всякий смысл.

Новшеством явились те ограничения, которые установлены для торговли, производимой по патентам первого и

второго разряда. Для торговли первого разряда, производимой на рынках и других местах единолично с лотков, мешков, корзин, ящиков, переносимых вместе с товаром одним человеком, установлен особый список товаров, которыми только и дозволяется торговать с этим патентом, тогда как все прочие виды товаров исключены. В этот перечень вошли только самые простые и дешевые товары, с одной стороны сельскохозяйственные продукты и предметы, необходимые в сельском хозяйстве и инструменты, с другой стороны предметы широкого народного потребления, как-то: вязаные, бумажные и нитяные изделия, мелкий дешевый галантерейный товар, мелкие кустарные изделия, папиросы и спички, вакса, газеты (и книги) и т. п. Что касается второго разряда, охватывающего торговлю из подвижных помещений значительного размера (ларей, столов, тележек, лодок, возов) и из небольших постоянных помещений, недоступных для входа внутрь покупателей (киосков, будок, навесов и т. д.), то роспись товаров имеет здесь иной характер. Она предусматривает не те товары, которыми дозволяется торговать (как роспись для первого разряда), а те, торговля которыми по второму разряду не дозволена, так что все остальные, неупомянутые в росписи, разрешены; так как таких исключенных товаров сравнительно немного, то в результате поле деятельности для владельцев патента второго разряда несравненно шире, чем для тех, кто торгует с патентом первого разряда. Исключены прежде всего предметы роскоши, как, например, драгоценные камни, изделия из золота, серебра, бронзы, мельхиора, антикварные вещи, музыкальные инструменты; но сверх того, не допускается торговля и такими предметами, как готовые платья, шляпы, материи всякого рода, кожаные сапоги, галоши; все эти предметы одежды и обуви могут продаваться лишь в подержанном виде.

Эта роспись товаров, недозволенных владельцам патентов второго разряда, очевидно, продиктована теми соображениями, что обороты более ценными товарами могут оказаться значительными, хотя бы они производились из киосков, будок, ларей, возов, лодок и т. п. Таким образом для патента второго разряда (и еще более для первого), наряду с признаком незначительности размеров

помещения, присоединяется еще другой—дешевизна и простота сбываемых товаров. Это, конечно, не значит, что кому-либо возбраняется продавать и более дорогие товары. Нет, всякий вправе заниматься их сбытом, причем даже из киосков и ларей он может торговать товарами любого рода, в том числе и наименованными в означенной росписи, но только он обязан в этом случае выбирать патент третьего разряда—в последнем и заключается вся суть. Законодатель желает, чтобы в случае торговли указанными в росписи предметами уплачивался хотя бы патент третьего разряда, так как наличие перечисленных в ней товаров свидетельствует о более значительных оборотах, чем это соответствует второму разряду.

Однако, на практике могут получиться все же затруднения, именно для торговли в деревнях, а тем самым и для деревенского населения. Сплошь и рядом мы находим такие местности, где имеются почти исключительно предприятия первого и второго разряда, торгующие на рынках и базарах, с лотков, мешков, корзин, ящиков, или из киосков, будок, ларей, возов, тогда как предприятия третьего разряда составляют редкое исключение. Такие местности окажутся почти совершенно лишенными не только готового платья, белья, обуви (кроме подержанных), но и всякого рода материй, даже самого дешевого ситца, необходимого в крестьянском хозяйстве. сбруи, таких предметов народного обихода, как самовары, кастрюли, тазы, кубы, наконец предметов санитарии и гигиены, распространение которых следовало бы, казалось бы, всячески поощрять.

Конечно, все будет зависеть от того, в каком размере будет устанавливаться патентный сбор для различных разрядов предприятий. В случае незначительности его, для торговцев не представится затруднений выбирать патент третьего разряда и тем самым избегать стеснений, вызываемых росписью запрещенных для второго разряда товаров. В противном случае должны получиться затруднения. Между тем, при наличии обложения по обороту в таких ограничительных постановлениях едва ли ощущалась надобность, ибо в случае торговли по патенту второго разряда более дорогими предметами, повышенный

оборот всегда возможно учесть при взимании уравни- тельного сбора.

Нетрудно заметить из предыдущего, что характер патентного сбора немногим изменился, по сравнению с обложением довоенного времени. Очень немного перемен обнаруживается, в особенности, в характере патента, вы- бираемого торговыми предприятиями, тогда как в отно- шении промышленных патентное обложение в настоящее время значительно упрощено; до войны принимались в соображение отдельные отрасли промышленности и для каждой из них устанавливались специфические, свой- ственные ей признаки (для одних количество установов, для других станков, для третьих величина перерабатываемого материала, для четвертых размеры выработки и т. д.), тогда как в настоящее время все сводится к одному при- знаку—количеству рабочих (и наличности—даже не коли- честву—механических двигателей), а остальные моменты игнорируются.

Столь же значительное упрощение наблюдается и в области уравнительного сбора. В довоенное время допол- нительное обложение (для неотчетных предприятий) вы- ражалось в двоякой форме: в раскладочном сборе и в окладном сборе (процентном сборе), причем и раскладка, и определение процентного сбора покоились на выяснении оборотов предприятия, которые множились на среднюю нормальную прибыльность данной отрасли производства и торговли, устанавливаемую для каждой местности. В настоящее время раскладочного сбора не существует, а имеется только окладной, причем последний обуслов- ливается одними лишь размерами оборота, но не нор- мальной прибыльностью. Однако, последняя не игнори- руется вполне, она принимается лишь в соображение в более упрощенной, косвенной, форме.

Так это имеет место в настоящее время, с тех пор, как в июне 1923 года установлена дифференциация про- цента уравнительного сбора. До этого времени, с оборо- тов всех предприятий, к какой бы отрасли производства или торговли они ни принадлежали, взимался одно- образный сбор в 3 процента, который во многих мест- ностях, благодаря 100-процентной прибавке, в пользу местных органов (в некоторых местах надбавки не дости-

гают этого уровня), удваивался. Однако, нетрудно было заметить, что прибыльность отдельных отраслей не одинакова, что нельзя в этом отношении ставить на один уровень оптовую и розничную торговлю, торговлю зерном и торговлю мануфактурными товарами и т. д. При внимании однообразного процента с оборота не могла не получиться крайняя неуравнительность в обложении.

В виду этого, в настоящее время проводится дифференциация в уравнительном сборе, в зависимости от отрасли производства или торговли; в области торговли—сообразно тому, идет ли речь об оптовой или розничной торговле, в отношении же промышленности устанавливается разграничение между государственными предприятиями с одной стороны, кооперативными и частными—с другой. Вместо прежних 3%, государственные промышленные предприятия различных отраслей платят всего 0,25—0,50%, кооперативные и частные 0,5—1% и только в некоторых отраслях он достигает 2—3%. Для оптовой торговли уравнительный сбор составляет 0,5—2% для розничной 1—3½%. Впрочем, есть и более высокие ставки, напр., для биллиардных заведений 5%, для тотализаторов 8%.

Такое дифференцирование уравнительного сбора является суррогатом прежнего обложения по нормальной прибыльности; в основу его положена та же мысль о неодинаковых размерах средней прибыли по отраслям и видам промышленности и торговли. Только она, в противоположность прежней системе прибыльности, определена в равном размере для всех местностей, тогда как несомненно одна и та же отрасль в различных областях страны, в городе и в деревне, в столице и маленьком городке, в центре и на окраинах, может быть весьма различна. Однако, такое упрощение уравнительного сбора вызывается крайней трудностью определить размер прибыльности даже по отдельным отраслям, а тем более по различным районам. Если и в прежнее время установить нормальную прибыльность являлось делом весьма нелегким, и то, что именовалось этим термином, в действительности имело мало общего со средней прибылью, то в настоящее время, при постоянно изменяющейся конъюнктуре, даже сами торговцы и промышленники отка-

зываются определить среднюю прибыль своей отрасли. Поэтому и приходится прибегать к весьма упрощенным приемам, да и при таких условиях нельзя быть уверенным в том, что полученный результат сколько-нибудь соответствует действительности. Легко может оказаться, что и те дифференцированные ставки уравнительного сбора, которые в настоящее время введены, далеко не вполне соответствуют действительности не только в том смысле, что они не улавливают средней прибыльности, но и в том отношении, что они не устанавливают даже соответствия между отдельными отраслями и видами предприятий и поэтому нуждаются в значительных изменениях.

Дифференцирование уравнительного сбора имеет однако во всяком случае ту положительную сторону, что оно понижает для большинства предприятий процент уравнительного сбора, для многих отраслей торговли и еще более промышленности в значительных размерах. Прежний сбор в 3% с оборота нередко поглощал всю прибыль и даже превышал ее, и если предприятия даже с низкой прибылью все же продолжали существовать, то это объяснялось, как предполагали сами представители торгово-промышленного класса, тем, что обороты показывались совершенно неправильно, сильнейшим образом преуменьшались и, несмотря на все старание податных органов правильно определить их, им это никогда не удавалось. Да это и немислимо было, означало бы гибель для промышленности и торговли при том огромном проценте уравнительного сбора, который взимался. В настоящее время положение изменилось, уравнительный сбор стал гораздо более легким, но едва ли это поведет к более правильным показаниям оборота со стороны плательщиков. Опыт показывает, что раз установившиеся в этом отношении навыки не так легко изменить, создать податную мораль там, где раньше самый размер обложения неминуемо вел к нарушению ее. Причина исчезает, но последствия ее продолжают действовать. Поэтому основным принципом всякого обложения является установление первоначальных невысоких ставок и лишь постепенное поднятие их, а не наоборот, введение первоначально высокого обложения, ибо понижение его впоследствии уже мало меняет дело.

Понижено и обложение производства предметов роскоши и торговли ими. В то время, как прежде эти предприятия уплачивали 6 и 12⁰/₀, смотря по тому, были ли они отнесены к первому или второму разряду, в настоящее время ставки для них составляют 3 и 6⁰/₀, т.-е. уменьшены наполовину, а для оптовой торговли предметами роскоши составляют даже всего 2¹/₂ и 5¹/₂⁰/₀. При этом прежнее резкое разграничение между обложением предметов роскоши и уравнительным сбором со всех прочих отраслей производства и торговли исчезло. Различные виды промышленности и торговли, не входящие в состав предприятий, производящих предметы роскоши и торгующих ими, уплачивают не только 3⁰/₀, как это соответствует обложению предметов по первому разряду, но, как мы видели, иногда и гораздо больше, вплоть до 5, 6 и 8⁰/₀.

Принцип повышенного обложения предметов роскоши у нас проводится, как мы видим, в самом промысловом налоге, в противоположность установленному в настоящее время в других странах налогу на обращение, взимаемому с приобретенных товаров. Последний мы находим в настоящее время, после войны, в целом ряде западно-европейских государств. Стремление усилить облагать роскошь обнаруживается вообще в последнее время в различной форме, хотя—каковы его результаты, пока трудно сказать. Не следует упускать из виду, что существует роскошь двойного рода. Есть роскошь в тесном смысле, которую могут себе позволить лишь очень состоятельные группы населения. Ее принципиально следует облагать в усиленном размере. Но с фискальной точки зрения она ничего дать не может, она слишком мало распространена, ее трудно уловить, и расходы на податный аппарат слишком велики, по сравнению с поступлениями, чтобы могла получаться какая-нибудь выгода для казны. Но есть и «роскошь» другого рода, та, которая гораздо более распространена, которая выражается в комфорте, в обстановке, удобствах разного рода. Такую роскошь следует всячески поощрять, стремиться к тому, чтобы она захватывала возможно широкие круги населения. А налог может этому воспрепятствовать.

Новые налоги на обращение в Германии, Франции и ряде других стран, промысловый налог у нас—насти-

гают естественно роскошь не только первого, но и второго рода, все, что выходит за пределы самого необходимого, простого, грубого, дешевого. Помимо указанного принципиального возражения имеется еще и другое, заключающееся в чрезвычайной трудности отделить предметы роскоши от тех, которые сюда отнесены быть не могут, провести между ними сколько-нибудь точную и правильную границу. В нашем промысловом налоге первоначально эта граница была установлена весьма неудачно: в число предметов роскоши попадали дамские сумки и чемоданы, пирожные и конфеты, ленты, корсеты, мыло и зубные щетки, комнатные растения и т. п.

При этом предметы роскоши были разбиты на два разряда, резко отличавшиеся друг от друга по ставке налога, так как для второй группы она вдвое выше, чем для первой. Между тем, в первую группу с более низкой ставкой попали изделия из драгоценных металлов и камней, тогда как во вторую группу бисквиты и печенье, шляпы, живые цветы и т. д. Наконец, такие определения, как модные дамские наряды, тонкие кружева, стильная мебель, нарядная городская упряжь не могли не вызывать много недоразумений и споров, вследствие своей неясности и неопределенности.

При пересмотре этих списков, в особенности при имевшем место в январе 1923 г., многие из этих дефектов были устранены. Определения даны более ясные, различные предметы исключены из категории роскоши, произведено более правильное распределение товаров по двум группам, наконец, как мы видели, самое обложение предметов роскоши понижено вдвое, хотя вторая группа попрежнему платит вдвое более, чем первая. Однако, сомнение вызывает попрежнему существование этих двух групп, а не одной, объединяющей все виды предметов роскоши. Если и самый вопрос о том, что следует отнести в каждой отдельной отрасли производства к роскоши, является весьма спорным, то уже совсем неразрешимой должна оказаться задача определить, в каких отраслях промышленности или торговли имеется налицо большая и где меньшая степень роскоши. Деление производится таким образом, что в одну группу входят одни отрасли производства, в другую—иные. Между тем ясно, что в каждой

из них могут изготавливаться и более ценные, и менее дорогие предметы. Едва ли правильно, например, включать в одну и ту же группу все виды мехов (кроме наиболее простых, вообще не относимых к предметам роскоши), начиная от котика, скунса, кенгуру, вплоть до шиншилла, соболя, горноста, или все виды дамских шляп с перьями и другими украшениями, от самых простых до наиболее дорогих. Почему дорогие дамские шляпы попали в первую группу, тогда как менее ценные меха и все кондитерские изделия—во вторую, остается неясным.

Конечно, из этого еще вовсе не следует, что нужно разбить все предметы роскоши на группы не по отраслям производства, а по ценности товаров, устанавливая в каждой отрасли две группы—более дорогих и менее дорогих товаров. Теоретически такое разделение, конечно, возможно, но на практике оно положительно неосуществимо. Совершенно немыслимо было бы хоть сколько-нибудь точно провести границу, определить, какие виды товаров того или иного рода входят в каждую категорию; споров и недоразумений появилось бы несметное количество. Очевидно, вывод один—отказаться от деления на две группы, да еще столь резко отличные по размерам обложения, сводя все отрасли к одной и той же категории.

На это указывалось уже давно. Но в настоящее время, со времени дифференцирования уравнительного сбора, есть еще и другой, более простой способ—включения предприятий, изготавливающих предметы роскоши или сбывающих их, в ту же общую схему, лишь с принятием для них повышенных ставок уравнительного сбора. В этом случае и тут получились бы не две резко различные ставки в 3 и 6 проц. ($2\frac{1}{2}$ и $5\frac{1}{2}$), а ряд разнообразных ставок в этих пределах. И теперь уже входят в общую классификацию предприятий по уравнительному сбору различные отрасли, относящиеся к производству предметов роскоши или к торговле ими, как, например, промышленные предприятия—шелковые, кружевные, кондитерские, ювелирные, по выделке художественных изделий, мастерские дамских нарядов, предприятия, торгующие мехами, парфюмерией, антикварными предметами, экипажами. Очевидно, можно было бы пойти и дальше и вклю-

чать сюда же и указания на то, что в случае, если те же предприятия (или иные, не упомянутые) держат такие-то товары, то с оборота последними процент повышается до такого-то размера. Это значительно упростило бы дело.

Конечно, остается все же еще другой вопрос обложения предметов роскоши—это двукратное привлечение их к повышенной ставке, вследствие чего прежде налог достигал 24⁰/₀, а с местным сбором и 48⁰/₀, а теперь доходит до половины этого размера, цифры попрежнему весьма внушительной и на практике фиктивной, ввиду чрезвычайного преуменьшения показываемого оборота. В германском налоге на обращение двукратность обложения устраняется, вследствие того, что налог взимается при продаже товара в розничных магазинах, в некоторых же случаях непосредственно при сбыте из соответствующих фабрик и мастерских; но в последнем случае, торговля ими уже не обложена. У нас же по необходимости приходится взимать повышенную ставку и в производящем товары предприятии, и в сбытающем их торговом заведении, следовательно, два раза, иногда и три—и в оптовой, и в розничной торговле. Такое многократное обложение одного и того же товара построено на мысли, что выручаемая на этих предметах роскоши прибыль достаточно высока, чтобы вынести его. Но если это предположение не оправдывается или если налог перелagается на потребителя, то положение получается совершенно невозможное. К сожалению, многократное обложение в форме промыслового налога неустранимо, а другую форму обложения предметов роскоши едва ли можно рекомендовать при наших условиях. Правда, в настоящее время обложение это сильно понижено и тем самым положение значительно улучшилось, но остановиться на этом едва ли возможно, несомненно, придется пойти и дальше по этому пути.

Впрочем, на практике, пожалуй, еще гораздо большее значение имеет то обстоятельство, насколько оборот предметами роскоши выделяется из общего оборота предприятия. В самом деле, в огромном большинстве предприятий сбыт предметов роскоши составляет обычно весьма небольшую долю оборотов предприятия. Положим, речь идет о торговле колониальными товарами. Нередко в ма-

газине имеются омары, пикули, икра, заграничные сыры и т. п. предметы роскоши. Но главный оборот все-таки совершается не этими ценными товарами, доступными лишь небольшому кругу покупателей, а массовыми продуктами—крупой, сахаром, растительным маслом, сельдями, русским сыром и т. д. Точно так же в торговле бельем, галантерейными товарами и т. д. главным предметом сбыта являются простые вещи, белье из бумажных материй, русские кружева и т. д., в булочной обыкновенный хлеб и булки, тогда как иностранные кружева, шелковые изделия, батист и т. д. в первом случае, и торты и дорогие конфеты во втором—совершенно отсутствуют на задний план.

Между тем, практика обложения в этом случае весьма неодинакова. Есть финансовые инспектора, которые на основании опыта определяют приблизительно ту часть общего оборота предприятия, которую должны составить предметы роскоши, тогда как другие выделяют их из прочих оборотов лишь в случае представления надлежащих данных, свидетельствующих о том, какую долю всего оборота они составляют, в противном же случае, облагают весь оборот по той ставке уравнительного сбора, которая установлена для предметов роскоши. При этом одни довольствуются торговыми книгами, другие же требуют представления им всех чеков, выданных за проданные товары, из которых они уже выделяют предметы роскоши. Но на последнее в большинстве случаев торговцы не соглашаются, ибо это значило бы открыть действительную сумму своего оборота.

Таким образом, мы возвращаемся снова все к тому же вопросу о выяснении размеров оборота. Это в сущности кардинальный вопрос, пожалуй, гораздо более важный, чем размер уравнительного сбора. При определении оборота в невысокой цифре, даже значительный уравнительный сбор не оказывается тяжелым, напротив, для тех предприятий, для которых оборот установлен очень высокий, и при пониженном уравнительном сборе обложение становится весьма тягостным. Несовершенство нашего промыслового обложения выражается более всего в этой невозможности сколько-нибудь правильно определить обороты предприятия. При современных условиях

резких колебаний в конъюнктуре рынка, открытия каждый раз новых предприятий и закрытия ранее существовавших в весьма больших размерах, трудность учесть оборот крайне велика. Даже опытным финансовым инспекторам, много лет прежде занимавшим должность податного инспектора, эта задача сплошь и рядом не под силу. Помощь же, оказываемая им со стороны других членов комиссии, весьма незначительна. Представители от плательщиков не заинтересованы в правильном учете оборотов, а для торговых и промышленных районов со значительным количеством предприятий—их число (всего двое) слишком незначительно, так что многие отрасли вовсе не представлены в комиссии. В интересах дела необходимо было бы, чтобы все те отрасли производства и торговли, которые имеются в данном районе в более или менее значительном количестве, имели своих представителей в комиссии, хотя бы и только с совещательным голосом, в качестве экспертов, могущих дать необходимые сведения при исчислении оборотов.

В до-военное время промысловый налог с неотчетных (частновладельческих) предприятий состоял из двух частей—из раскладочного сбора и из окладного сбора с прибыльности предприятия. Первому придавалось большое значение, так как при раскладке владельцы предприятий были заинтересованы в правильном определении оборотов (и нормальной прибыльности), на основании которых производилась раскладка; в противном случае, за недоплативших вынуждены были платить остальные; установленный контингент ведь во всяком случае необходимо было покрыть.

И в настоящее время возникает мысль (она уже отчасти высказывалась) о возможности возвращения к раскладочной системе или, точнее, о восстановлении прежней смешанной системы, при которой часть налога взимается путем раскладки, тогда как другая устанавливается в окладной форме, причем основанием для взимания окладного сбора служат обороты, определенные при разверстке раскладочного сбора. Если раскладочный сбор достаточно велик, определяемый контингент составляет, например, приблизительно половину всех поступлений от промыслового налога, тогда заинтересован-

ность представителей различных отраслей производства и торговли заставляет правильно учитывать обороты каждого предприятия данной отрасли, а сделать это они при желании в состоянии, даже при современных условиях хозяйственной жизни.

Весьма сложным вопросом является и проблема обложения трестов, синдикатов, смешанных обществ и т. п. предприятий. В до-военное время она разрешалась просто. В отличие от всех прочих предприятий (впрочем, в известных случаях и им предоставлялось право облагаться на тех же основаниях), предприятия, обязанные публичной отчетностью, облагались на основании их действительной прибыли (дивиденда), а также капитала. Обложение по дивиденду являлось основным, сбор же с капитала устанавливался в качестве дополнения к нему, с той целью, чтобы охватить и предприятия, не дающие в том или другом году дивиденда, а также и в видах предупреждения *разводнения* капитала, ибо в силу прогрессивного характера сбора с прибыли, определяемого пропорционально процентному отношению прибыли к капиталу, предприятию было выгодно показывать возможно больший капитал. Сбор с последнего должен был бороться с этого рода попытками.

В противоположность этому, в настоящее время и предприятия, представляющие отчеты, подлежат тому же сбору с оборота, хотя самое рассмотрение этих отчетов и установление размеров налога для них выделено в особые комиссии при финотделах. Нельзя отрицать того, что для них такая система обложения является неподходящей, ибо, например, в отношении трестов нельзя даже утверждать, что оборот в известной мере является косвенным показателем размеров прибыли. Но, единственно возможный переход к другой форме обложения мог бы заключаться лишь в замене обложения по обороту налогом, взимаемым по действительной прибыли; против последнего делаются различные возражения, вроде ссылки на недостаточную правильную отчетность, на трудность установить взаимоотношение между прибылью и размерами капитала, как и вообще учесть последний и т. д. Но суть, повидимому, в том, что с фискальной точки зрения получились бы в этом случае значительный убыток, правда,

больше кажущийся, чем действительный, ибо тресты, работающие с дефицитом, уплачивая уравнительный сбор, покрывают его ссудами из государственного бавка.

Но совсем уже неудачными следует признать те предложения, которые выдвигались в смысле замены обложения по обороту налогом с капитала или в виде установления дополнительного сбора с государственных промышленных предприятий в форме налога с капитала или с прибыли. Обложение капитала не в том виде, как это было в до-военное время, когда оно являлось лишь придатком к сбору с дивиденда, означало бы то же, что и обложение оборота, но только в упрощенной форме. При взимании налога с оборота также исходной точкой является капитал, но при этом учитывается скорость оборота; при обложении капитала этот дополнительный признак отпадает, и предприятия, делающие и много, и мало оборотов в течение того же периода, т.-е. извлекающие и большую, и меньшую прибыль, ставятся в равное положение.

В последнее время такого рода сбор с капитала, в качестве дополнения к существующему уравнительному сбору, выдвигается, как своеобразный процент, уплачиваемый государственными предприятиями с капитала, полученного в ссуду от государства. Полагают, что только в этом случае они будут поставлены в равное положение с частными предприятиями. Однако, при этом упускают из виду, что тресты, например, далеко не пользуются той свободой действия в области производства и сбыта, как частные предприятия, что у них имеются дополнительные накладные расходы, которые у последних отсутствуют, что, наконец, самое образование их путем соединения ряда фабрик и заводов далеко не всегда совершалось на рациональных началах, и, с точки зрения хозяйственной, необходимы были бы значительные изменения в их организации.

Так что наряду с преимуществами, в виде полученного от государства капитала, они обнаруживают и моменты, ставящие их в менее выгодное, по сравнению с прочими предприятиями, положение.

III.

С начала 1923 года появился у нас и подоходно-поимущественный налог. И он не был введен впервые, а лишь восстановлен, ибо существовал в 1917—1919 г.г., однако, в противоположность промысловому налогу, который просуществовал у нас до войны свыше столетия, подоходный налог был введен лишь к концу войны и фактически почти не взимался. Условия 1917—1919 г.г. были не таковы, чтобы столь сложная и требующая подготовки и со стороны населения, и со стороны податных органов форма обложения, как подоходный налог, могла в эти годы привиться. Ни подача деклараций о доходе, ни проверка их, ни взимание самого налога не могли правильно производиться при тех пертурбациях во всей хозяйственной жизни страны, которые происходили в этот период.

В настоящее время приходится таким образом начинать сначала, делая первые шаги к проведению в жизнь подоходного обложения. В то время, как в промысловом обложении имеется продолжительная практика прежних лет, торгово-промышленный класс привык к этому налогу и приходится лишь ограничиваться более упрощенными формами обложения, по сравнению с до-военным временем, — в отношении подоходного налога прецеденты отсутствуют, все ново, неслыханно, населению этот налог совершенно неизвестен и оно естественно относится к нему с известным предубеждением; надо его еще познакомить с новой формой обложения, приучить к ней.

Действовавший до сих пор подоходный налог был построен на прогрессивном обложении совокупности доходов с освобождением известного, каждый раз устанавливаемого уровня, тогда как самые ставки его с сентября 1923 г. определены в золоте, равно как в золоте исчислены теперь и разряды налога. Он начинается с одного процента при доходе в 150—200 руб. (хотя свободный минимум может быть и выше), и доходит до 12%, при доходе в 4.000 и выше руб.

Такое установление ставок в золоте раз навсегда является существенным прогрессом по сравнению с тем способом, который применялся в первой половине этого

года, ибо теперь плательщику заранее известно, сколько он должен будет платить, и он в состоянии свести для этого все свои поступления к золотым рублям. Но по-прежнему налог взимается два раза в год, по полугодиям, что означает двойное бремя и для плательщика, и для податных органов. Приходится два раза в год подавать декларацию, два раза в год представлять документы в подтверждение сообщенных данных, если возникают по поводу их сомнения, два раза в год подавать жалобы в губернское присутствие и т. д. А налоговые комиссии, едва закончив работы по проверке деклараций и по рассмотрению жалоб относительно подоходного налога за первое полугодие, вынуждены немедленно же снова приступать к той же работе. Если иметь в виду, что финансовые инспекторы ведают и другие налоги, в особенности такие, сопряженные с большой затратой времени и труда, как промысловое обложение и как единый сельско-хозяйственный налог, то такая двойная работа по подоходному налогу едва ли может быть признана желательной и целесообразной.

До тех пор, пока доход не исчислялся в золоте, в пользу установления налога по полугодиям можно было ссылаться на то несомненно существенное обстоятельство, что при непрерывном падении курса рубля весьма трудно производить сколько-нибудь правильный подсчет дохода за целый год, как и не следует отдалять срок уплаты на столь продолжительный промежуток. Но с переходом к исчислению на золото эти соображения, очевидно, отпадают и остается разве только тот мотив, что условия хозяйственной жизни, а в связи с этим и доходы плательщиков в настоящее время часто меняются, почему желательно учитывать эти доходы периодически, по возможности в краткие сроки.

Подоходный налог распространяется не на все группы населения. Из него исключены лица, проживающие вне городов, если они занимаются сельским хозяйством, т.-е. все те, кто подлежит единому сельско-хозяйственному налогу. Для них уплата последнего признается достаточным бременем, и, несомненно, взимание с сельского хозяйства еще и подоходного налога привело бы к чрезмерному обременению. И так в настоящее время по-

ложение сельского хозяйства нелегкое, город по сравнению с деревней находится в весьма привилегированном положении. А кроме того, самое исчисление дохода в области сельского хозяйства, как показывает опыт иностранных государств, где давно уже имеется подоходное обложение, представляется делом особенно трудным и сложным и сплошь и рядом приводит к тому, что подоходный налог в этой области принимает по необходимости реальный характер. Впрочем, у нас этот аргумент может иметь лишь второстепенное значение, так как, как мы увидим ниже, у нас подоходный налог все равно в значительной мере построен на реальных основаниях, а новый декрет проводит эту мысль еще дальше и последовательнее.

С другой стороны, подоходный налог не включал в себя до сих пор обложения служащих и рабочих. Последние, по действующему законодательству, подлежали особому налогу с высокой заработной платы. Это был частичный подоходный налог, взимаемый у самого источника (путем вычета из жалования) ежемесячно в прогрессивной форме, но с установлением иного, более высокого минимума, чем для обще-подоходного налога, и иной прогрессии. Исходя из классового принципа, законодатель имел в виду установить пониженное обложение для этих лиц, живущих личным трудом и притом по найму (в отличие от свободных профессий). Если иметь в виду, что свободный от обложения минимум для налога с высокой заработной платы установлен был в 150 товарных рублей в месяц, тогда как для всех прочих плательщиков он не превышал 250 руб. золотом в полугодие, то для служащих и рабочих действительно получалась большая льгота. Свободный минимум был в несколько раз больше, чем для обще-подоходного налога. С другой стороны, однако, те служащие, которые имеют свыше этого минимума, и, следовательно, подлежат налогу с высокой заработной платы, уплачивали его, пожалуй, в более высоком размере, чем прочие плательщики с равным доходом. Это обуславливалось тем, что, в отличие от приведенных выше ставок обще-подоходного налога, достигающих в максимуме 12%, налог с высокой заработной платы доходил до 20%, причем, так как разряды (при устано-

влении прогрессии) определены были в бумажных рублях и были очень незначительны, то почти всякий, кто имел свыше 150 руб. товарных, подлежал этой наивысшей ставке.

К этому можно было бы еще прибавить указание на возможность точного исчисления жалования и заработной платы, тогда как прочие виды дохода нетрудно преуменьшить, если бы не исчисление последних на основании рассматриваемых ниже норм доходности, которое приводит сплошь и рядом, наоборот, к преувеличенным окладам. До последнего времени, когда доход и оклады определялись в денежных знаках, служащие оказывались в невыгодном положении в виду того, что налог с них взимался ежемесячно, т.-е. в полной стоимости, тогда как прочие плательщики, внося его через продолжительный промежуток времени после получения самого облагаемого дохода, уплачивали его в значительно обесцененной валюте. Однако, не только этот последний момент устарел в настоящее время, но и вообще произведено слияние налога на служащих и рабочих с подоходным обложением прочего населения.

Новый декрет подоходно-имущественного налога от 12 ноября 1923 г., построен по системе поразрядно-подоходного обложения, напоминая прусский классный и классифицированный налоги, существовавшие еще до реформы 1891 г. именно для всех доходов, не превышающих 500 и 300 руб. золот. (в зависимости от местности норма составляет 500, 450, 400, 350 и 300 руб. (в полугодие) для служащих и рабочих до 900 руб. зол.), устанавливается поразрядное обложение, причем в случае, если плательщик подлежит обложению по нескольким группам, он уплачивает налог по наивысшей. Следовательно, самая идея обложения по совокупности доходов для всех этих плательщиков совершенно устраняется, критерием является не весь доход, а только тот, который данное лицо получает от наиболее прибыльного занятия, причем и этот доход исчисляется не непосредственно, а учитывается путем внешних признаков, или, точнее, одного внешнего признака — профессии лица. Все лица, занимающиеся данной профессией, платят один и тот же налог (различный лишь по местностям), независимо от

размеров их дохода. Так, в один и тот же разряд отнесены все лица свободных профессий, в другой—все владельцы строений, в третий все лица, арендующие недвижимости. Один и тот же разряд составляют все владельцы денежных капиталов и т. д. Владельцы торговых и промышленных предприятий разбиты на разряды, сообразно уплачиваемому патенту. Получается до крайности упрощенная поразрядная система, имеющая весьма мало общего с подоходным налогом. Лишь поскольку доход превышает указанный уровень, обложение производится по совокупности, на основании декларации, причем ставки определены в размере от 2 до $15\frac{1}{2}\%$ (при доходе в 8 тыс. и более руб.); на каждую тысячу сверх 8.000 руб., взимается по 250 руб., т.-е. 25% , так что в максимуме налог может доходить до 25% .

Такой реальный принцип, положенный в основании нового проекта, не был чужд и действовавшему до сих пор подоходному обложению. Последнее, правда, было построено на принципе подачи заявлений о доходе, которые являлись обязательными для всех плательщиков (а не лишь для лиц со сравнительно крупными доходами, как предположено в новом проекте), причем, в случае несвоевременной подачи декларации (позже назначенного финансовым инспектором срока), плательщик не только подвергался денежному взысканию, но и лишался права на обжалование исчисленного комиссией по подоходному налогу оклада. Однако, характерным является то обстоятельство, что при проверке декларации комиссия пользовалась не только индивидуальными данными о плательщиках, имевшимися в ее распоряжении, но и прибегала к приему, который в сущности не вяжется с личным характером обложения и который применялся в других государствах тогда, когда подоходный налог находился еще в переходной стадии, не успев еще привять характера чисто личного налога.

Именно комиссия по подоходному налогу устанавливала нормы доходности для семейств разной степени зажиточности. Речь идет, следовательно, не об учете индивидуального дохода каждого плательщика, а об исчислении средней нормальной доходности для плательщиков соответствующей группы. Исходной точкой

является, следовательно, предположение, что каждому разряду плательщиков соответствует определенный средний размер дохода, и на основании его определяется доход данного плательщика.

В частности, в отношении владельцев торгово-промышленных предприятий, комиссия определяет нормальную прибыльность по отдельным отраслям промышленности и торговли. А для того, чтобы получить доход плательщика, она множит полученную среднюю прибыль на установленные для промыслового обложения обороты предприятия. Точно так же при проверке показанных в декларациях доходов от принадлежащих плательщикам или арендуемых ими строений или от используемых ими земельных участков, устанавливается нормальная для предыдущего года валовая доходность по расчету на одну квадратную сажень такого рода строений и земельных участков.

Однако, этим дело не ограничивалось. Сверх определения норм доходности для доходов различного рода, применялся еще и другой способ — исчисление вероятной суммы расходов плательщика. Устанавливаются нормальные бюджеты для средних типичных семейств разных категорий, которые разбиваются на группы — на богатые семейства, средние, малозажиточные и т. д. Здесь уже самая категория дохода заменяется иной — обложением расхода. И такой прием практиковался когда-то в подоходном обложении, ибо полагали, что учет расходов представляется делом гораздо более простым и легким, чем правильное исчисление действительного дохода. Разного рода внешние признаки, как то: стоимость занимаемой квартиры, квартирная обстановка, наличие прислуги и количество последней и т. д. — позволяют определить расходный бюджет плательщика, который и берется взамен его дохода и составляет объект обложения.

Однако, надо иметь ввиду, что расходы далеко не вполне соответствуют доходу и судить о последнем на основании первых было бы рискованно. Плательщик может наряду с доходом проживать и свое имущество, продавая, напр., свои вещи, как это в настоящее время часто бывает, но он может и откладывать часть своего дохода, далеко не тратя его полностью, как это также делают в

настоящее время лица с крупными спекулятивными доходами. Но кроме того, не следует упускать из виду и того обстоятельства, что и нормы доходности, и расходы можно было бы применить в подоходном налоге лишь в качестве материала при исчислении действительного индивидуального дохода, наряду, конечно, с материалами иного рода. Но картина совершенно меняется, если они превращаются в то единственное основание, на котором строится обложение, если они притом заменяют собою учет индивидуального дохода.

Между тем в таком виде они у нас фигурируют. Мало того, если в отношении дохода можно до известных пределов пользоваться нормальной доходностью, то, казалось бы, расходы уж во всяком случае необходимо определять индивидуально для каждого плательщика, а не устанавливать расходные бюджеты средних типичных семейств, которые ничего общего с индивидуальным доходом плательщика не имеют и иметь не могут.

При определении как норм доходности, так и расходов игнорировалось кроме того одно весьма существенное обстоятельство—состав семьи плательщика. Подоходное обложение не может ограничиваться установлением одних лишь размеров дохода, а должно наряду с ними учитывать и другие приходящие моменты, кроме качественных, принимать в соображение и количественные. С составом семьи необходимо считаться в особенности при вынесении расходов плательщика, ибо последние находятся в прямой и непосредственной связи с числом членов семьи, их возрастом и т. д., причем налог должен, само собою разумеется, понижаться для лиц с большой семьей и с нетрудоспособными членами; при равном доходе они должны платить по пониженной ставке, как это делается всегда в подоходном налоге. Между тем, составляемые у нас типичные расходные бюджеты, хотя и принимают в соображение состав семьи, но как раз в обратном направлении. Они должны повышать расход людей многосемейных, исходя из того, что на каждого члена семьи приходится определенный расход, так что для них неминуемо получается повышенное обложение.

Такой неправильный прием, вытекавший из самого принципа обложения по средним расходам, смягчался бы

до известной степени, хотя и не вполне, если бы в дальнейшем, при переводе этих расходов в доход, допускалось понижение окладов, в зависимости от состава семьи. Между тем, действующий подоходный налог игнорирует этот момент, так же, как он не знает вычета процентов по долгам, т. - е. характерных признаков личного обложения. Не желали усложнять работу податных комиссий, заставляя их в каждом отдельном случае выяснять состав семьи и устанавливать долги плательщика, проверять представляемые им в доказательство последних документы и т. д.,—все это заставляло отказаться от учета означенных моментов; быть может, известную роль играло и соображение о слабом развитии у нас в настоящее время кредита, о том, что сделки этого рода производятся без письменных документов и т. д.

Но по существу своему, такой образ действий вполне соответствовал тому реальному характеру, который вообще принимал подоходный налог в связи с учетом нормальной, а не действительной доходности, средних расходов для типичной семьи и т. п. Какую роль при таких условиях могли играть указанные индивидуальные моменты, раз в основание обложения были положены средние величины?

Между тем и другими получилось бы только резкое противоречие. Напротив, последовательность требовала пойти и дальше, и отказаться от тех соответствующих личному характеру обложения моментов, которые внесены были в подоходное обложение, в частности, устранить обязательность подачи деклараций.

Последняя имеет смысл там, где она полагается в основание определения размеров дохода, и все остальное лишь служит для проверки ее. Но раз заранее известно, что доход будет исчислен на основании средних норм расходов типичной семьи, то, очевидно, декларация является излишней. Податная комиссия ей совершенно не доверяет, не обращает на нее внимания и столь же мало значения придает ей при таких условиях и плательщик.

Действительно, как мы видели, новый декрет подоходно-повмущественного налога для огромного большинства плательщиков не устанавливает обязательной подачи

деклараций. Это не означает, правда, еще отказа от личной формы обложения, но наряду с поразрядным характером налога, из чего вытекает уже и отсутствие других, свойственных личному налогу качеств, свидетельствует о том, что наше подоходное обложение—кроме обложения высших групп плательщиков—принимает реальный характер. Опыт показывает, что подача деклараций для массы плательщиков вообще сопряжена с большими затруднениями, а проверка их у податных органов отнимает много времени и лишает их возможности посвятить надлежащее внимание выяснению более крупных доходов. Поэтому, Пруссия, до последнего времени, освобождала от обязанностей подачи деклараций плательщиков с доходом в 900—3000 рублей. И у нас, после введения подоходного налога в 1916 году, уже при первых шагах по установлению доходов, выяснилась невозможность и беспредельность требования деклараций от всех плательщиков. Еще более это подтвердилось новейшим опытом, когда декларация вообще потеряла всякое значение. Новый проект сделал из этого надлежащий вывод, освободив всех плательщиков с доходом до 300—500 руб. золотом от подачи заявлений о доходе.

Да в этом и нет надобности, ибо все равно устанавливается обложение поразрядное. Для более высоких доходов подача деклараций сохранена. Но вычет процентов по долгам и понижение обложения в силу наличности малолетних и т. д., и в отношении этих доходов попрежнему не применяется, так что и эти верхи облагаются не чисто личным налогом, а податью, носящей смешанный характер. Это предположение еще более подтверждается инструкцией от 12 ноября 1923 г., которая возлагает на финансовых инспекторов обязанность составить проекты средних норм доходности торгово-промышленных предприятий, построек и земельных участков и норм прожитка. Таким образом, превратив обложение всех низших групп плательщиков в чисто-поразрядное (а не подоходное), декрет (и инструкция) и для высших групп все же не создал действительного подоходного налога, сократив прежнюю систему обложения по нормам доходности и по расходам. Все, что сказано выше по поводу применения этих суррогатов действительного дохода.

как и о роли декларации, сохраняет, следовательно, и теперь свою силу. В частности торгово-промышленный класс будет, повидимому, и теперь облагаться на основании крайне высоких норм прибыльности, нечисленных комиссиями, как это было до сих пор, так что то облегчение, которое получилось для него в промысловом налоге, в значительной мере теряет свое значение. Но в то же время нельзя отрицать того, что все это упрощение, созданное новым декретом, соответствует современным условиям и создает единственно-возможную в настоящее время форму обложения, хотя и называет ее не совсем подобающим ей именем.

При этом декрет снижает подходящий налог с обложением высокой заработной платы. Такое обложение того и другого несомненно является целесообразным. Обложение служащих и рабочих на совершенно иных основаниях приводило к тому, что наряду с выгодами для последних получались, как мы видели выше, и отрицательные явления. Теперь лишь с высшими окладами подлежат налогу на тех же основаниях, как и прочие плательщики, облагаемые по совокупности доходов, по тем же разрядам, уплачивают также от 2 до 25%, обязаны подавать декларацию и проч. Для этих доходов установлена лишь та льгота, что они облагаются на таких основаниях, если доход превышает не 500, а 900 руб., так что находятся в гораздо более выгодном положении, чем прочие плательщики. Однако и при доходе менее, чем в 150 руб. в месяц служащие и рабочие не изъяты от обложения, они подлежат лишь наравне с прочими группами населения поразрядному обложению. Именно для них установлен теперь свободный минимум в 75 руб. золотом; при более высоком вознаграждении и с них взимается налог, хотя и весьма незначительный, в 3 руб. 60 к. при доходе в 75—100 р. в мес., в 7 руб. 20 к. при доходе в 100—150 руб. и в 15 руб. при более высоком доходе, помимо прочего налога с последнего, определяемого, как указано выше, на основании декларации.

Так что и в этом случае устанавливается поразрядное обложение, хотя здесь было бы вполне возможно взимать его в известном проценте, напр., с каждых 10 руб. золотом, а не разбивать отдельно на такие три категории.

Кроме того, мыслимо было бы и сохранить ныне практикуемую систему вычета из жалованья. Это было бы целесообразно применять и к доходам с жалований, превышающим указанный размер в 150 руб. зол. в мес. и облагаемым на равных с прочими видами доходов основаниях. В противном случае приходится прибегать к системе косвенных деклараций, т.-е. требовать сообщения податным органам списков лиц, получающих жалование во невозможных утверждениях и предпринятиях. Конечно, поскольку речь идет о высших категориях плательщиков, получающих жалование, обложение их по совокупности доходов и путем подачи деклараций дает возможность привлечь их к доходу, получаемому с различных служб, как и из прочих источников, облагая их прогрессивно по общей сумме их дохода. Однако, так дело обстоит только теоретически, на практике же, в огромном большинстве случаев другие виды доходов, получаемые не от службы, попросту ускользают от обложения, как и не представляется возможным выяснить заработок, получаемый по совместительству. В случае же вычета у источника, его крайний доход от службы был бы обложен полностью, хотя и не прогрессивно. Но все же выгода оказалась бы на стороне казны.

В отношении обложения имущества, декрет сохраняет прежнюю льготу для рабочих и служащих, освобождая их от этого налога. В том виде, в каком в настоящее время существует поимущественное обложение, оно представляет собою не что иное, как налог на роскошь. В декрете, этот характер его выражен еще более резко, ибо в качестве объектов его указаны экипажи, лошади, предметы роскоши и драгоценности.

Н. М. Кулишер.

Наша государственная кредитная система.

Государственные кредитные операции, реализуемые советской властью в период новой экономической политики, преследуют две цели: покрытие бюджетного дефицита и оздоровление денежного обращения. Эти две цели тесно связаны между собой, но, вместе с тем, каждая имеет свое самостоятельное значение.

Во всяком случае, бюджетный дефицит не связан обязательно с эмиссионным хозяйством, хотя эмиссионное хозяйство всегда является результатом бюджетного дефицита. С другой стороны, государственные кредитные операции имеют место и при отсутствии казначейской эмиссии.

Оздоровление денежного обращения при помощи кредитных операций достигается двояким путем. Во-первых, покрывая часть своего расходного бюджета при помощи средств, извлекаемых из оборота, государство тем самым сокращает размеры казначейской эмиссии. Во-вторых, оборот с облигациями займов расширяет потребность рынка в денежных знаках и тем самым поднимает их курс.

Но достижение этой цели встречает серьезные затруднения в самом факте существования падающей валюты. Держатель облигации, приносящей определенный процент, терит столько на курсе, благодаря обесценению валюты, что он не может рассматривать облигацию займа, как средство сбережения.

Этим объясняется то обстоятельство, что почти все страны с падающей валютой стараются заключать займы в твердом исчислении. Так поступили Германия и Австрия, выпустившие займы в долларах, Португалия, выпустившая заем в фунтах стерлингов. Все эти займы—внутрен-

ние, и исчисление их в иностранной валюте имеют своей целью дать им твердое основание, страхующее помещаемые в них средства от обесценения.

У нас иностранная валюта не выступала в такой роли, по двум причинам. Во-первых, потому, что твердая иностранная валюта (фунт и доллар) не имеет у нас той популярности, которой она пользуется в западно-европейских странах с падающей валютой. Крестьянство наше совершенно не знает иностранной валюты. Городское население интересовалось иностранной валютой, как средством страхования своих средств от обесценения, только в крупных центрах. Мелкие города также почти не знали иностранной валюты. Во-вторых, мы все время ведем энергичную борьбу с инвалютой, поскольку она пытается исполнять какие бы то ни было денежные функции внутри страны. Целым рядом законодательных актов и мероприятий валютной политики нам удалось почти совершенно вытеснить инвалюту из внутреннего оборота, оставив за ней одну только свойственную ей роль орудия международных платежей.

При таком положении вещей было бы нецелесообразно и непоследовательно пользоваться инвалютой, как основанием для исчисления наших займов.

Перед выпуском первого хлебного займа долго дебатировался вопрос о способе его исчисления. Хлебная единица была избрана для того периода очень удачно. Она была по тому времени всего более понятна широким кругам населения, так как в дореволюционный период хлеб, особенно в крестьянской среде, очень часто выступал в качестве мерила ценности.

С другой стороны, связь займа с продналогом сделала его чрезвычайно актуальным для огромного большинства населения.

Тем не менее, необходимо признать, что в хлебном займе вопрос об единице исчисления был разрешен только наполовину. Интересы держателей облигаций полностью защищены, поскольку погашение займа производится в натуре. Вносилась ли облигация в счет продналога, или она предъявлялась к погашению хлебом—в обоих случаях она давала ее держателю стоимость определенного количества пудов хлеба, обозначенного в ней.

Иначе обстояло дело с *реализацией* первого хлебного займа. Цена облигации была зафиксирована в советских знаках на весь период реализации и была одинакова по всей территории, несмотря на разнообразные цены на территории Республики и на значительное изменение их во времени. Благодаря такому положению вещей казна несомненно теряла на курсе. Обязанная погашать заем в твердых хлебных единицах, она сама получала за него обесценивающиеся советские знаки.

Более обстоятельно этот вопрос разрешен во втором хлебном займе. Оставляя тот же метод погашения, он предусматривает, во-первых, деление на районы в зависимости от территориального распределения хлебных цен и, во-вторых,—периодический пересмотр цен по реализации в зависимости от изменения средних цен на хлеб в данном районе.

Еще более совершенно этот вопрос разрешается выигрышным и другими нашими займами (обязательства Центрокассы, транспортные сертификаты и друг.), которые устанавливают как реализацию, так и погашение в золотых или червонных рублях.

Второе затруднение, с которым приходится особенно считаться нашим государственным займам—это отсутствие сбережений у населения. Всего только второй год, как мы стали понемногу оправляться от тех ран, которые были нанесены народному хозяйству войной и революцией. Еще только недавно заработная плата у нас вышла из пределов голодного минимума. Огромное большинство городского населения состоит из рабочих и служащих. Частные торговопромышленные группы, в массе своей малосостоятельные, представляют собой недостаточно емкий рынок для размещения государственных займов. Крестьянство с трудом восстанавливает свое разрушенное хозяйство в условиях весьма неблагоприятной для сельского хозяйства рыночной конъюнктуры. При таком положении вещей размеры сбережений у большинства населения, возможность размещения государственных ценных бумаг на фондовом рынке чрезвычайно ограничена. Во всяком случае, приходится говорить не о настоящих сбережениях, отложенных в виде излишков на неопределенное время и без определенного назначения, а о

пременно свободных остатках, выделенных владельцем их из скромного бюджета на определенные цели.

Благодаря такой конъюнктуре, на более или менее успешное размещение могут рассчитывать, главным образом, краткосрочные кредитные операции, которые гарантируют их участникам скорое освобождение завязываемых средств. Этим объясняется то обстоятельство, что, за исключением выигрышного, все наши займы краткосрочные и рассчитаны на период не более 6 месяцев.

Третье затруднение, с которым встречаются у нас государственные займы, заключается, с одной стороны, в отсутствии достаточного доверия к государственному кредиту у некоторых слоев населения, как раз наиболее состоятельных и обладающих наибольшими сбережениями, и, с другой стороны, в отсутствии привычки к помещению сбережений в облигации государственных займов.

Первый момент имеет место всегда в эпоху кризисов, вызываемых длительными войнами или революциями. Хозяйственная жизнь страны приходит в расстройство, кредитная система нарушается, а вместе с тем и еще в большей мере приходит в расстройство финансовая система государства. В результате всех этих потрясений, население теряет доверие к государственному кредиту. В такие моменты у государства остается единственный выход—принудительный заем.

В эпоху великой французской революции правительство в промежуток времени между 1793 и 1799 годами трижды прибегало к принудительным займам.

В 1815 г., когда Франция была занята иностранцами и финансы страны находились в чрезвычайно тяжелом положении, опять был декретирован королевским приказом от 16 августа принудительный заем.

Во время и после последней мировой войны опять встал вопрос о принудительных займах. Он беспрерывно обсуждался почти во всех воюющих государствах: в Италии, Германии, Франции и даже в некоторых полунейтральных странах (Новая Зеландия, Австралия и др.).

В сентябре текущего года пришлось поставить вопрос о принудительном займе и у нас. Дело в том, что, как уже было указано выше, у нас дело осложняется еще отсутствием у населения привычки к помещению своих

средств в государственных займах. При таком положении вещей и при условии, когда покрытие бюджетного дефицита вызывается необходимостью в удовлетворении самых необходимых нужд государства, добровольные займы могут оказаться недостаточно эффективными и может, естественно, стать вопрос о принудительном привлечении тех сбережений, которые имеются у населения.

В виду тех сомнений, которые вызывает вопрос о принудительных займах в теории и на практике и в виду тех многочисленных возражений, которые раздаются у нас в связи с присвоением нашему выигрышному займу некоторых принудительных функций, мы считаем необходимым, прежде чем перейти к характеристике этих принудительных функций выигрышного займа, остановиться несколько на вопросе о сущности и природе принудительных займов.

Гастон Жез, в обширной статье в «Revue de Legislation et Science Financiere», посвященной исследованию о принудительных займах, ставит три вопроса: Какова природа принудительных займов? Являются ли они законными? И имеют ли они шансы на успех? Второй вопрос необходимо признать правдым, так как законность принудительных займов не вызывает никаких сомнений, если государство свободно устанавливает налоги, которые представляют безвозмездное присвоение части имуществ и доходов населения, то тем более государство в праве принудительно занимать у населения деньги с условием возврата этих денег к определенному сроку и уплаты процентов.

Интересна, тем не менее, аргументация, к которой прибегает Жез для того, чтобы доказать законность принудительного займа.

«Интересы нации», — говорит Жез, — «не могут быть принесены в жертву эгоистическим расчетам частных лиц, их спекуляциям, или их недоверию к состоятельности государства. Государство не должно платить ни ростовщических процентов, ни слишком высоких премий против риска несостоятельности».

«Если, с другой стороны», — продолжает Жез, — «при наличии в государстве кризиса, действительно окажется, что публичный заем сопряжен с риском для заимодавцев,

было бы несправедливым, чтобы риску этому подвергались лишь добрые граждане, которые соглашаются его нести, а не те недоверчивые капиталисты, которые противятся подписке на займы или соглашаются на него подписаться лишь на очень тяжелых условиях».

Что касается двух других вопросов, то они, несомненно, являются существенными и ответом на них исчерпывается сущность принудительных займов.

По первому вопросу Гастон Жез приходит к выводу, что принудительный заем вовсе не является займом в настоящем смысле этого слова, а занимает середину между займом и налогом. По точному определению Жеза, принудительный заем является «реквизицией денег при посредстве возмещения, устанавливаемого односторонне реквизирующим». Навряд ли, однако, есть надобность в такого рода сложной конструкции. Добровольность не является конститутивным признаком займа. Основным признаком, отличающим заем от других смежных с ним понятий, заключается в погашении, наступающем через известный промежуток времени. Этим заем отличается от налога, который не связан с погашением (возвратом) взимаемых сумм, и от реквизиции, где уплата может иметь место немедленно по реквизиции. Заем, который не предусматривал бы погашения вовсе или который предусматривал бы погашение немедленно по заключении займа — перестал бы быть таковым.

Таким образом, мы не видим оснований к низведению принудительного займа на степень «реквизиции», хотя бы и «реквизиции» особого рода.

Принудительный заем является займом в полном смысле этого слова и отличается от добровольного займа только тем, что подписка на него, а равно и размер этой подписки, определяется не по воле подписчика, а по постановлению соответствующих органов государственной власти.

Обратимся теперь к третьему вопросу, поставленному Жезом, — имеет ли принудительный заем шансы на успех?

Прежде всего, необходимо устранить сопоставление между добровольным и принудительным займом, которое делают обыкновенно.

Навряд ли кто-нибудь станет серьезно утверждать, что

принудительный заем может быть предпочтен добровольному займу, в условиях, когда последний имеет хоть какие-нибудь шансы на осуществление.

Но в том-то и дело, что вопрос о принудительном займе возникает лишь тогда, когда размещение займа в добровольном порядке представляется совершенно невозможным.

Идет ли речь о недоверии населения, отказывающегося помещать свои свободные средства в государственные займы, имеем ли мы дело со спекулятивной конъюнктурой денежного рынка, при которой население не склонно отдавать свои деньги из нормального процента и требует чрезмерного спекулятивного процента, непосильного для государства—во всех этих случаях, вопрос о добровольном займе отпадает.

Приходится, таким образом, выбирать не между добровольным и принудительным займом, а между последним и налогом. При таких условиях устраняется значительная часть тех возражений, которые обыкновенно выдвигаются против принудительного займа.

Принудительный заем, несомненно, дает возможность извлечь одновременно большую сумму, чем налог. Как ни тяжело бывает изъятие средств, которое причиняется населению принудительным займом, оно все же переносится менее болезненно, чем налог, поскольку сохраняется надежда на обратное получение этих средств. На руках у плательщика остается документ, который приносит известный доход и который можно продать и заложить.

Что касается методов размещения принудительного займа, то они по существу ничем не отличаются от методов сбора налогов. В странах с преобладанием системы налогов, падающей на имущества, принудительный заем целесообразно приравнять к размерам имущества; в странах с преобладанием подоходной системы—и принудительный заем целесообразно разверстать применительно к доходам населения. Возможно и комбинирование этих двух систем. Но во всех случаях население отлучает заем от налога, переносит его значительно менее болезненно и эффективность его значительно большая, чем от налога.

Остается еще одно очень серьезное возражение против

принудительных займов—возражение с точки зрения кредитной политики государства.

Принудительные займы подрывают доверие к государственному кредиту и затрудняют в дальнейшем возможность реализации добровольных займов. Это возражение несомненно очень существенно, но, однако, недостаточно для того, чтобы отказаться от принудительного займа в те моменты, когда не представляется возможным реализовать заем добровольно. Гораздо лучше иметь налаженную финансовую систему, хотя и построенную в прошлом на принудительном займе, чем расстроенную финансовую систему при чистоте принципов кредитной политики.

Обратимся теперь к рассмотрению тех принудительных функций, которые присвоены нашему золотому выигрышному займу.

Прежде всего, необходимо отметить, что формально принудительное размещение выигрышного займа имеет ограниченный характер. Постановление Совета Труда и Оборона от 3 сентября предусматривает принудительное размещение только среди имущих слоев населения. Ст. I этого постановления гласит: «Предложить НКФ в недельный срок разработать и внести в СНК декрет о принудительном размещении среди состоятельных слоев населения специальных облигаций выигрышного займа, не подлежащих котировке на бирже и приему в залог».

Внесенный НКФ во исполнение этого постановления СТО проект декрета, утвержденный Совпарком в заседании от 4-го сентября, обязывает всех частных лиц, предприятия и организации, одновременно с уплатой государственного подоходно-поимущественного налога и с выборкой патентов по промысловому налогу, приобретать в кассе НКФ облигации государственного выигрышного займа, причем количество облигаций, которое обязано приобрести каждое лицо или предприятие, устанавливается применительно к разряду плательщика специальной шкалой.

Постановление Совета Труда и Оборона от 18-го сентября распространяет действие принудительного размещения займа также на частных подрядчиков, поставщиков и коммиссионеров, обязывая государственные, коопе-

ративные и коммунальные учреждения выплачивать поставщикам и подрядчикам 15% всей причитающейся суммы облигациями выигрышного займа, а комиссионерам—20%. Таким образом, это постановление имеет силу только для платежей со стороны государственных, кооперативных и коммунальных предприятий по отношению к частным лицам и предприятиям.

На все прочие платежи по подрядам, поставкам и комиссионным поручениям действие этого постановления не распространяется.

Кроме того, постановлением СНК от 9 октября устанавливается сверх обязанности, возложенной постановлением от 4-го сентября, дополнительная обязанность для плательщиков подоходного налога от 10 разряда и выше—приобретать ежемесячно облигации выигрышного займа в количествах, предусмотренных специальной скалой. Что же касается государственных, кооперативных и коммунальных предприятий, то для них постановлением СТО от 7 сентября устанавливается обязанность приобретать определенное количество облигаций при выборке полугодовых патентов по промышленному налогу.

Таким образом, мы видим, что принудительные функции, присвоенные нашему выигрышному займу, имеют ограниченный характер; они распространяются, главным образом, на частных лиц и предприятия и только в небольшой степени захватывают государственные и кооперативные организации.

Что же касается рабочих и служащих, то формально на них не распространяются нормы о принудительном размещении выигрышного займа. По крайней мере нет такого законодательного акта, который обязывал бы рабочих и служащих принимать облигации выигрышного займа в счет зарплаты.

Существует только обращение ВЦСПС от 24-го августа, призывающее рабочих и служащих к коллективной подписке на заем и устанавливающее определенные нормы, в пределах которых должна иметь место коллективная подписка (от 3 до 20% зарплаты в зависимости от величины ее).

Наоборот, постановление СТО от 3 сентября ограничивает административную практику в этом вопросе, за-

прецедя всякого рода выдачи сверх норм, предусмотренных обращением ВЦСПС. Таким образом, существует только прямое законодательное запрещение выдавать заем в заработную плату в нормах, превышающих нормы ВЦСПС и косвенное разрешение наделять займом в пределах этих норм.

Но нигде закон не обязывает рабочих и служащих принимать заем в заработную плату.

Тем не менее, поскольку Наркомфин фактически выдает облигации займа по бюджету в счет зарплаты и поскольку закон обязывает предприятия, состоящие на хозрасчете, кооперативные и коммунальные предприятия, а равно и частных лиц и предприятия покупать в кассах Губфинсов соответствующее количество облигаций, согласно установленных выше норм (ст. 4 постановления от 3 сентября) для выдачи в зарплату — постольку вытекает для рабочих и служащих, естественно, необходимость принимать облигации в зарплату, — необходимость не менее реальная, чем та, которая обуславливается введением закона.

Обратимся теперь к вопросу о том, в какой мере наши кредитные операции оправдали возложенные на них задачи в деле покрытия бюджетного дефицита и связанного с этим оздоровления нашей денежной системы.

Необходимо при этом иметь в виду, что выяснение этого вопроса встречает довольно большие затруднения, поскольку среди наших займов занимают довольно видное место хлебные займы, реализация которых шла не в твердом исчислении.

С другой стороны, хлебные займы были краткосрочные и погашение их уже имело место полностью или частично за отчетный период. Приходится, следовательно, учесть то влияние, которое имело это погашение и которое является противоположным тому влиянию, которое имела реализация займов. Тем не менее, представляется вполне возможным, с некоторым приближением, конечно, установить общую сумму доходов, которые нам дали займы и таким образом, следовательно, и выяснить то значение, которое имели эти займы в нашем бюджете.

Ниже мы приводим данные о декадных поступлениях по отдельным кредитным операциям.

ДОХОД ОТ КРЕДИТНЫХ ОПЕРАЦИЙ.

За период июнь 1922 г.—октябрь 1923 г.	В сотнях червонц. (тыс. черв. руб.).
1. Выигрышный заем	49.683,7
2. 1-ый хлебный заем	4.273,4
3. 2-ой " "	39.783,8
4. Облигации центрокассы (вся реализация)	63.821,8
5. Сертификаты НКПС	4.172,1
Всего	161.735,1
Погашено облигаций Центрокассы	26.853,0
Всего	134.882,1

1. Доход от реализации выигрышного займа по номиналу за вычетом 5%.

2. и 3 Доход от реализации 1-го и 2-го хлебных займов, за весь период — сумма месячных поступлений; поступления за месяц в червонных рублях по курсу червонца МТБ и до декабря 1922 г. по котировке золотого рубля Специальной Котировальной Комиссии.

4. Доход от реализации облигаций Центрокассы по котировке на Фондовом Отделе МТБ.

5. Доход от реализации сертификатов — по номиналу.

Таким образом, общая сумма поступлений по кредитным операциям за эти полтора года составляет около 135 мил. зол. руб. Если при этом принять во внимание, что общая сумма денежных знаков, выпущенных за это время, составляет всего 924.310 т. зол. р., то станет ясно, какое огромное значение имели для всей нашей финансовой системы кредитные операции.

Это означает, что в нашем бюджете за это время 135 мил. зол. руб. были покрыты при помощи кредитных операций. Это значит, далее, что мы имели возможность сократить казначейскую эмиссию на такую же сумму. Принимая во внимание условия, в которых сейчас находится наша казначейская эмиссия, необходимо признать, что кредитные операции сыграли огромную роль в деле

оздоровления нашего денежного обращения. Во всяком случае кредитные операции занимают далеко не последнее место в ряду причин, которые привели к тому, что мы имеем возможность до сих пор пользоваться казначейской эмиссией, как источником покрытия нашего бюджетного дефицита и как средством финансирования важнейших отраслей хозяйственной жизни.

Правда, что из этой суммы в 135 милл. руб. нужно вычесть довольно большую часть, которая пошла на погашение краткосрочных операций, срок которым уже истек. Тем не менее, значение краткосрочных операций, отнюдь не убавляется, так как покрытие их производится за счет новых поступлений (натуральных или денежных), к которым обычно приурочиваются сроки погашения этих займов. Между тем, если бы в свое время денежные знаки были выпущены в оборот, они неизбежно оказали бы свое инфляционное влияние на наше денежное обращение и тем самым затруднили бы дальнейшее пользование эмиссией.

Д. Лоевский.

Современные русские банки.

Изучение банковской современной работы требует предварительных замечаний относительно самых способов, при помощи которых можно производить анализ деятельности кредитных учреждений Советской России в условиях новой экономической политики.

Обычно, изучая работу банков, мы оперируем, главным образом, балансами, отчетами и статистическими данными, характеризующими те или иные активные и пассивные операции банка. Целый ряд работ, посвященных банкам Советской России за последние два года, основан именно на этих материалах. Но надо сказать, что балансами, как и вообще цифрами, мы сейчас должны пользоваться с очень большими оговорками, и это не потому, что эти цифры недоброкачественны и вызывают какие-нибудь сомнения. Несколько. Но мы полагаем, что количественная сторона нашей банковской работы—выявление сущности современного советского банка в балансе, статистических сводках—представляется достаточно условной. Балансы и цифры приобретают совершенно реальное значение лишь на фоне конкретной социально-хозяйственной обстановки, в которой приходится действовать и развиваться современным кредитным учреждениям. Поэтому большую методологическую ошибку сделал бы исследователь, если бы он без всяких оговорок сопоставил процентные соотношения различных статей сводного баланса банков Советской России с банком до-революционной России и капиталистического Запада.

Недостаточно сказать, что активные операции банков развиваются, что, напр., вексельные операции прогрессируют за счет товарных или наоборот,—для того, чтобы на основе этого утверждения сделать совершенно опре-

деленный вывод. Недостаточно сказать, что по сводному балансу за такой-то период вклады и текущие счета выросли или показали уменьшение. Надо в эти мертвые цифры влить конкретное и оживляющее их содержание, которое дает нам реальная хозяйственная действительность Советской России, в условиях новой экономической политики.

Сделанные нами предварительные замечания получают сразу же конкретную иллюстрацию на первом вопросе, с которого мы начнем свое изложение — вопросе о классификации банков современной России.

Обычно вопрос о классификации представляется имеющим абстрактное, теоретическое значение, а между тем классификация банков современной Советской России приобретает отнюдь не один только теоретический, но и практический смысл.

Если обратиться к разделению этих банков с точки зрения того, кто является владельцем этих банков, — с точки зрения форм их организации, то придется сказать, что не только преобладающей формой, но почти единственной являются у нас банки государственные. Мы это утверждаем, несмотря на существование и Российского Коммерческого Банка, и Юго-Восточного Банка, и 3—4 десятков Обществ Взаимного Кредита и Обществ Сел.-Хоз. Кредита. И утверждаем это потому, что все только что названные кредитные учреждения в общем балансе наших банков играют весьма незначительную роль, а если обратиться к Государственному Банку с его свыше чем тремястами филиалов, Промышленному Банку и Коммунальным Банкам, если даже взять Всероссийский и Украинский кооперативные банки, в балансе которых, как это ни покажется странным с первого взгляда, доминирует государство в лице Госуд. Банка, то во всех этих кредитных учреждениях работает почти исключительно государственный капитал. Они и формально, и по существу являются кредитными учреждениями государственными. Они являются таковыми не только потому, что в них преобладает государственный капитал, а потому, что они в подавляющей своей части занимаются кредитованием государственной промышленности и торговли или кооперативной торговли, которая в современ-

ных условиях столь тесно связана с государственной, что их отличить можно с очень большими оговорками, да и то лишь по чисто внешним признакам.

Обращаясь ко второму пункту вопроса классификации, или пытаясь рассмотреть современные банки с точки зрения подразделения их по срочности операций, которыми они занимаются, следует сказать, что мы имеем сейчас в России дело с кредитными учреждениями краткосрочного кредита. Мало того, можно сказать, что если оставить в стороне недавно возникшие и весьма слабо развившиеся общества сельско-хозяйственного кредита, то все прочие наши кредитные учреждения по каждому роду своих операций являются банками коммерческого кредита универсального характера. Конечно, универсализм операций современных банков обусловливается естественно всей социально-экономической обстановкой современности, но этот универсализм операций, согласованный с интересами нашей государственной и кооперативной промышленности и торговли, должен разрешать все кредитные потребности современной хозяйственной жизни.

По третьему моменту банковской классификации мы сейчас, на исходе 1923 года, уже можем сказать о выделении типа банка эмиссионного, каковым у нас с конца 1922 года стал Государственный банк СССР.

Два основных периода можно отличить в истории банковского дела последних двух лет. Гранью между этими периодами является конец 1922 года, когда Гос. Банку были предоставлены права эмиссии. Банкнотное обращение дало возможность нашим банкам перейти на то твердое численение, которое наши кредитные учреждения, в течение года до того, пытались всякими путями нащупать.

Весь первый год работы кредитных учреждений в условиях новой экономической политики прошел под знаком падающей валюты. Государственный Банк, который по существу был единственным кредитным учреждением до конца 1922 года — мы оставляем в стороне Покобанк, Юго-Восточный Коммерческий Банк и 3—4 Общества Взаимного Кредита, существовавшие до осени 1922 г. — должен был принимать целый ряд мер в целях

сохранения своих капиталов от обесценения: товарные операции за свой счет, выдача ссуд в так-называемом товарном ичислении и т. д. Вот способы, которыми в то время пытались разрешить и совместить необходимость банковской работы, с одной стороны, и отсутствия твердой валюты, с другой.

Введение червонного обращения и внедрение банкнот в разные сферы нашего хозяйственного оборота были условием, которое значительно облегчило работу всех наших банков. Первый год был подготовительной школой для банков в условиях новой экономической политики, и очень много из того, что, несомненно, войдет в историю банковской теории и банковской практики, было проделано нашим Гос. Банком, и надо сказать не без успеха. Гос. Банку удалось за это время накопить большой валютный фонд, который послужил базисом для создания нашей банкнотной эмиссии. Гос. Банку удалось поставить и укрепить ту кредитную дисциплину, которая дала возможность развиваться ему самому и его филиалам, а вслед за тем и всей нашей кредитной системе. Госуд. Банку в это время удалось восстановить в памяти страны, что такое банк, и приучить население к банковским операциям; и целый ряд институтов (напомним хотя бы о векселях, которые отошли было в область предания) ожил вместе с Гос. Банком.

В этот первый период существования Гос. Банка и наших банков вообще был поставлен вопрос о банковской монополии. Как известно, с точки зрения формальной значительная часть 1922 года прошла под лозунгом банковской монополии Гос. Банка. Во второй половине этого года положение уже было смягчено и от него отступили, но надо сказать и повторить уже сказанное выше, что это формальное отступление от банковской монополии Гос. Банка несколько не изменило продолжающейся у нас сейчас фактической гегемонии государственных кредитных учреждений в банковской системе страны.

Государственный Банк вместе с Промышленным и Коммунальными Банками — ниже и в приложении это подтверждается и цифрами — являются фактическими хозяевами в кредитном аппарате России. Это сказывается не только в процентном отношении сводного баланса

этих кредитных учреждений ко всему сводному балансу банков страны вообще—это положение как раз и цифрами прекрасно подтверждается—но это иллюстрируется тем особым положением Гос. Банка во всей хозяйственной нашей жизни, о котором выше уже было говорено. Всюду и везде банки являются руководителями хозяйственной жизни. Если они представляют из себя, так сказать, «командные высоты», то в наших условиях эта сторона деятельности Гос. Банка и родственных ему государственных банков проявляется не только в тех формах, кои нам известны из практики капиталистического Запада, но и в целом ряде других взаимоотношений, которые не получают количественного выражения, которые нельзя оценить цифрой и статьёй баланса, но значение коих несоизмеримо велико.

И тут мы подходим к вопросу, о котором в нашей печати не мало писалось—о роли Гос. Банка, как банка банков.

Мало, конечно, сказать, что Гос. Банк в СССР является центральным и эмиссионным банком страны, ибо если об этих центральных банках говорят, что от них зависят судьбы страны, если об Английском банке писалось, что от него зависит и платежеспособность Англии, если он окажется несостоятельным, то, конечно, все это применимо и к нашему современному Гос. Банку. Но он имеет целый ряд особенностей, коими те банки безусловно не обладают.

Мало сказать, что наш Гос. Банк является банком банков. Если это выражение толковать в том смысле, что центральный банк является тем резервуаром, к помощи которого банки обращаются в критические минуты, или тем регулятором, от которого—при помощи ли учетного процента, при помощи ли девизной политики, при помощи ли валютных интервенций и т. д., и т. д., зависят судьбы кредитного и денежного рынка страны,—то все это в применении к нашему Гос. Банку, конечно, имеет место. Но наш Гос. Банк, помимо всего этого, обладает и еще целым рядом свойств, проявляет еще столько мощи, которой по самому существу социально-экономического уклада Запада тамошние центральные банки не проявляют и проявлять не могут, ибо наш Гос.

Банк является не только эмиссионным банком и не только банком банков,—наряду с этим он является самым мощным кредитным учреждением, призванным свои активные коммерческие операции направлять в ту или иную сторону, согласно тем или иным требованиям, предъявляемым государственной властью к хозяйственной жизни страны. И осуществляет он это такими методами и в таких размерах по отношению как к кредитному аппарату, так и всем торговопромышленным предприятиям страны, кои, конечно, не имеют места в практике центральных банков других государств.

Приведем некоторые цифры для пояснения нашего положения: на 1 октября 1922 г. итог баланса Гос. Банка к общему итогу балансов—97,6%; на 1 января 1923 г.—95,9%; на 1 апреля 1923 г.—83,6%; на 1 июля—80,6%.

Из этих цифр усматривается, казалось бы, некоторое уменьшение роли Гос. Банка в общем сводном балансе страны. Однако, прежде всего, надо иметь в виду, что Гос. Банк доминирующую роль в качестве кредитного аппарата страны может играть не только в роли банка банков, т.-е. путем нажима на соответствующие кредитные учреждения. Нет, у Гос. Банка есть другие методы. Как раз в этой области, в сфере кредитования, на долю банков приходится всего лишь около пяти процентов всех активов Гос. Банка. Таким образом, прямо через банки, путем активных операций, казалось бы, Гос. Банк влиять не может. Но имеется целый ряд других способов воздействия, как на банки, так и на самые кредитующиеся организации, которые, конечно, находятся в самой тесной связи с Гос. Банком. Эту роль Гос. Банку еще легче усвоить, благодаря тому, что вся его клиентура по активу, как, впрочем, и клиентура всех прочих наших банков,—на 80% состоит из государственной промышленности и торговли и процентов, приблизительно, на 20 из кооперации. Весьма любопытно отметить, что преобладающее кредитование государственной промышленности имеет место и в нашем Российском Коммерческом Банке, который признан, казалось бы, кредитовать нашу частную промышленность и торговлю.

Свои функции центрального банка, функции регулятора денежного рынка, Гос. Банку нашему легче вы-

полнять, чем где бы то ни было. Поддержание курса червонца Гос. Банк может проводить путем воздействия на довольно ограниченное количество весьма крупных клиентов,—тех же госорганов и кооперации, с которыми ему приходится иметь дело. Регулирование нашего валютного рынка в условиях монополии внешней торговли Гос. Банк, естественно, может осуществлять и осуществляет не теми методами, которыми это осуществляется на Западе. Тут не всегда можно действовать прямой интервенцией, в смысле выступления в те или иные моменты в качестве покупателя или продавца той или иной валюты и путем тех или иных мероприятий в области девизной политики. Тут есть целый ряд других методов, которые можно отнести к категории прямого воздействия на наши государственные и кооперативные организации, кои и являются держателями почти всей имеющейся у нас валюты.

Если принять еще во внимание, что в системе наших регулирующих и планирующих органов по существу Гос. Банк является тем учреждением, от работы которого сплошь и рядом зависит больше, чем от органов регулирующих путем построения планов и прочих способов регулирования, то станет совершенно понятно, почему мы придаем Гос. Банку такую исключительно выдающуюся роль во всей нашей кредитной системе; ибо, если всюду крупный банк может часто обогатить и разорить, то в наших условиях национализированной промышленности и сосредоточения всей крупной торговли в руках государственных и кооперативных организаций, Гос. Банку принадлежит, конечно, исключительное влияние на направление работы всех этих организаций.

Специфическими особенностями наших хозяйственных организаций объясняется и преобладающая роль Москвы в общем банковском балансе страны. Если и в капиталистических столицах на долю правленских балансов приходится всегда от 30, а иногда до 50% всего сводного баланса страны, то это объясняется помимо того, что в этих столицах сосредоточены наиболее крупные фирмы со своими правлениями и т. д., еще и тем, что столицы обычно бывают центром, в коем сосредоточено учреждение. Но и у нас преобладающая роль Москвы в общем банковском балансе объясняется, при отсутствии

учредительства, особенностями в организации нашей торговли. Если вспомнить, что все правления синдикатов и правления кооперативных организаций пребывают в Москве, что у нас имеются достаточно искусственно созданные торговые организации, о громоздкости и ненужности которых сейчас уже начинают громко говорить, то этим одним уже в значительной части можно объяснить, почему на долю Москвы приходится такой большой процент всего баланса наших банков.

В вопросе о Гос. Банке, как о центральном банке, необходимо затронуть вопрос и об его учетной политике. Этот вопрос нельзя сводить к тому, о чем обычно говорит заинтересованная банковская клиентура: сколько процентов взимает банк по тем или иным своим операциям, а надо попытаться подвергнуть критическому рассмотрению вопрос о значении дисконтной политики в современных условиях вообще и в работе банковской в частности.

Напомним, что Гос. Банк в течение первого года своего существования перешел от 10—15²/₆ в месяц и «товарного исчисления» процентов—к 12⁰/₆ годовым, когда он начал работать на банкнотном основании.

В вопросе о дисконтной политике мы хотели бы здесь указать, что в современных условиях учетная политика не может иметь того значения, которое она имеет в странах Запада и у нас имела в до-революционной России. Если там в те или иные моменты, путем повышения или понижения учетного процента, можно было достигнуть того или иного экономического эффекта, в смысле расширения или сужения сферы кредита, в смысле того или иного воздействия на денежный рынок и т. д., то практика последних двух лет прекрасно подтвердила, что в наших условиях такой тонкий механизм, как арсенал средств дисконтной политики, значительного влияния не имеет, а все ее влияние чрезвычайно ничтожно. Ибо при абсолютном и относительном недостатке капиталов, при котором нам приходится жить и действовать, повышение и понижение процента на 1 или 2 в месяц, естественно, не играет какой-нибудь заметной роли. Если в капиталистических банках с вопросами дисконтной политики

наипростейшим образом связана и вся техника кредитоспособности, то в наших условиях самое понятие кредитоспособности приобретает совершенно иное значение: кредитоспособным у нас признается не то предприятие, которое по своему балансу заслуживает доверия, а то, которое, по тем или иным заданиям, связанным с общей экономической политикой, правительство считает желательным финансировать, и при такой постановке вопроса процент, конечно, не играет прежней роли. Можно, конечно, подвергнуть анализу вопрос о том, правильно ли делал наш Гос. Банк, а за ним и все прочие банки, значительно понижая свой учетный процент по сравнению с учетным процентом частного рынка. Ни для кого не секрет, что в течение последних 6 месяцев средний рыночный процент в твердой валюте колебался у нас от 15 до 30 в месяц. Но мы ставим здесь этот вопрос, затрагиваем его мимоходом, не считая возможным обстоятельно его рассмотреть.

В связи с дисконтной политикой небезинтересно рассмотреть и роль векселя в современных банковских операциях.

Из прилагаемого сводного баланса усматривается, что вексельные операции—это относится и к учету векселей, и к специальным счетам—в течение последнего года значительно развились. Но надлежит сказать несколько слов о самом характере нашего векселя, поскольку это имеет значение, как для коммерческой работы банков, так и для баланса эмиссионного отдела Гос. Банка.

Подходя к векселю с внешней стороны, надо сказать, что у нас все обстоит как будто бы благополучно. В общем и целом, до последней депрессии замечалось исправное погашение задолженности по векселям. Векселя имели много надписей от векселедателя до предъявителя векселя, появились также передаточные надписи и т. д. Мало того, по средним своим срокам наш вексель опередил вексель дореволюционной России. У нас сейчас средний срок векселя не превышает трех месяцев. Но надо сказать, что в этом благополучии несомненно имеются достаточно опасные стороны. Краткие сроки векселей и несколько передаточных надписей и то обстоятельство, что подавляющее большинство наших векселей

имеют местом платежа Москву и круглую сумму валюты в платеж и т. д.—все это свидетельствует о том, что наши вексельные портфели несомненно страдают искусственностью и что тут также сказывается воздействие нашего кредитного аппарата, который весьма быстро и решительно захотел достигнуть тех успехов, которые требуют достаточно длительной подготовки. С другой стороны, весьма громоздкая система наших торговых органов, нуждающихся в оборотных средствах, всячески развивала и, может быть, не всегда естественно,—этот свой вексельный оборот. Эти моменты, характеризующие современный вексель, необходимо иметь в виду для характеристики всего нашего кредитного аппарата. Тут с внешней стороны достигнуто очень много, но требуется сложная подготовительная работа, которая не дается в месяц или в два.

А если принять во внимание, что имевшие место в течение последних двух лет три денежных депрессии, а в особенности последняя из них, связаны с переучетом, а на старом языке—с переписыванием векселей, то отмеченное выше обстоятельство выявится во всем своем значении.

Основным вопросом банкового дела является вопрос о так-называемых чужих деньгах. Поскольку банкам удастся привлечь эти чужие деньги, постольку они выполняют свои основные задания. Это совершенно определенное положение, освященное банковской практикой и банковской теорией, мы должны попытаться применить и по отношению к русским банкам.

Надо прежде всего констатировать, что нашим банкам, в общем и целом, удалось привлечь «чужие деньги», в виде вкладов и текущих счетов. Эти чужие деньги выражаются для всех кредитных учреждений, помимо Гос. Банка, на 1-е сентября с. г., в сумме 6.442 тыс. червонцев при общем балансе в 18.781 тыс., составляя, таким образом, около $\frac{1}{3}$ всего баланса, и 150% от основного капитала наших банков. Если подходить к анализу чужих денег с этой чисто количественной точки зрения, то придется сказать, что в наших условиях, когда банкам приходилось вести свою работу в сущности заново и одну половину всего прошедшего периода действовать в усло-

виях падающей валюты — результаты в смысле пассивов достаточно удовлетворительны. Конечно, это не те прежние вклады, которые имели место в практике до-революционной России или имеют место в практике капиталистического Запада, когда чужие деньги относятся к собственным средствам банка, как 1:15 или 1:20 и даже больше, но в наших условиях и это должно почитаться значительным успехом. Вообще, нашим банкам (вместе с Гос. Банками) сейчас, очевидно, удалось привлечь в сферу своего оборота чужие деньги в сумме, которая составляет около $\frac{3}{4}$ всей денежной массы, обращающейся в стране. Таковы моменты количественные.

Но не менее важен качественный анализ чужих денег. Некоторые моменты качественного порядка прольют свет на природу тех чужих денег, которые составляют вклады и текущие счета наших банков. Не загромождая изложения цифрами и фактами, ограничимся лишь указанием, что по своему происхождению средства наших банков являются в подавляющей части средствами наших государственных учреждений и в небольшой части средствами кооперации. Что же касается до депозитов частных лиц, то они в системе чужих денег наших кредитных учреждений играют весьма ограниченную роль. Это положение относится полностью к Российскому Торгово-Промышленному Банку, к нашим коммунальным банкам и кооперативным банкам, на долю коих приходится 6.234 тыс. червонцев из общей суммы в 6.442 тыс. червонцев депозитов наших кредитных учреждений (без Гос. Банка).

В перечисленных банках частные вкладчики почти отсутствуют. В небольшом также количестве они фигурируют в том банке, который призван обслуживать частную клиентуру — в Российском Коммерческом Банке.

Мы должны здесь констатировать, что задача привлечения частных вкладов в наши кредитные учреждения разрешена у нас в очень незначительной степени. Мы не располагаем материалом, который позволил бы ответить на вопрос о тех средствах, которыми располагает частный оборот в настоящее время, но, как бы то ни было, даже при отсутствии точных статистических данных, не трудно заключить, что в наших условиях достаточно

значительными средствами этот оборот обладает, ибо он у нас ведет довольно значительную торговлю и его средства, в качестве общего правила, минуют каналы обычного банковского обращения.

За то задачу привлечения свободных капиталов наших государственных—промышленных и торговых—организаций современная банковская система разрешила полностью. Имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют с достаточной категоричностью утверждать, что свободные средства наших государственных органов находятся на текущих счетах в кредитных учреждениях. В борьбе за эти средства Гос. Банку приходится конкурировать с Промбанком и коммунальными банками. Эти последние все более укрепляют свои позиции и по имеющимся у нас данным, мы можем заключить, что в Москве Промбанк и Городской Банк сумели отвлечь целый ряд вкладов от Гос. Банка.

Надо сказать, что нашими банками—и это относится в первую очередь к Государственному—не приняты все меры к достаточному привлечению вкладчиков. Если не говорить о некоторых мерах принудительного характера, достаточно вспомнить, что весьма целесообразная практика западно-европейских банков и нашего до-революционного Гос. Банка применения жиро-переводов с текущих счетов, у нас сейчас не имеет места.

В связи с этим надлежит также указать, что весьма тесно связанные с вопросом о привлечении чужих денег переводные операции поставлены у нас исключительно на началах весьма узко понимаемого «хозяйственного расчета». Ставки по комиссионным операциям вообще достигают у нас весьма высоких размеров, которые руководители банков объясняют дороговизной современного аппарата. Но следует прямо указать, что такая чисто «хозяйская» калькуляция совершенно не сообразована с народно-хозяйственным подходом к вопросам комиссионных операций и к тому значению, которое эти операции могли бы иметь в нашем кредитном и денежном обороте.

Если в течение последнего года комиссионные и в частности переводные операции развились, то всякий связанный с работой современных банков и наблюдающий деятельность наших хозяйствующих предприятий, должен

подтвердить, что чисто кустарными, не банковскими методами продолжают пользоваться у нас в России, вместо того, чтобы прибегать к услугам банков. И здесь, конечно, в очень многом вина банков, которые не проявляют должного внимания и чуткости к запросам своей клиентуры.

Обращаясь к активным операциям современных банков, мы должны прежде всего отметить, что по роду клиентуры доминирующими являются государственные хозяйствующие организации, на долю которых по всем банкам, по данным на 1-е сентября сего года, приходится, приблизительно, около 80% всех активов; около 15% приходится на долю кооперации и 5% — на долю частных лиц.

Весьма любопытно отметить, что из наших крупных банков Российский Коммерческий Банк в значительной части обслуживает тоже государственные и кооперативные организации. Частная же клиентура пользуется услугами Об-в Взаимн. Кредита, которые в общем балансе наших кредитных учреждений, как видно из прилагаемой таблицы, играют довольно незначительную роль: из 18.781 т. — 590 т. При этом надо заметить, что эти Об-ва Взаимного Кредита широко развернулись в Москве и Ленинграде, и на долю балансов столичных Обществ Взаимного Кредита приходится около 60% всего сводного баланса Об-в Взаимного Кредита.

Это распределение наших активов по видам клиентуры, конечно, совершенно соответствует, в общем и целом, удельному весу различных видов хозяйствующих организаций в нашей современной экономике. Надо, однако, думать, что потребности частного оборота в кредите получают удовлетворение и другим, не организованным, не банковским путем, ибо вряд ли частный оборот ведет все свои дела за счет собственных средств.

По отдельным видам активных операций следует указать, что в системе наших банков вексельные операции являются преобладающими.

Общую картину наших учетно-ссудных операций за последнее время можно усмотреть из следующих данных (в тысячах червонцев ¹⁾):

¹⁾ Таблица заимствована из ст. С. Фридмана в № 255 «Торг. Пром. Газ.» за 1923 г.

	1 июля.	1 августа.	1 сентября.
Вексельное кредитование . . .	3.765,6	4.942,9	6.535,3
Подтовари. кредитование . . .	2.349,1	2.797,5	3.225,0
Ссуды и спец. тек. счета под ценные бум. и ин. валюту. .	391,3	507,6	467,2
Спец. кредиты (промышлен. с.-хоз., гор. хоз.).	436,6	589,7	680,9
Итого .	6.942,6	8.337,7	10.908,4

Из приведенных данных усматривается, что на долю вексельного кредитования приходится около 65²/₃%, т.-е. ²/₃ всех наших учетно-ссудных операций.

Мы не будем здесь останавливаться на колебаниях за последние два меслца. Они объясняются, может быть, случайными и временными причинами, но весьма важно подчеркнуть, что вексель является доминирующей формой нашего кредитования.

С точки зрения внешней, казалось бы, у нас в этом отношении все обстоит совершенно благополучно, ибо вексельное кредитование признается наиболее прогрессивным видом учетно-ссудных операций. Нужно, однако, вспомнить те общие замечания о векселе и нашей дисконтной политике, которые были сделаны выше. Хотя с внешней стороны мы в отношении вексельного кредитования, несомненно, сделали большие успехи, но по существу наши векселя в некоторой части искусственны, что особенно рельефно и типично сказывается в эпохи заминок. Та денежная депрессия, которую мы переживаем, начиная с августа этого года, и которая по сей день не закончилась, вполне подтверждает выставленное положение.

Наши подтоварные кредиты как-будто не представляют много индивидуальных отклонений от обычного типа подтоварного кредитования, и на них мы здесь поэтому не будем останавливаться.

Большого внимания заслуживают наши современные учетно-ссудные операции с ценными бумагами и иностранной валютой. Что касается ценных бумаг, то круг их, естественно, у нас чрезвычайно ограничен. Операции с этими бумагами имеют в виду выигрышные и другие займы. Этому весьма ограниченному кругу наших ценных бумаг и соответствует весьма скромная роль этих

операций. В практике современных банков более значительны операции ссуд под валюту. Но эти операции, как усматривается из прилагаемого сводного баланса, являются делом столичных банков, главным образом, московских, на долю коих приходится вероятно $\frac{3}{4}$, если не больше, всех наших операций, связанных с ссудами под валюту. На примере этих операций мы имеем лишний раз подтверждение той специфической централизации нашего дела, которую мы отмечали выше и которая получает выражение и в балансе, в коем на долю московских банков приходится почти 17 милл. из общего количества 18.781 тыс. червонцев.

Специфической особенностью наших современных учетно-ссудных операций являются долгосрочные, целевые кредиты, кои получили развитие, как в Гос. Банке, так и в Российском Торгово-Промышленном и Московском Городском Банках. Эти кредиты связаны с финансированием промышленности и коммунальных хозяйств, имеют форму реального товарного кредита и только в первоначальном периоде эти кредиты имеют бланковый характер. В общем и целом, как усматривается из прилагаемого баланса, этот вид кредита имеет небольшое значение в нашей банковской системе.

Товарные операции, иррегулярные, т.-е. товарно-комиссионные покупка и продажа товаров за свой счет — занимали видное место в балансе наших банков в течение первого года их работы. К этим операциям банки вынуждены были обращаться по соображениям страхования своего капитала. Переход на банкнотное обращение сразу изменил положение, и к осени 1922 г. товарные операции начали падать и занимают сейчас, как в Гос. Банке, так и в системе частных кредитных учреждений, небольшое место.

По данным нашего сводного баланса ¹⁾, общая сумма всех трех товарных статей дает 727 тыс. червонцев из 18.781 тыс. червонцев.

Каковы капиталы, которыми обладают наши банки?

По данным нашего сводного баланса, эти капиталы выражаются в сумме 4.409 тыс. червонцев, что дает

¹⁾ Прилож. в конце книги.

приблизительно 23% баланса. Надо сказать, что такой большой % отношения капитала к всему балансу не вполне благоприятен с точки зрения нормального положения дел в банках. Он свидетельствует о том, что привлеченные средства играют незначительную роль, по сравнению с собственными, что нами выше при анализе чужих денег и было подтверждено. Говоря же об этих основных капиталах наших банков, мы должны здесь еще раз подтвердить, что в подавляющем большинстве это капиталы государственные. На долю Российского Торгово-Промышленного Банка, Московского и Ленинградского Городск. Банков приходится 65% капиталов акционерных банков. А если принять во внимание, что государственный капитал участвует и в Всекобанке, и в Об-вах С.-Х. Кредита, то выставленное нами положение получает еще более ясное выражение.

Таковы характерные черты баланса современных банков в России.

В течение двух лет в стране создалась сеть кредитных учреждений, которые по своему числу при нынешнем уровне нашего хозяйства вполне могут обслуживать нашу торговлю и промышленность. Вряд ли надо было сейчас ставить вопрос о создании новых кредитных учреждений, поскольку они будут работать тем же капиталом, которым работают, главным образом, существующие банки, т.-е. капиталом государственным. Быть может, существующие кредитные учреждения не всегда могут удовлетворить запросы тех или иных отраслей хозяйства, не только в смысле количественном, предоставляя им достаточные суммы, потребные для ведения их дел, но и в смысле качественном. Но это, конечно, не может быть разрешено созданием одного-другого банков казенного типа.

Основной вопрос, перед которым стоит наше банковое дело, как и целый ряд других отраслей нашего хозяйства—это прилив нового частного капитала. Опыт предыдущих двух лет нас убедил в том, что частный капитал довольно пассивно относится к банковской работе и рассчитывать в ближайшее время на создание у нас банков, которые занимались бы регулярными банковскими операциями на основе частного капитала, не приходится. Этого можно достичь лишь в том случае, если

будут созданы банки смешанного типа, которые единовременно будут обслуживать те или иные отрасли нашего хозяйства не только в смысле кредитном. Например, банки с теми или иными правами в области внешней торговли, какой-нибудь отрасли промышленности и т. д.

Существующая система кредитных учреждений, система, по преимуществу, столичная, но тем не менее филиалы столичных банков и несколько десятков Обществ Взаимного Кредита и наших сберегательных касс постепенно приучают население к правильно организованной работе с банком. Многое в этом отношении уже достигнуто. Руководители этого дела могут и должны проявить еще большую инициативу. В течение последнего года наша кредитная система сделала довольно много для упрочения нашей червонной валюты, но та депрессия на денежном рынке, которая наблюдается в течение последних месяцев и которая вынудила пустить в каналы обращения большие массы совзнаков и, в качестве суррогатов, и займы, и другие бумаги, заставляет наши банки быть осторожными, поскольку работа на базе такой пестрой денежной массы создает большие затруднения как для банков, так и для их клиентов.

Наши банки сумели за это время завязать сношения с Западом. У нас есть уже достаточно прочная связь с крупными банками Европы и Америки. Если иностранные операции наших банков не особенно широко развиты, то во всяком случае, то, что ими уже в деле корреспондентских отношений с Европой достигнуто, является залогом того, что в этом деле банки наши и впредь пойдут вперед.

Существует ли у нас кредитная инфляция?

Этот вопрос естественно возникает в связи с анализом сводного баланса банков. Надо сказать, что в том экономическом оздоровлении страны, которое имело место в течение истекшего отчетного года, банки сыграли свою положительную роль, и это они сделали, конечно, при помощи кредита. Тут можно говорить о кредитной инфляции условно, поскольку нельзя установить точных мерил того, что почитается нормальным и ненормальным кредитованием. Во всяком случае, о кредитной инфляции мы не склонны были говорить, несмотря на то, что внешне

можно было бы утверждать, что целый ряд банковских учетно-ссудных операций вызывает нездоровые сделки. Но тут мы думаем вину отнести не за счет кредитных учреждений, а за счет самой системы нашей торгово-промышленной организации, чрезвычайно громоздкой.

В общем и целом, наши банки представляют из себя тот фундамент, на котором можно построить систему кредитных учреждений страны, посредством которых надо будет втянуть все свободные средства в каналы денежного обращения для правильного их распределения по всей периферии нашего народного хозяйства. Это можно будет создать тогда, когда на опыте кризиса, нами сейчас переживаемого, централизация в построении наших торгово-промышленных органов будет избегнута и когда установится более тесная связь кредитных учреждений непосредственно с первичными производственными и торговыми предприятиями.

Е. С. Лурье.

Пределы инфляции ¹⁾.

В прежнее время, в эпоху устойчивого денежного обращения, длительная и неограниченная эмиссия денег казалась чем-то немыслимым. Казалось, цены не выдержат непрерывного роста, деньги — непрерывного обесценения. Рано или поздно должен наступить крах, полное обесценение денег, превращение их в ничего не стоящие бумажки. Казалось, никакие силы, даже могущественная власть государства не в состоянии предотвратить полный отказ оборота от плохих денег. Такой взгляд господствовал и в науке, и в практике до последней войны.

Однако грандиозные выпуски бумажных денег во время войны и после нее, превосходившие в некоторых странах все исторические примеры неограниченной эмиссии, изменили мнение многих относительно возможностей инфляции.

Бумажные деньги оказались поразительно живучими. Торговый оборот не испугался астрономических цифр цен. Он переходил от рублей к сотням, тысячам, десяткам тысяч, не отказываясь вовсе от обесценивающихся денег. Отмиравали только мелкие купюры, но не деньги. Стало укрепляться убеждение, что для инфляции нет естественных границ. Утверждали, что население может отказаться от плохих денег, заменив их лучшими, но не может отказаться от денег вообще. И если государство не допускает обращения иных денег, кроме выпускаемых, то система эмиссионных финансов может продолжаться

¹⁾ Инфляция — это избыточный выпуск денег, — избыточный сравнительно с состоянием товарного обращения. Внешним выражением инфляции является рост товарных цен.

сколь угодно долго, «без поддержки и замены ее другим финансовым механизмом и в то же время без внутреннего разложения и краха» ¹⁾).

Исторический пример полного обесценения ассигнатов Французской Революции истолковывался, как насильственная нуллификация со стороны государства, допустившего вытеснение их металлической монетой.

Вот взгляд, распространенный ныне в России. Хотя, по видимости, оба противоположных взгляда исчерпывают возможные решения проблемы пределов инфляции, однако, они оба неверны, лучше сказать: оба содержат известную долю истины и заблуждения.

Первая теория (так сказать, «теория естественной нуллификации») повинна в недооценке значения денег для современного народного хозяйства. Обмен без денег почти невозможен. Отказ от денег в обмене равносложен ограничению его теми узкими рамками, в которые вмещалось разделение труда только на ранней заре истории. Современное хозяйство с высокой плотностью населения, конечно, не может существовать в формах первобытного хозяйства: огромная часть населения неизбежно должна вымереть. Таким образом поддержание денежного обращения в развитом меновом хозяйстве есть такой же закон природы, как сам институт самосохранения. Теория «естественной нуллификации» не показала, каким образом в процессе обесценения деньги сами собой превращаются в нуль. Однако теоретики беспредельного «эмиссионного хозяйства» повинны в упущении тех границ, которые ставятся эмиссии народным хозяйством. С практической точки зрения последнее заблуждение опаснее слабости теории «естественной нуллификации», и мы возвращаемся к традиционному тезису с тем, чтобы доказать его иными аргументами.

¹⁾ «Вне наличности в обращении лучших циркуляционных средств, которые можно было бы использовать для опосредствования товарного оборота, никакой «полный крах» бумажно-денежной системы ныне экономически невозможен». С. А. Фалькнер, «Бумажные деньги Французской Революции», 1914 стр. XIII.

«Так как ни для эмиссии, ни для повышения цен никакого внутреннего экономического предела не имеется, то параллельное возрастание денежной массы и общего уровня цен превращается в процесс неопределенной длительности» (там же, стр. 279).

Инфляция имеет «естественные» пределы. Но «крах» наступает не в виде превращения денег в простые бумажки, а иначе. Народное хозяйство в целом полагает предел инфляции, и полагает различными способами, смотря по способу эмиссии.

Существуют два основных способа выпуска денег: для выполнения платежей и для оказания ссуд. Избыточный выпуск денег для производства платежей называется фискальной инфляцией, ибо такая эмиссия производится фиском (казной государства). Избыточный выпуск денег для оказания ссуд—это банковая или кредитная инфляция.

Если возможность фискальной инфляции и признаки ее не требуют пояснений, то условия возможности и признаки банковской инфляции далеко не столь очевидны.

А между тем «кредитные» деньги, т.-е. деньги, создаваемые для выдачи ссуд (банкноты, текущие счета), в странах развитого денежного хозяйства занимают огромную часть денежного обращения. Было бы неправильно представлять деятельность банков, как пассивное посредничество в передаче денежных капиталов: посредничество между капиталистами, желающими ссудить свой капитал, и предпринимателями, ищущими капитала. Банки торгуют не только «чужими», но и «своими» деньгами, создаваемыми при открытии кредита. Общественное мнение обычно считает деньгами лишь один вид банковских платежных средств—банкноту. Выпуск банкнот подчиняется регламентации со стороны государства, считается особой привилегией, предоставляемой одному или немногим банкам. Однако в некоторых странах банкноты составляют только незначительную долю всей суммы орудий обращения (денег). Так, в Соед. Штатах, по данным Irving'a Fisher'a, в 1909 г. платежи монетой и банкнотами составляли сумму 34 миллиарда долларов, а платежи чеками—353 миллиарда долларов, или в десять раз больше. Количественное отношение между текущими счетами и банкнотами—весьма различно в различных странах. Однако с течением времени употребление банковых «вкладов» в виде денег все больше и больше распространяется.

Таким образом, новейшее развитие денежного хозяйства привело к сосредоточению почти всей задачи созда-

ния денег в руках банков. Ясно, какое огромное значение для всей жизни народного хозяйства имеет денежно-кредитная политика банков. Ибо на цены товаров влияют изменения общего денежного спроса, безразлично, чем производится уплата: чеком ли по текущему счету, банкнотами или металлической монетой. Пусть, например, денежный спрос возрастает при неизменном товарном предложении,—цены товара одинаково возрастут, как в том случае, если уплата будет произведена чеками, так и тогда, когда уплата будет произведена банкнотами. Инфляция же есть ни что иное, как увеличение денежного спроса при неизменном товарном предложении.

А между тем проблема правильного «создания денег», такого, при котором «мир денежных отношений» был бы точным отражением «мира товаров»,—является труднейшей экономической проблемой. Проблема эта трудна не только потому, что теория денег далека еще от точного установления количественной связи между элементами денежного обращения и ценами (товаров, других видов денег и капитала),—проблема эта трудна еще потому, что инфляция является сильным искушением для всех, кто может создавать деньги.

Это — ахилессова пята денежно-менового хозяйства. Приспособление количества денег к количеству товаров несравненно труднее приспособления количества товаров к потребности в них. Приспособление производства товаров к спросу на них и к производственным ресурсам регулируется отношением рыночных цен к издержкам. Личный интерес не позволяет расширить производство товаров за пределы, при которых цена товара уравнивается с издержками. Никто не хочет и даже не может долгое время производить в убыток. Не то с деньгами: только металлическая монета стоит издержек, но металлические деньги это лишь малая часть всего количества орудий обращения. Оборót не обходится и не может обойтись с одними металлическими деньгами. Главная масса орудий обращения создана, так сказать, из ничего. Деньги могут иметь ценность не имея стоимости. Поэтому личный интерес каждого, кто создаст «нематериальные» деньги, повелевает создавать их все больше и больше: для денег нет предела насыщения, для них нет перепроизводства.

Правда, при избытке деньги обесцениваются, но зато, они ничего и не стоят. И если все народное хозяйство—в целом—от избытка денег не выигрывает, то эмиттент получает вполне реальное приращение богатства, источником которого является ущерб тех, кто находится далеко от эмиссии.

Вот в этом именно и состоит основная трудность денежной политики: личный интерес—движущая сила и основа менового хозяйства—направлен против правильного создания денег, а общественный интерес, призванный ограничивать банковое «деньготворчество», не имеет ясного критерия правильности денежной политики.

Эта сила саморасширения денежного обращения, эта тенденция к инфляции есть такая же «естественная» тенденция, как стремление к прибыли, как жажда власти: ибо выпуск денег дает эмиттенту и прибыль, и власть. Поэтому, для охранения общественного интереса, необходимо существование внешних преград, сдерживающих напор инфляции. Обязательство размена на металл, ограничение банковского выпуска денег лишь краткосрочными ссудами, налог на банкноты, выпущенные свыше предельной суммы и др. установления закона в банковской практике—суть не что иное, как сложная система плотин, сдерживающих денежный поток.

Однако эти плотины не непроницаемы. Вся многовековая история денег является историей инфляции, историей борьбы с силой саморасширения денежного обращения.

Сначала инфляция выступила в форме порчи монеты, т.е. уменьшения содержания металла в монете без соответственного уменьшения ее достоинства. Затем (в 18 в.) появились бумажные деньги и первые опыты их использования являются классическими примерами грандиозной инфляции (крах Дж. Ло, ассигнаты Фр. Революции).

В девятнадцатом веке, когда наиболее передовым правительствам удалось, наконец, привести в порядок государственную денежную систему, выдвигается роль частных, банковых денег. Первоначальная история банкноты наполнена бесчисленными примерами злоупотреблений их выпусками, вредное влияние которых на народное хозяйство было столь очевидно, что в первой

половине XIX в. промышленные кризисы ставились часто в связь с банкнотной инфляцией.

Со времени реформы Пиза в Англии (1844), выпуск банкнот стали ограничиваться довольно узкими рамками. Однако другой вид бумажных денег—текущие счета (или «жиральные деньги») — до сих пор почти повсеместно не ограничиваются государственной регламентацией, и ниже мы увидим, что банки пользуются этим либерализмом.

Таким образом вся история денежного обращения является свидетельством изумительной силы и постоянства напора инфляции. И если только плотины, задерживающие денежный поток, имеют какую-нибудь щель, то струя избыточных денег будет просачиваться с такою же необходимостью закона природы, как течет вода сквозь щели шлюза.

И если внешние преграды инфляции несовершенны, то внутренним пределом для нее может быть лишь такое состояние, когда она более не дает эмитенту ни прибыли, ни власти. Невыгодность для эмитента — вот внутренний экономический предел для всякой инфляции. Фискальная инфляция, как финансовая система, становится экономически невозможной в тот момент, когда реальный доход от нее уже не достаточен для удовлетворения самых насущных потребностей государства. Кредитная инфляция становится экономически невозможной в тот момент, когда нельзя сыскать кредитоспособных клиентов, ибо бессмысленно ссужать без надежды даже на возврат ссуды.

Когда общественный интерес бессилен бороться с инфляцией, тогда только естественные законы народного хозяйства могут положить ей предел, парализовав ее движущую силу — прибыльность для эмитента.

Так мыслятся внутренние пределы инфляции.

Должны ли они наступать?

Хозяйство невозможно без правильного учета затрат и получений, средств и целей. Всякая ошибка в расчете неизбежно наказывается; инфляция же искажает все основные данные для расчета в денежном хозяйстве: цены и доходы. Движения цен и доходов выполняют в меновом хозяйстве функцию огромной важности. Что производить, сколько производить — все это диктуется

языком цен. И даже *как* производить—техника производства—зависит от условий спроса: ведь техника производства зависит от его размеров, а размеры производства зависят от размеров сбыта.

Инфляция искажает все соотношения цен, она искажает единственный критерий правильности организации хозяйства. При инфляции язык цен начинает лгать, выражая не те правдивые ценностные отношения, которые вытекают из естественной ограниченности хозяйственных сил и средств, но другие, измененные активным вмешательством денежного обращения.

Но самый правильный расчет, построенный на ложных данных, будет ошибочен. При таких условиях производство товаров становится азартной игрой, в которой выигрыш зависит не от правильности расчетов, а от случая.

Было бы неправильно думать, будто зло инфляции в дороговизне, т.-е. в росте цен, как таковом. Вовсе нет. Если бы инфляция не искажала *отношений* цен и доходов, но только повышала их, то она не вызывала бы никаких потрясений. Возьмем разительный пример: пусть в один прекрасный день *все* цены и доходы выросли бы в тысячу раз. Каждый сразу понял бы, что ни что не изменилось: никто не стал богаче, никто не стал беднее. Производство тех товаров, которые было выгодно производить, осталось прибыльным, убыточные предприятия остались столь же убыточными. Ведь для каждого хозяйства важны не абсолютные размеры цен и доходов, а отношения между ними.

Поэтому зло инфляции не в том, что цены и доходы повышаются, а в том, что в процессе повышения цен и доходов происходят *сдвиги отношений* отдельных цен между собою и между доходами,—сдвиги, не имеющие корней в мире товаров, но причиняемые избыточным выпуском денег.

Эта неравномерность повышения цен (и доходов) *органически* связана с инфляцией.

В самом деле, неравномерное повышение отдельных цен является отражением сдвигов денежного спроса, одно-сторонности тока инфляции. Если бы выпускаемые деньги равномерно увеличивали денежный спрос на *все* товары,

то при повышении цен происходили бы только те сдвиги цен, которые вызываются причинами, лежащими на стороне товаров. Лишь в том случае, если бы денежные доходы *всех* возрастали *одновременно* в совершенно *одинаковой* пропорции,—цены повышались бы, не испытывая сдвигов между собой, вызываемых денежным обращением.

В результате произошло бы увеличение денежного спроса, а следовательно и увеличение цен всех товаров. Такая инфляция не принесла бы никому вреда, но никому не принесла бы и пользы. Она была бы никому не нужна, экономически бессмысленна и невозможна.

Напомним, что движущая сила инфляции—выигрыш одних за счет ущерба других. Но выигрыш всех за счет всех невозможен. Следовательно, инфляция не может быть всесторонней, т. е. не может в одинаковой пропорции наполнять все карманы. Она может быть только односторонней: новые деньги исходят от немногих хозяйств и затем постепенно рассасываются между остальными хозяйствами. Кто раньше получает новые деньги, тот раньше предъявляет увеличенный денежный спрос на товары. А так как состав потребления отдельных хозяйств весьма различен, то неодинаковое увеличение денежного спроса различных хозяйств равносильно неодинаковому увеличению спроса на различные товары. Это неодинаковое возрастание цен товаров в свою очередь связано с неодинаковым возрастанием доходов производителей и торговцев этих товаров, и т. д.

Таким образом односторонность потока инфляции искажает денежные отношения—цены и доходы. Инфляция по природе своей обманчива и быть иной не может. Вопрос только в том, каков смысл ее обмана.

Если денежный поток направляется на непроемчивое потребление, то возникает искушение расширить потребление, а неограниченность инфляции (ведь денежный крах невозможен!) создает иллюзию неограниченности потребительных возможностей.

Если же денежный поток вливается к тем, кто пользуется денежной властью для организации производства—у них возникает искушение расширять производство, а избыток денежной власти создает иллюзию избытка производственных ресурсов.

В первом случае—поступают так, будто нет пределов для потребления. Во втором случае так, будто нет пределов для расширения производства. И в том, и в другом случае теряется ощущение действительной степени ограниченности сил и средств, теряется единственный стимул к экономии, теряется основа правильного хозяйствования. Наступает расточительность или в потреблении, или в организации производства. Нужно ли говорить, что расточение имеет пределы?

Посмотрим же, какие конкретные процессы возникают в народном хозяйстве при неограниченной инфляции и каким образом они полагают ей предел.

Фискальная инфляция создает обманчивую видимость обилия средств в распоряжении государства. Эмиссия — самый легкий вид дохода: не только прямые, но даже косвенные налоги вызывают активное или пассивное сопротивление населения, значительность которого и полагает предел притязаниям фиска. Займы требуют доверия и наличности в народном хозяйстве денежных капиталов, ищущих помещения. Эмиссия же не требует ни доверия, ни обилия капиталов, ни сложного налогового аппарата: нужно только действительное восприятие обращения иных денег, кроме дозволенных государством.

Правда, казалось бы, нет логической необходимости злоупотреблять фискальной инфляцией. Однако добровольное воздержание от доступного и желаемого — труднейшая из добродетелей. И если вообще общественное хозяйство нельзя строить на добродетелях, — то еще менее в те исторические эпохи, когда фискальная эмиссия становится неизбежной — в эпохи войн и революций. Общая расточительность в потреблении — в государства, и частных лиц — характернейшая черта бумажно-денежного хозяйства.

Поэтому неограниченная эмиссия фиска обычно изъе-млет для непроизводительного потребления гораздо бо-льшую часть народно-хозяйственного дохода, чем это воз-можно без крайнего истощения его источников — мате-риальных и психических производительных сил. Почва

истощается от чрезмерной эксплуатации без соразмерного удобрения, леса—от преждевременной вырубки, промышленность—от износа машин без своевременной их замены, человеческие силы—от ухудшения потребления при увеличенной затрате энергии, от понижения уровня знания вследствие необходимости для юношества раньше вступать на дорогу заработка.

Сверх того, изъятие путем эмиссии чрезмерной доли народно-хозяйственного дохода еще в ином отношении сокращает производительные силы. Когда напряжение эмиссии и темп обесценения денег достигают сравнительно высокой степени, когда поэтому население начинает ощущать обесценение денег, как тяжелое бремя,—тогда возникает массовое, стихийное стремление всех сократить размеры своей кассы, ограничить ее минимальной суммой денег. Все спешат скорее сбыть с рук падающие деньги. Каждый старается приблизить моменты получения денег и расходования их, нередко предпочитая совершенно отказаться от обмена, чем получить в обмен деньги, которые могут залежаться долгое время. Деньги перестают быть орудием сохранения ценностей, эту функцию за них начинают выполнять некоторые товары.

Товарооборот испытывает полное преобразование. Сделки, связанные с медленным кругооборотом денег, сокращаются, наоборот возникает множество сделок, направленных специально на приобретение товаров для перепродажи. Так как в сделках первого рода продавцами выступают главным образом производители (ибо в производстве время кругооборота денег зависит от многих внешних условий),—то поэтому общее поступление товаров от производителей на рынок ослабевает: товарооборот суживается, как под действием очень высокого налога на обращение. И чем больше темп обесценения денег, тем меньше и меньше круг обмена. Но каков сбыт—таково и производство; рынок ограничивает разделение труда и сокращение рынка означает разрыв многих хозяйственных уз, соединяющих трудораздельное общество—и, следовательно, падение производства.

Наиболее сильное падение желания продавать и производить на продажу наблюдается там, где оборот денег происходит наиболее медленно—в деревне. Деревня первая

ограничивает продажу своих продуктов под гнетом быстрого обесценения денег. И это понятно: в городе скорость обращения денег больше, получки денег чаще, израсходовать их легче, чем в деревне. Для крестьянина же возможности быстрого и целесообразного «сбыта денег» более ограничены. Особенно затруднительно положение таких земледельцев, которые—по удаленности от города или другим причинам—сами редко бывают в городе, но продают свою продукцию скупщикам. Для таких крестьян всякая продажа связана с риском весьма значительной потери на обесценении денег: выгодам обмена противостоит невыгода обесценения денег, получаемых в обмен. Так вполне правильный хозяйственный расчет исключает с городского рынка продукты очень многих удаленных от города земледельцев¹⁾. Эмиссия действует на обмен города и деревни, как сильнейшее затруднение путей сообщения: как будто вокруг городов вырастают хребты непроходимых гор или почва внезапно превращается в тошное болото. Ибо к издержкам провоза прибавляются значительные издержки по содержанию государства. Именно этим обстоятельством объясняется характерный для «эмиссионного хозяйства» недостаток продовольствия в городе. Не особенности деревенской психологии, но особенности обращения денег в деревне, связанные со всем укладом сельского хозяйства,—являются основной причиной, почему обесценение валюты в большей мере сокращает поступление на рынок продуктов земледелия, чем продуктов промышленности. Но именно потому же, что ограничение деревней своих продаж вытекает не из необоснованной «психологической опасливости», а из экономически правильного расчета,—именно поэтому продовольственный кризис «эмиссионного хозяйства» так трудно поддается лечению.

Против него—в рамках чисто эмиссионного хозяйства—есть только одно мыслимое средство: ускорение оборота денег в деревне. Но скорость обращения денег зависит от таких факторов, которые вообще почти не

¹⁾ Не забудем, что при чистом «эмиссионном хозяйстве» налогов нет и, следовательно, для деревни нет этого стимула к продаже своих продуктов.

поддаются сознательному регулированию, и тем менее в те эпохи, когда эмиссия становится необходимостью. Плотность населения, быстрота сообщений, привычки и способы платежей, продолжительность цикла производства — вот условия, определяющие различия скорости обращения денег в различных местностях, различных хозяйствах. Никакая экономическая политика не в состоянии уравнивать эти условия, устранить особенности положения денежного оборота в деревне. Таким образом, продовольственный вопрос города совершенно неразрешим в рамках чистого «эмиссионного хозяйства». И вся история опытов неограниченной эмиссии свидетельствует, что невыносимая острота продовольственного кризиса города ведет к стихийному, независящему от воли государства отказу от чистого «эмиссионного хозяйства»¹).

Волнения городских масс на почве слишком быстрого расхождения их доходов и цен жизненных припасов обостряют до крайности социальный вопрос: массы требуют помощи государства — дешевого хлеба и достаточной заработной платы; и требуют тогда, когда единственный финансовый ресурс государства — эмиссия — быстро истощается, ибо темп обесценения денег оставляет далеко позади рост эмиссии.

¹) Характерно то, что даже в годы хороших урожаев городское население в эпоху ассигнатов во Франции страдало от недостатка продовольствия. Так, в 1791 году (год хорошего урожая) массы уже начали голодать (Фалькиер, *назв. соч.*, стр. 113).

В начале 1793 года, по свидетельству деп. конвента Шамбона, реальный дневной заработок рабочего равнялся одному фунту хлеба (там же, стр. 126). Волнения рабочих (разграбления лавок, требования вмешательства власти в установление цен и рыночный оборот, угрозы восстанием) *вынудили* конвент перейти к универсальной нормировке цен и принудительному обмену по установленным ценам (реквизиции), т. е. к системе натуральных сборов. И только благодаря натуральным сборам удавалось поддерживать снабжение продовольствием городского населения на спящем уровне. После отмены закона о максимуме, продовольственных карточек, реквизиций и др. мер, направленных на принудительное отобрание у деревни нужных для города продуктов, — эмиссия снова оказывается недостаточной для фиска, снова обостряется продовольственный кризис города, снова усиливаются волнения и массовые грабежи лавок (там же, стр. 196—197). Продовольственный кризис исчез лишь с уничтожением ассигнатов (там же, стр. 197, свидетельство исследователя продовольственного положения департамента Илонны).

Реальный заработок государственных служащих падает до минимума; качество чиновничьего труда понижается. Там, где раньше было достаточно одного сотрудника, нужно двух, трех и даже более сотрудников: общее увеличение штатов становится неизбежным. Сверх того, урегулирование продовольственного вопроса вызывает возникновение особого государственного и общественного аппаратов: так отвлекаются силы от производительного труда к непроизводительному. Но вызванное последствиями эмиссии разбухание государственного аппарата само по себе требует увеличения эмиссии: устранение последствий зла еще более увеличивает его источник. Это значит, что нет иного выхода, кроме отказа от «эмиссионного хозяйства».

Полный крах эмиссионной системы финансирования еще ускоряется введением такс (максимальных цен). Таксы являются симптомом явной недостаточности поступления продуктов на рынок и поэтому явной недостаточности эмиссии, как финансового ресурса. Ибо, к чему были бы таксы, если бы оборот не сокращался если бы цены продуктов росли соответственно росту эмиссии? Не рост цен сам по себе, но «дороговизна жизни», т. е. рост цен, опережающий рост доходов, — вот что является злом, — вот что вызывает инстинктивное стремление городских масс принудительно задержать этот рост цен. Это стремление диктуется самим инстинктом самосохранения; однако, инстинкт сам по себе ненадежный руководитель в общественном хозяйстве. «Дороговизна жизни» — лишь симптом сужения товарооборота, и принудительное понижение цен еще более суживает товарный поток, еще более усиливает «дороговизну жизни». При введении такс, точно по мановению волшебного жезла, товары вовсе исчезают с легального рынка. Рынок, сократившись, уходит в подполье; цены растут еще сильнее, ибо нелегальный рынок требует не только оплаты риска, но и громадной затраты сил: то, что делает одна легальная лавка, то выполняют сотни мелких подпольных торговцев. Выгодность подпольной торговли привлекает к ней лиц, занятых ранее производительным трудом¹⁾.

¹⁾ Во время действия закона о максимуме Франц. Революция наблюдалось сокращение легальной торговли и массовый переход

Таким образом, ни одно из доступных средств к поддержанию чистого «эмиссионного хозяйства» не является действительным. Каждое из них только обостряет зло. Вот типичный кризис эмиссионного хозяйства, как финансовой системы: наступает момент, когда государство не может жить только средствами эмиссии. Ему грозит разложение от внутренних волнений и от паралича чиновничьего аппарата. Отказ от чистого «эмиссионного хозяйства» при таких условиях не является вопросом целесообразности, но законом общественной природы. Недостаток средств государства (и продовольствия города) пополняется либо восстановлением системы денежных налогов, либо—возвращением к системе далекого прошлого—натуральным сбором. В первом случае—отказ от эмиссии вполне очевиден, во втором случае,—крах эмиссионного хозяйства замаскирован внешней видимостью существования эмиссии, как единственного источника *денежных* доходов государства.

Последний случай является наиболее тяжелым, ибо оставление эмиссии даже в более скромной роли единственного источника *денежных* доходов не устраняет, но лишь замедляет процесс хозяйственного распада.

Переходным этапом к такому способу смягчения эмиссионного финансового кризиса может явиться (и в истории неоднократно являлась) всеобщая нормировка товарных цен. Товарные таксы сами по себе усиливают голод города: и непосредственно—сокращая рынок (легальный и нелегальный), и косвенно, угнетая источник рынка—производство. Поэтому, поддержание такс с неумолимой логикой требует широчайшей организации принуждения к продаже по таксе, т.-е. в сущности, принудительного сбора продуктов, маскируемого в форму возмездного обмена. Конечно, реквизиции продуктов по цене ниже рыночной ощущаются населением, как налог, в размере разницы между рыночной ценой и твердой ценой реализуемых продуктов. Воскресает налоговое хозяйство в

производительных работников к нелегальной торговле. «Кузнец торговал материей, сапожник—кофе и сахаром, булочник—водкою и вином, и т. д.» «Легкость, с которой некоторые имеют возможность обходить этот закон (о максимуме), побудила запустить ремесла и промыслы». (См. Фалькнер, назв. соч., 150).

самых примитивных формах натурального сбора, требующего целой армии для взимания, колоссальной организации для перевозки, хранения и распределения собранных продуктов¹⁾.

Понятно, крайняя неравномерность и тяжесть подобных сборов с неизбежностью закона природы ведут к дальнейшему понижению производительных сил страны, ибо у производителей атрофируется желание производить. Если в те исторические эпохи, когда государству нужна эмиссия, оно не справляется с системой денежных налогов, то, конечно, натуральные сборы тогда могут существовать только в самых примитивных, полустихийных формах организации.

Таким образом, поддержание «эмиссионного хозяйства», как единственного источника *денежных* доходов государства, оттягивает конец «эмиссионного хозяйства», но оттягивает ценой падения источника всякого рынка — производства. Рынок в еще большей степени сокращается, реальная выручка государства от эмиссии поэтому продолжает падать. Роль натуральных сборов в бюджете, поэтому, растет, угнетая производство. Угнетение производства снова сокращает рынок, фискальная доходность эмиссии снова падает, — еще большая часть бюджета переносится на натуральные сборы. Производство снова сокращается, — рынок снова сжимается, фискальная эффективность эмиссии снова падает, нажим натуральных сборов снова становится сильнее и т. д.

Совершенно ясно, что этот процесс без конца продолжаться не может, что рано или поздно, но неизбежно наступит момент, когда государство окажется не в состоянии жить и функционировать вследствие крайней недостаточности материальных средств в его распоряжении.

¹⁾ «Со времени проведения закона о всеобщем и единообразном максимуме хлебных цен 3 сентября 1793 г., общественная организация снабжения создается по существу принудительно. Ибо тем же декретом *всякая частная торговля хлебом воспрещается*. Единственным средством снабжения становится реквизиция вооруженной силой... «Кое-где на местах организуется специальная *продовольственная армия*... «Однако, и вооруженная сила встречает в деревнях решительное сопротивление, так что, несмотря на льющуюся кровь, удается изъять лишь небольшую часть имеющихся избытков». (Фалькнер, назв. соч., стр. 157—158).

Таким образом, попытка поддерживать путем натуральных сборов существование эмиссии, как единственного денежного дохода государства, есть *отсрочка* возврата к денежным налогам, отсрочка, приобретаемая ценой углубления того народно-хозяйственного кризиса недопроизводства, который и полагает предел фискальной эмиссии.

Для фискальной инфляции нет пределов в рамках денежного обращения: не разложение денежной системы, но разложение народного хозяйства, общества и государственного аппарата ставит границы эмиссии. История денег есть история инфляции, но она не знает ни одного случая сколько-нибудь длительного существования чистого «эмиссионного хозяйства». И это не случайность, а естественный закон экономики: «эмиссионное хозяйство», как самостоятельная финансовая система, — невозможно.

Неограниченная фискальная эмиссия может повторяться в истории, но не может непрерывно продолжаться. Ибо для того, чтобы эмиссия снова стала выгодным орудием для фиска, необходимо восстановление народного хозяйства, которое невозможно без ограничения или без временного отказа от всякой фискальной эмиссии.

«Эмиссионное хозяйство» можно рассматривать, как единый налог: налог на деньги, взимаемый с единицы времени их держания. Неравномерность его распределения так же велика и так же неустранима, как велики и неустранимы различия в быстроте кругооборота денег в различных хозяйствах. Практическая неосуществимость единого неравномерного налога — это элементарная истина для современной финансовой науки. И тем удивительнее, что идея возможности единого налога воскресла несколько лет назад в костюме «эмиссионного хозяйства».

Новейшее развитие денежного хозяйства представляет процесс роста кредитных орудий обращения и деградации металлических денег, роста частных «платежных средств» и деградации государственных денег. Эта связь развития денежного хозяйства с развитием кредитных денег не простая историческая случайность, но естественная закономерность, естественная, т.-е. вытекающая с необходимостью

из самой природы развитого денежного хозяйства и существования кредитных денег.

Достаточно небольшого размышления, чтобы убедиться в этом. В самом деле, сущность развития денежного хозяйства состоит в развитии производства на рынок. Чем большее значение для хозяйства имеет производство для сбыта, тем больше зависимость судьбы хозяйства от рынка, тем большее значение для хозяйства имеет малейшее изменение цен. Те колебания цен, которые легко переносятся полунатуральным хозяйством, — невыносимы для хозяйства, всеми своими элементами связанного с рынком ¹⁾. Поэтому широкое развитие денежного хозяйства невозможно в обстановке резких и частых колебаний цен. Тонкий, весь построенный на денежном расчете организм предприятия, работающего для сбыта, не выдерживает в такой суровой среде и должен уступать место менее прихотливому в этом отношении полунатуральному хозяйству.

Но такие резкие колебания цен, притом колебания неоправданные «товарными» причинами, неизбежны в том случае, если денежное обращение не отражает волн товарного потока. Если созданию товаров не сопутствует соответствующее создание денег, то неизбежно понижение цен, нарушающее все расчеты хозяйств, работающих на рынок. Ведь цены в этом случае понижаются не потому, что издержки производства понизились, но потому, что денег стало мало для возросшего оборота. Значит, общая прибыльность предприятий понижается: предприятия начинают процесс производства при более высоком уровне цен, кончают — при более низком.

Но предприятие без прибыли существовать не может. Поэтому понижение цен вследствие недостатка денег в обращении всегда является источником депрессии, т. е. общего угнетения хозяйственной жизни. Таким образом развитие денежного хозяйства почти невозможно при стационарном количестве орудий обращения.

С другой стороны, это общее возрастание товарооборота происходит неравномерно: оно сопровождается бие-

¹⁾ Это — факт, почтою наблюдаемый в периоды инфляционного или дефляционного расстройств цен: деревня меньше страдает, чем город.

нием пульса хозяйственной жизни. Поток товаров изменяется по временам года, по месяцам, по неделям. Товары то прибывают на рынок после окончания цикла производства, то убывают, поступая в потребление. Для того, чтобы эти волны товарного потока не вызывали сильных колебаний цен, необходимо, чтобы одновременно с новыми товарами в обороте появлялись новые деньги, которые уходили бы из обращения одновременно с поступлением этих товаров в потребление. Таким образом, органическая связь между денежным обращением и товарооборотом является необходимым условием широкого развития денежного хозяйства.

Нетрудно понять, что это условие невыполнимо в рамках только металлического обращения.

Колоссальное увеличение добычи золота, необходимое для того, чтобы снабдить деньгами быстро растущую массу товарооборота,—было бы невозможно без постоянного возрастания издержек производства золота (закон убывающей производительности). В кредитных деньгах народное хозяйство прежде всего нашло средство освободиться от подчинения своего развития судьбе производства золота, средство расширения рынка не в той мере, в какой позволяет добыча золота, а в какой возможно, так сказать, по внутренним побуждениям. Кредитные деньги освободили народное хозяйство от непомерного роста реальных затрат на изготовление металлических орудий обмена, и это удешевление технического аппарата обращения можно сравнить с влиянием удешевления транспорта на развитие хозяйства.

Но функции кредитных денег не только в понижении издержек создания денежного обращения. Другая их функция—создание эластичности денежного оборота, чуткости его к биению пульса хозяйственной жизни. Товары—временные гости в обороте; они рано или поздно, но непременно уходят из него. Деньги же—вечные странники, предназначенные вечно обращаться. Их природа в этом отношении глубоко отлична от природы товара.

Следовательно, деньги, как таковые, не могут быть верными спутниками товаров, не могут следовать их судьбе, послушно отражая волны товарного потока. Только

кредитные деньги, т.-е. деньги, выпускаемые *на время*, в ссуду, могут подражать в своем движении движениям товаров: появляться в обороте вместе с ними и уходить за ними же. Лишь *кредитные* деньги могут *органически* связать денежное обращение с хозяйственной жизнью. Классическим основанием для выпуска кредитных денег служит учет товарных векселей. Товар поступает в оборот,—при покупке его выдается вексель. Вексель этот учитывается банком: кредитные деньги постукают в обращение. Товар уходит из оборота к потребителю — торговец получает за него деньги и расплачивается по векселю с банком: деньги уходят из обращения. Вот идеальная картина. И хотя действительность отклоняется от идеала, благодаря невольным и вольным отступлениям банков от описанного принципа выпуска денег, однако, и сказанного достаточно, чтобы понять, почему деградация металла в обращении так тесно связана с развитием денежного хозяйства. Чем больше рынок проникает хозяйственную жизнь, чем теснее судьба каждого хозяйства связана с состоянием цен, тем большее значение имеет малейшее несоответствие денежного обращения движениям товаро-оборота, и для высоко развитого денежного хозяйства органическая связь мира денег с миром товаров есть основной вопрос — вопрос бытия.

Потому-то создание денег стихийным ходом хозяйственного развития попало в руки банков, как организаций, стоящих в центре хозяйственной жизни, органически — своей хозяйственной судьбой — связанных с судьбой кредитуемых хозяйств. И характерно, что именно шотландские банки, явившие пример особенной чуткости, особенного знания местной хозяйственной жизни, оживившие все хозяйство страны расширением сети уз разделения труда, перебросившие нити обмена там, где без них они не связались бы, возбуждавшие производство там, где его не было бы, — именно эти банки начали работать только на банкнотах, не имея вкладов ¹⁾.

Теперь для нас понятно, почему государство нигде до сих пор не пыталось подчинить своему полному регулированию выпуск *всех* видов банковых денег. Государ-

¹⁾ См. Scharling, Bankpolitik, 1900. S. 39.

ство повсеместно регламентирует выпуск банкнот, но не обращение «жиральных денег». Государственный аппарат при денежном хозяйстве не обладает ни тем знанием народного хозяйства, ни той чуткостью к биению пульса хозяйственной жизни, без которых невозможна органическая связь мира денег и мира товаров, без которых невозможно высоко-развитое денежное хозяйство. И несовершенства регулирования эмиссии банкнот не причиняли большого вреда только потому, что другой вид кредитных денег был свободен от регулирования.

Таким образом только банки *могут* поддерживать органическую связь между товарным рынком и денежным обращением. Но это не значит, что они в совершенстве выполняют эту задачу.

Более того, мы знаем уже ¹⁾, что *правильный* выпуск денег является вдвойне трудной задачей. Во-первых, нет твердых общепризнанных правил «создания денег»; во-вторых, личный интерес каждого, кто может создавать «нематериальные» деньги, повелевает создавать их больше, чем нужно обороту. В частности банки заинтересованы в расширении обращения своих денег, ибо они сужают «даровые» деньги не даром, а за плату.

Какие же «шлютицы» сдерживают напор банковской инфляции? Далеко не достаточные для устранения всякой возможности инфляции.

Выпуск «жиральных денег» ограничивается до некоторой степени обязательством выдачи вкладов государственными деньгами, законным платежным средством. Хотя бы «вклады до востребования» состояли почти исключительно из открытых банком кредитов,—все-таки банк обязан платить немедленно наличными по всем предъявляемым требованиям. Поэтому банки должны держать наготове резерв законных платежных средств. Однако опыт показывает, что отношение между «вкладами до востребования» и этим резервом может весьма значительно возрастать. И это понятно: ведь «вклады до востребования» заменяют в обороте наличные деньги и поэтому, пока нет общей паники, оборот не нуждается в востребовании вкладов. Кредитная инфляция вполне воз-

¹⁾ См. выше, стр. 86.

можно даже при существовании золотой валюты. Если такая банковая инфляция происходит лишь в одной стране, то рост цен товаров приводит к возрастанию ввоза товаров, сравнительно с их вывозом. Отлив золота из страны для оплаты избытка ценности импорта над экспортом, уменьшает металлические резервы банков и принуждает банки к сокращению кредита путем повышения ссудного процента. Дороговизна кредита заставляет предприятия спешить с продажей товаров—цены понижаются. Сокращение кредитных орудий обращения тоже давит на уровень цен. С внешней стороны банки повышением дисконта оберегают свой металлический резерв, а себя от банкротства. По существу они устранением инфляции притягивают национальный уровень цен к прежнему соотношению с уровнем цен в странах с той же металлической валютой.

Таким образом, пределы для банковской инфляции при золотой валюте довольно узки, если инфляция происходит лишь в одной стране (связанной внешней торговлей с другими странами). Но если инфляция происходит равномерно во всем мире, то уровень цен везде равномерно повышается; ни в одной стране не создается особенного возрастания ввоза товаров и вывоза золота. В этом случае, как будто бы пределы банковской инфляции далеко отодвигаются. До каких же пор? Быть может, опасение недоверия публики заставит банки остановиться? Опыт показывает, что мнение коммерческого мира — ненадежный руководитель кредитно-денежной политики. Коммерческое мнение в общем всегда настроено в пользу инфляции: оно требует дешевого кредита и умеренного повышения цен. Никогда суровая кредитная политика и дефляция не пользовались популярностью среди клиентов банков. Риск возбудить недоверие публики препятствует только *слишком быстрому* возрастанию кредитно-денежного обращения, но не умеренной в темпе инфляции.

Это очень характерная черта обычной банковской инфляции: банки не могут слишком быстро расширять обращение своих денег. В самом деле, средством для такого расширения служит понижение ссудного процента. Но если какой-либо банк чрезмерно понизит ссудный процент сравнительно с другими банками, то клиенты

его будут расширять свои займы только для того, чтобы погасить свои обязательства в других банках. Усиление спроса на кредит в связи с отливом наличных денег из кассы этого банка заставит его повысить процент по ссудам ¹⁾.

Итак, конкуренция банков между собой препятствует развитию стремительной инфляции, но она не устраняет возможности менее заметной инфляции. Более того: она *вынуждает* банки в погоне за клиентурой понижать ссудный процент ²⁾. Как спрос на товар зависит от его дешевизны, так и спрос на кредит зависит от дешевизны кредита. Но для цены товара есть низший предел — издержки; для цены ссуды кредитными деньгами этого предела почти нет. Коммерческое мнение приветствует «дешевые деньги», и это единомыслие банков и клиентов неизбежно ведет к инфляции.

Если даже существование золотой валюты само по себе не может гарантировать страну от кредитной инфляции, то тем более серьезна эта угроза в странах бумажной валюты.

Предположим, что в некоторой стране нет фискальной инфляции, но нет и золотой валюты. Банки не обязаны держать наготове известный металлический резерв. До каких же пор они могут, понижая ссудный процент, расширять свои операции за счет выпуска денег?

Естественного предела для роста цен, как такового, не существует. Следовательно, только глубокое расстройство в соотношении основных элементов народного хозяйства может заставить банки прекратить инфляцию.

Давно уже было подмечено, что возрастание количества денег в стране может вызывать подъем промышленной конъюнктуры. Если дефляция всегда связана с депрессией, то инфляция нередко ускоряет темп хозяйственной жизни. Легкое повышение цен повышает при-

¹⁾ Ср. Mises, *Theorie des Geldes, und der Umlaufsmittel*, 1912, S. 434—435, 444.

²⁾ Характерно, что в этой борьбе за клиентуру принимают активное участие иногда даже центральные банки. Так, Reichsbank (еще до войны) был причастен к «охоте за векселями». См. Plenge, I., *Von der Diskontpolitik zur Herrschaft über den Geldmarkt*, 1913, стр. 99.

быль предприятий, а прибыль — регулятор хозяйственной энергии.

Пусть издержки единицы продукта в начале процесса производства этого продукта равны 100, а цена продукта в тот же момент 110. Если за время производства цена продукта возрасла на 10%, то предприятие может выдать вдвое больший дивиденд. Правда, если издержки производства тоже возрасли на 10%, то предприятие, выдав такой дивиденд, не сможет продолжать производство в прежнем объеме; ибо оставшегося, за выдачей дивиденда, капитала не хватит для того, чтобы купить прежнее количество сырья и рабочей силы. Но прибыльность предприятия привлечет новые капиталы: ведь курс акций растет, банки охотно содействуют реализации новых эмиссий доходных бумаг, а спрос на ценные бумаги создается инфляцией и теми повышенными прибылями, которые вытекают из роста цен. Новые предприятия растут, как грибы, производство стремительно возрастает, безработица сокращается, заработная плата растет: все признаки расцвета хозяйственных сил.

Ссудный процент тоже повышается, но не в такой мере, как возрастает прибыльность предприятий. Никогда ссудный процент в периоды высокой конъюнктуры не возрастал с 5% до 10%, при повышении уровня цен на 5%¹⁾. И нетрудно понять, что если бы издержки производства возрастали бы в таком же темпе, как и цены продуктов (словом, если бы все цены равномерно повышались), — то этот расцвет мог бы продолжаться вечно.

Это видно из следующего расчета:

	Цена издержек на единицу продукта.	Цена единицы продукта.	Прибыль на затраченный капитал.
В начале 1-го цикла производства . . .	100	110	—
„ 2-го „ „ . . .	110	121	21%
„ 3-го „ „ . . .	121	132,1	21%
„ 4-го „ „ . . .	132,1	145,3	21%
„ 5-го „ „ . . .	145,3	159,8	21%
	—	175,7	21%

¹⁾ Факт, установленный И. Фишером.

Если бы не было инфляции, то прибыль составляла бы только 10% на затраченный капитал, но вследствие инфляции она повышается до 21% и вследствие постоянства темпа роста цен держится неизменно на этом уровне. При таких обстоятельствах нет причины для остановки промышленного подъема; это была бы та вечная высокая конъюнктура, которую судят некоторые инфляционисты после упразднения золотой валюты ¹⁾.

Достигнув максимума напряжения производительных сил, максимума их использования, народное хозяйство не знало бы безработицы, не знало бы кризисов.

Однако не было еще примера, чтобы промышленный подъем, вызванный инфляцией, продолжался вечно. Наоборот, инфляционная конъюнктура — это *Scheinkonjunktur*. Причем срыв ее неизбежен не только тогда, когда банки, охраняя свои металлические резервы, резко издергивают ссудный процент ²⁾, но также и в случае полной свободы банков в своей денежно-кредитной политике. Ибо — как выше доказано ³⁾ — инфляция органически связана с неравномерным ростом отдельных цен. Поэтому приведенный пример беспредельно высокой конъюнктуры представляет невозможный случай. Посмотрим же, какие именно сдвиги цен присущи банковской инфляции.

Для объяснения народно-хозяйственных последствий банковской инфляции фундаментальное значение имеет факт относительного понижения ссудного процента при возрастании прибыльности предприятий. Поэтому мы остановимся на нем, выяснив:

1) при каких условиях инфляция понижает уровень ссудного процента;

2) какое влияние инфляционное понижение ссудного процента оказывает на производство.

Еще классики учили, что уровень ссудного процента не зависит от количества денег и поэтому увеличением

¹⁾ Нужно отметить, что неизменность уровня прибыли с 2-го «цикла производства» в нашем примере является выражением неизменности темпа общего роста цен (на 10%). Если бы инфляция усложнялась, то прибыль росла бы.

²⁾ Ирвинг Фишер рассматривает только эту причину конца высокой конъюнктуры.

³⁾ См. стр. 89.

орудий обращения нельзя понизить уровень процента. Если при инфляции возрастает предложение денежных капиталов, то в свою очередь возрастает и спрос на них, ибо цены товаров повышаются и прежние суммы денег представляют меньший «реальный» капитал. Однако дело обстоит не так просто, и классики не вполне правы.

Для ясности изложения будем различать в этом вопросе два предельных случая: или все вновь выпущенные деньги сначала поступают на рынок денежных капиталов, а потом на товарный рынок; или вновь выпущенные деньги сначала поступают на рынок товаров, а потом на рынок капиталов.

В первом случае—предложение капиталов расширится *раньше*, чем произойдет соответственное повышение товарных цен; значит: предложение капиталов возрастет раньше, чем возрастет спрос на них. Ссудный процент (временно) понизится.

Во втором случае—повышение цен произойдет раньше, чем возрастет предложение ссудных капиталов; значит: спрос на ссудный капитал возрастет раньше, чем его предложение. Ссудный процент (временно) повысится.

Таким образом, действие инфляции на ссудный процент совершенно различно в зависимости от того обстоятельства, чьи доходы, чья покупательная сила *раньше* возрастает: тех ли, кто накапливает и ссужает, или тех, кто только потребляет ¹⁾.

Насколько же длительно изменение процента вследствие инфляции? Рассмотрим внимательнее первый случай.

Если бы инфляция ограничилась *одной* порцией денег, то через некоторое время выпущенные деньги перейдут с рынка капиталов на рынок товаров.

Выданный в ссуду новый денежный капитал будет «помещен»: куплены машины, сырье, выдана заработная плата. Цены товаров повысятся, *спрос* на капитал возрастет: ссудный процент поднимется.

Но если инфляция не ограничивается одной порцией денег и за первой порцией эмиссии непрерывно следуют вторая, третья и т. д., то рост предложения денежных капиталов все время забегает впереди роста спроса на

¹⁾ Ср. L. v. Mises. Наим. соч., стр. 409 и след.

них. Ссудный процент остается *долгое время* ниже своего «естественного» уровня; «естественного» — т.е. такого, который соответствует равновесию «истинных» спроса и предложения ссудных капиталов, не искаженных влиянием инфляции.

Кредитная инфляция является чистой формой этого случая: все избыточные деньги поступают на денежный рынок раньше, чем на товарный. Поэтому она необходимо понижает ссудный процент ниже его «естественного» уровня.

Это понижение имеет огромное значение для организации народного хозяйства. Уровень процента — это регулятор распределения наличных производительных сил, это показатель объема наличных хозяйственных возможностей. При 6% никто не станет основывать предприятия, обещающие только 5% прибыли. Но при 3% эти предприятия станут прибыльными. Понижение процента умножает число возможных предприятий; оно как бы свидетельствует о росте наличных производительных сил. И если это понижение не сопровождается их действительным ростом, то тем самым у организаторов хозяйства — предпринимателей — создается преувеличенное представление о размерах производственных возможностей. Кредитная инфляция создает иллюзию обилия капиталов в народном хозяйстве, — иллюзию неизбежную и опасную. Ее последствия таковы же, какие были бы при натурально-хозяйственном коммунизме, если бы какой-нибудь обманщик совершил подлог статистических данных о запасах сырья, топлива, машин и пр., по которым строится план организации производства. Этот обманчивый мираж является источником оживления, но также источником жестоких разочарований. Экономика не прощает заблуждений, и смысл тех пределов, которые она ставит кредитной инфляции, поразительно прост.

Понижение ссудного процента создает первую волну инфляции, первую волну повышения цен. Повышение цен увеличивает прибыли на затраченный капитал. Возрастающие прибыли кружат головы предпринимателям. Курсы акций растут. Банки охотно финансируют предприятия: новая волна кредитной инфляции, новое повышение цен и дивидендов. Общее одушевление; затеваются грандиоз-

ные планы, сулящие по наглядным примерам—огромные прибыли. Организуются новые, расширяются старые предприятия. Предпринимательская горячка заражает даже старые солидные банки: новая волна инфляции, новое повышение цен и т. д.

Но если возможно одновременное учреждение множества предприятий, то это не значит, что возможно благополучное их окончание. На известной ступени кризиса начинается ощущаться недостаток производительных сил: то не хватает сырья или топлива, то железные дороги оказываются не в состоянии выполнить повышенные требования народного хозяйства, то не хватает рабочих рук и приходится обращаться к малообученным рабочим, наконец, ухудшается тип предпринимателя—появляются новые лица из любителей легкой наживы. Приходится утилизировать старые, уже заброшенные машины и орудия.

Недостаток орудий производства выражается в относительном росте цен железа, стали, угля, машин, сравнительно с ценами потребительных благ. Вздорожание производственных благ еще более возбуждает их производство: учреждаются новые металлургические заводы, каменно-угольные копи роются глубже, строятся новые железнодорожные линии. Однако для самой постройки этих предприятий нужны те же самые первичные элементы—топливо, металлы: новый подъем цен на орудия производства по сравнению с ценами потребительных благ. И этот подъем цен на орудия производства вызывает в свою очередь учреждение новых предприятий для их производства, которые, не выпустив и пуда продуктов, уже нуждаются и в топливе, и в металлах: новая повышательная волна цен орудий производства, цены потребительных благ отстают еще на один шаг и т. д.

Ясно, что без конца это расхождение движения цен орудий производства и потребительных благ продолжаться не может. Возрастание цен орудий производства вызывает возрастание издержек производства потребительных благ, и если рост цен орудий производства обгоняет рост цен потребительных благ, значит, издержки производства потребительных благ растут быстрее, чем их цены, резуль-

татом чего неизбежно исчезновение прибыли в производстве потребительных благ.

Параллельно с этим понижением прибыльности будет идти возрастание ссудного процента.

Ибо возрастание цен на орудия производства вызовет повышенный спрос на ссудный капитал: сметы многих предприятий, исчисленные по более низким ценам, окажутся недостаточными, потребуются дополнительные эмиссии акций и облигаций или получение новых кредитов от финансирующего банка. Этот усиленный спрос на денежный капитал, а также понижение прибыльности производства суть две стороны одного и того же основного факта—того факта, что все начатые предприятия нельзя благополучно закончить вследствие недостатка производительных сил.

Наконец, прибыль во многих предприятиях, производящих потребительные блага, опускается до нуля или даже до отрицательной величины. Возникает *перепроизводство* в этих отраслях промышленности, т. е. невозможность сбыть на рынке продукт по цене, покрывающей издержки.

Спрос на кредит достигает высшей степени напряжения: предприятия нуждаются в средствах для оплаты за сырье, за труд для продолжения производства; а выручки не хватает вследствие затруднений сбыта. Но банки сокращают кредитование: ибо нельзя кредитовать некредитоспособных. Предприятия вынуждаются продавать в убыток. Промышленное производство потребительных благ сокращается по всей линии. Кризис сбыта перебрасывается на производство орудий производства. Падение производства потребительных благ сопрягается с падением спроса на орудия производства: кризис захватывает все отрасли промышленности.

Крушение кредита—общая кредитная дефляция—обостряет падение товарных цен. Наиболее слабые предприятия погибают, излишние учрежденные покидаются, происходит концентрация производства на более сильных предприятиях. Падение прибыльности заставляет предпринимателей вводить технические улучшения.

Производительность труда повышается. Цены на орудия производства падают в большей мере, чем цены потребительных благ. Восстанавливается нормальная прибыль-

ность производства потребительных благ. Число кредитоспособных предприятий растет. Сеудный процент понижается; банки стремятся к расширению своих операций. Кризис ликвидирован — возникает новая возможность кредитной инфляции, возможность нового подъема конъюнктуры.

Такова общая схема последствий кредитной инфляции. Расхождение между ценами орудий производства и ценами потребительных благ органически связано с кредитной инфляцией и оно полагает ей предел. Причем подъем прекращается не постепенным снижением прибыли, а внезапным срывом. Это важная черта кризиса кредитной инфляции. Другая характерная черта этого кризиса: в росте производства и вообще в подъеме участвует в большей мере тяжелая индустрия, чем промышленность, изготавливающая потребительные блага.

Обе эти характерные особенности кризиса можно аналитически вывести из присущего кредитной инфляции сдвига цен.

Воспользуемся для этого арифметическим примером, аналогичным приведенному выше, чтобы показать, почему при инфляции возрастание издержек приводит к *критическому* падению прибыльности. Рассмотрим положение промышленности, с которой начинается кризис, — промышленности, изготавливающей потребительные блага. Отвлечемся от влияния на ее издержки изменений техники и допустим, что движение издержек целиком зависит от движения цен орудий производства.

Предположим, что исходный уровень прибыли — 20%.

	Цена издержек на единицу продукта.	Цена единицы продукта.	Прибыль на затраченный (денежный) капитал
1-й год производства . . .	{ 100	120	
2-й год производства . . .	{ 107	122	+ 22%
	{ 137	125	+ 16,8%
3-й год производства . . .	{ 162	133	— 3%

Рассмотрим этот пример.

Издержки первого года производства 100, цена продукта в конце этого года = 122. Прибыль на *затраченный*

капитал, сравнительно с предположенной, возрасла до 22⁰/₀ (вместо 20⁰/₀). Правда, если мы сравним выручку не с затраченным, а с необходимым для (простого) воспроизводства капиталом, то увидим, что «реальная» прибыль понизилась до 14⁰/₀ (вместо 20). Но дивиденд исчисляется на затраченный капитал, равно как ссуды, взятые для производства, возвращаются в номинальной сумме: на них не отражается вздорожание сырья. Вздорожание сырья и др. орудий производства потребует только увеличения капитала, что не трудно, ибо положение промышленности превосходно, акции растут и банки охотно участвуют в финансировании.

Результаты второго года производства несколько хуже. Прибыль на затраченный капитал 16,8⁰/₀. Если дополнительный капитал был взят в ссуду из более низкого процента, чем 16,8 ¹), то дивиденд на номинальную сумму капитала может быть значительно выше.

Однако издержки производства настолько возрасли, что всей выручки не хватает даже для простого воспроизводства: она меньше необходимого для этого капитала на 10⁰/₀. Значит, в действительности предприятия дали *убыток* в 10⁰/₀. И если бы во все предприятия мог помещаться только накопленный из их прибылей капитал, то ясно, что расширение производства было бы совершенно невозможно. При таких условиях расширение производства возможно лишь за счет притока денежного капитала со стороны, а не из недр самой промышленности. Банковая инфляция является источником этого дополнительного капитала. Впрочем, в этом году дивиденд несколько хуже и получение капитала труднее, чем в предыдущем. Возможен даже биржевой кризис, — предвестник хозяйственной бури.

Дефицит производительных сил не может быть уничтожен временным покрытием дефицита денежного капитала путем инфляции: цены на орудия производства еще больше возрастают и *третий* год производства дает *убыток* на *затраченный* капитал—3⁰/₀. Промышленность некредитоспособна. Кредитная инфляция теряет свой смысл для банков и поэтому прекращается.

¹) Напр., путем реализации новых акций по курсу выше номинальной суммы.

Наступает критический момент: внезапно обнаруживается, что реальный убыток (т. е. недостаток выручки по сравнению с капиталом для простого воспроизводства) уже достиг огромной величины 22⁰/₀. Реальный убыток существовал и в предыдущем году (в размере 10⁰/₀), но инфляция его скрывала.

Таким образом, промышленный подъем кончается внезапным срывом именно потому, что кредитная инфляция временно может скрывать рост реальных убытков.

Кризис начинается с промышленности, готовящей потребительные блага, но более жестокие формы он принимает в тяжелой индустрии.

Эта особенность инфляционной конъюнктуры в тяжелой индустрии объясняется тем, что цены ее продуктов растут быстрее других цен. Поэтому издержки производства — поскольку они зависят от цен — возрастают соразмерно с ростом цен продуктов. А в этом случае — мы видели выше — размер прибыли на затраченный капитал зависит от темпа инфляции (точнее: от темпа роста соответствующих цен): в этом случае банковая инфляция не имеет внутреннего предела. Кризис возникает вне тяжелой индустрии.

Возьмем цифры цен брудий производства из только что приведенного примера и допустим, что в исходный момент прибыли в этой индустрии вовсе не было.

	Цена издержек.	Цена продукта.	Прибыль на затрачен- ный капита- л.
Первый год	100	100	
Второй год	107	107	7 ⁰ / ₀
	137	137	28 ⁰ / ₀
Третий год	162	162	18 ⁰ / ₀

Ясно, что реальной прибыли инфляция не создает и в этом случае. Но прибыль на затраченный денежный капитал растет в гораздо большей мере, чем в производстве потребительных благ. Инфляция вызывает в тяжелой индустрии максимальный рост прибыли, максимальное увеличение производства, и поэтому максимальное напряжение кризиса, возникающего вследствие падения

спроса на продукты тяжелой индустрии со стороны производства потребительных благ.

Итак, банковая инфляция преувеличивает данные об объеме наличных производительных сил, искусственно расширяя предложение денежных капиталов. Искусственное расширение денежных капиталов вызывает избыточное расширение производства, не отвечающее производственным возможностям. Вследствие недостатка производительных сил возникает кризис, который полагает предел банковской инфляции: она теряет смысл для банков при утрате клиентами кредитоспособности. Ликвидация избыточных предприятий, концентрация производительных сил на меньшем числе их является ликвидацией кризиса. Такова сущность цикла кредитной инфляции. Однако, денежные отношения обволакивают се густым туманом и видимость противоречит существу явления. Недостаток орудий производства ощущается, как «недостаток денег», на который и жалуется коммерческий мир. Вместо недостатка товаров наблюдатель видит избыток всех товаров, как орудий производства, так и потребительных благ. Но если мы вникнем в природу денежного хозяйства, то поймем, что в этих противоречиях — видимого недостатка денег, вследствие их избытка, и видимого избытка орудий производства, вследствие их недостатка, — нет ничего парадоксального, что иначе и быть не может. В самом деле, в денежном хозяйстве критерием для организации производства служит размер прибыли.

Доходность существующих предприятий является критерием будущей доходности сооружаемых предприятий. Поэтому, пока существующие предприятия весьма доходны, до тех пор будут учреждаться новые предприятия. Остановка грондерства и ликвидация тех предприятий, для которых уже не хватает производительных сил, возможна лишь вследствие убыточности существующих предприятий, причем убыточность производства орудий производства предполагает убыточность производства потребительных благ. Таким образом, необходимая ликвидация предприятий, для которых не хватает производительных сил, в денежном хозяйстве возможна лишь в форме общего застоя сбыта, общего перепроизводства.

Всеобщность кризиса — это чрезвычайно интересная черта кризиса в денежном хозяйстве: он поражает не только избыточные, подлежащие ликвидации предприятия, но всю вообще капиталистическую промышленность. Цены при подъеме повышаются, а при депрессии падают не для отдельной группы «излишних» предприятий, а для всех без исключения. Значит, процесс переформирования производства, его концентрации, сопровождается избыточным сокращением производства, ибо страдают даже здоровые предприятия. Слабость денежного хозяйства в том, что кризис связан с *чрезмерными жертвами*.

Зато в денежном хозяйстве перепроизводство не может быть настолько запущено, как в натуральном. В натуральном хозяйстве нет столь абсолютно действующего регулятора производства, как денежная прибыль. Абсолютная невозможность продолжать убыточное производство предохраняет народное хозяйство от чрезмерной ошибки, т.-е. от такого перепроизводства орудий производства, при котором отвлекаются производительные силы от снабжения текущего потребления. Промышленный подъем в денежном хозяйстве не может развиваться за счет абсолютного падения производства потребительных благ. В момент остановки расширения продукции для непосредственного потребления наступает кризис, ибо инструментальная промышленность зависит от спроса промышленности для непосредственного потребления. С этой точки зрения кризис перепроизводства является предупреждением недопроизводства потребительных благ, которое неминуемо наступило бы при дальнейшем развитии грондерства. Это сигнал, охраняющий интересы *настоящего* потребления от ущерба ради будущего потребления, — сигнал, указывающий, что при достигнутом уровне снабжения потребительного рынка невозможно дальнейшее столь же быстрое расширение инструментальной промышленности.

Исследование пределов кредитной инфляции привело нас к объяснению одной из самых трудных проблем экономики — проблемы общего перепроизводства, общего кризиса сбыта.

Как изменение общего уровня цен, так и общее перепроизводство являются следствиями разрыва органиче-

ской связи между денежным обращением и товарооборотом. Разница та, что изменение уровня цен наступает во всех случаях разрыва этой связи, а перепроизводство лишь при некоторых (кредитная инфляция, дефляция).

Спрашивается, как часто эти случаи наблюдаются в жизни современного мирового хозяйства?

Мы полагаем, что сюда нужно отнести периодические промышленные кризисы, потрясающие капиталистические страны обычно каждое десятилетие. Этот вывод основывается на полном совпадении изложенной теоретической картины перепроизводства с типичными признаками периодических смен конъюнктуры.

Сдвиги цен орудий производства и потребительных благ (основа нашей схемы) являются характернейшей чертой промышленных циклов.

Вот отношение индекса цен (Зауарбека) «прочих товаров», кроме ископаемого сырья, к индексу цен ископаемых¹⁾:

Годы.	Годы.
1870 — 109,4	1890 — 87,1 кризис
71 — 105,4	91 — 92,6
72 — 81,7	92 — 94,7
73 — 74,9 кризис	93 — 99,5
74 — 85,9	94 — 98,8
75 — 93,6	95 — 99,9
76 — 105,2	96 — 95,3
77 — 113,7	97 — 93,1
78 — 121,4	98 — 89,3
79 — 116,2	99 — 69,6
1880 — 113,6	1900 — 63,6 кризис
81 — 112,3	01 — 75,2
82 — 107,2 кризис	02 — 81,7
83 — 109,6	03 — 81,7
84 — 113,5	04 — 83,5
85 — 110,3	05 — 79,6
86 — 104,1	06 — 71,6
87 — 98,0	07 — 69,7 кризис
88 — 88,4	08 — 79,0
89 — 95,2	09 — 83,6
	1910 — 86,3

¹⁾ Печислено по данным, приведенным у Касселя: Theoretische Sozialökonomie. 1921. Tabellen Anhang. S. 592.

На фоне более длительных изменений этого рода (изменений, обусловленных, вероятно, развитием техники производства, а может быть и др. факторами) отчетливо выделяются волны циклических колебаний с минимумом в годы кризисов и максимумом в годы начала подъема конъюнктуры).

Такой же характер движения цен наблюдался, как при более ранних кризисах ¹⁾, так и при последнем (послевоенном) мировом кризисе ²⁾.

Мы уже указывали, что при относительно быстром вздорожании орудий производства расширение продукции потребительных благ возможно лишь за счет пополнения дефицита денежного капитала путем кредитной инфляции.

И в действительности, активное участие банков в создании конъюнктуры подтверждается всей историей кризисов. Так, перед кризисом 1825 г. Английский банк остается очень умеренным, но *country banks*, забыв уроки опыта, увеличивают количество их билетов в обращении с $4\frac{1}{2}$ до 11 мил. ф. ст. ³⁾. Вот еще несколько фактов из истории кризисов в Англии.

В 1836 году число вновь основанных акционерных банков увеличилось в несколько раз ⁴⁾.

Перед кризисом 1857 г. операции акцента финансовых векселей совершались в громадных размерах ⁵⁾.

1862—66 гг. «железные дороги строились целиком на средства банков» ⁶⁾.

Понижение ссудного процента, как причина оживления, подъема цен—тоже представляет типичное явление в истории конъюнктуры.

Понижение ссудного процента всегда предшествует в Англии оживлению торговли, так как низкий уровень ссудного процента чрезвычайно поощряет спекуляцию ⁷⁾.

Расширение производства, возникновение множества

¹⁾ См., напр., о кризисе 1825 г.: М. И. Туган-Барановский. Периодические промышленные кризисы. 1914. Стр. 40.

²⁾ См. Бюллетень Конъюнктурного Института № 14—15, стр. 29.

³⁾ Ж. Лескюр. Общие и периодические промышленные кризисы 1908, стр. 19.

⁴⁾ М. И. Туган-Барановский, назв. соч., стр. 55.

⁵⁾ Там же, стр. 109.

⁶⁾ Там же, стр. 124.

⁷⁾ Туган-Барановский, назв. соч., стр. 68.

новых предприятий, причем особенно интенсивен рост отраслей, создающих основной капитал,—это общезвестные черты высокой конъюнктуры, не нуждающиеся в исторических иллюстрациях.

В нашей схеме кризису предшествует и сопутствует недостаток денежных капиталов: банки, убедившись в убыточности кредитуемых предприятий, сокращают ссуды.

В действительности: «недостаток денег», т.-е. недостаток кредита, является тем симптомом кризиса, который непосредственно ощущается предпринимателями. Было бы неправильно полагать, что в этом случае не хватает накопленного денежного капитала: этот «девяцкий капитал» творится в значительной мере банками и кредит ограничивается только возможностью прибыльного помещения денег. Всеобщее «недоверие», т.-е. нежелание давать займы и всеобщая необходимость больше занимать—суть две стороны одного и того же явления—общей убыточности, общего затруднения сбыта, природу которых мы уже выяснили.

Вот пример из истории кризиса 1907 г. в Соед. Штатах С. А., по которому можно судить о причинах предшествующего кризису увеличения спроса на ссудный капитал.

Недостаток оборотных средств новых предприятий и объединений их стал ощущаться во время подъема, как вследствие выдачи крупных дивидендов, так и вследствие вздорожания сырья и заработной платы. Необходимость создания рынка для новых акций не позволяла уделять значительную часть выручки на пополнение оборотного капитала¹⁾.

В нашей схеме кризис начинается с перепроизводства потребительных благ.

Этот же порядок наблюдается и в периодических кризисах: высокие цены на материалы основного капитала выплачиваются до последнего момента высокой конъюнктуры, а иногда и после наступления кризиса.

В нашей схеме ликвидация кризиса мыслится как перераспределение производительных сил путем концен-

¹⁾ См. Hasenkamp, Die wirtschaftliche Krisis des Jahres 1907 in den Vereinigten Staaten von America. 1908. s. 54.

трации их на таком числе наиболее нужных предприятий, на которых весь процесс производства мог бы закончиться с наличным запасом производительных сил. В действительности: в период депрессии устарелые орудия заменяются новыми, лучшими, происходит усиленная концентрация производства, ликвидация малопродуктивных предприятий и т. п.

Наконец, наиболее загадочная черта проблемы кризисов—их периодичность—в нашей схеме получает весьма простое решение.

Периодичность кризисов объясняется действием двух постоянных факторов. Банковая инфляция неустанно готова к возбуждению предприимчивости, к возбуждению безудержного, расточительного грюндерства. Естественная ограниченность сил и средств полагает предел непосильному расширению производства. Но лишь только кризис ликвидируется и инфляция вновь становится выгодным делом для банков, как снова пробивается струя избыточных денег, возбуждающая новый подъем, пока снова недостаток производительных сил не возрастет до таких размеров, какие инфляция уже не в состоянии больше скрывать.

Отсюда выводим, что продолжительность промышленного цикла зависит от двух моментов: от темпа оживления, т. е. от степени расточительности организации хозяйства в период подъема и от объема производительных сил страны (или группы экономически тесно связанных стран).

Поэтому, Соединенные Штаты С. А., страна плодородной почвы, неисчерпаемых земных недр и огромной деловой энергии, обладают и более долгим циклом конъюнктуры.

Быть может, в общем истощении народных хозяйств и в больших размерах кредитной инфляции при бумажной валюте надо видеть главные причины чрезвычайного сокращения цикла конъюнктуры с начала последней войны. Так, в Германии насчитывают с 1914 г. до лета 1922 г. семь фаз конъюнктуры ¹⁾. С начала новой эконо-

¹⁾ В. М. Штейн. Теория и политика экономической конъюнктуры. Петроград, 1923, стр. 9.

мической политики русская промышленность успела пережить не один кризис сбыта.

Смысл этих фактов в свете нашей схемы очень прост: чем менее обилен источник и чем более черпают из него в единицу времени,—тем скорее он изсякает.

Итак, инфляция имеет пределы. Обманчивой иллюзией неограниченности средств она вызывает расточение, а расточение беспредельным быть не может. Фискальная инфляция вызывает расточение в потреблении и кончается кризисом недопроизводства. Банковая инфляция вызывает расточение в производстве и кончается кризисом перепроизводства. Отсюда: высшая цель денежной политики — достижение «правды» в денежном обращении. Деньги — служебное орудие хозяйства, и они должны быть верным отражением мира товаров.

Возможны ли и как возможны «истинные» деньги, «классические» ¹⁾ деньги, — вот современная формула старой проблемы денежной теории и политики.

Вековая проблема! И ныне она свежа, и ныне она остра: ибо не видится еще ясного ответа. Более простой является задача устранения фискальной инфляции. Государство должно только отказаться от выпуска денег для покрытия своих расходов. По существу, это вопрос возможности сокращения государственных расходов и покрытия бюджетного дефицита налогами и займами.

Но как достичь правильного создания кредитных денег при капитализме?

Частный интерес технически мог бы решить эту задачу ²⁾, но не хочет: можно ли надеяться на добровольный отказ частного интереса от доступной выгоды при инфляции?

В производстве товаров личный интерес является организующей силой, и история капитализма свидетельствует об изумительной мощи этой силы. Но для правильной организации производства товаров необходимо правильное создание денег. Здесь же личный интерес отказывается

¹⁾ Выражение Ф. Беддакса.

²⁾ См. выше, стр. 101—102.

служить: и банки, и их клиенты склонны к инфляции и таким образом личный интерес вносит дезорганизацию в производство, в ту область, где он является организующей силой.

Государство—представитель общественного интереса—хотело бы решить эту задачу, но технически не может. Развитие денежного хозяйства требует органической связи денежного обращения с хозяйственной жизнью. Чтобы регулировать количество денег в обращении, надо чутко каждое движение товарооборота, надо видеть и слышать, как растет народное хозяйство. Может ли государство, не сливаясь с народным хозяйством, выполнить эту функцию? До сих пор этому не было еще примера. Так стоит проблема. Но как бы ни решилась ее история, несомненно, что *без знания* основ правильного создания денег, ни государство, ни частный интерес не в состоянии ее решить.

В. В. Новожиллов.

Переход к твердому исчислению.

Финансовая политика принадлежит к числу наиболее сложных отраслей государственного искусства, иногда она очень метко попадает в цель, тонко улавливая насущную потребность народного и государственного хозяйства в известном мероприятии и создавая предпосылку для гармонического уурядочения отдельных сторон финансовой или денежнокредитной системы. Введение в наш денежный оборот червонных билетов, бесспорно, относится к категории финансовых опытов второго рода.

Не без тяжелых сомнений, как известно, решились у нас на осуществление *параллельной* валюты. Многие пророчили гибель неустойчивой, обесценивающейся резкими скачками казначейской денежной единице, когда рядом с ней появится червонец с твердым курсом. Однако, валютные Кассандры ошиблись в расчете. Они не учли того обстоятельства, что в современном народном хозяйстве России значительнейшая часть находится в орбите *государственных* влияний. Кроме того, купюры червонцев так велики, что они могут обслуживать лишь крупнейшую промышленность и торговлю. Роль «разменного знака» оставалась, во всяком случае, казначейским деньгам обеспеченной.

Однако, как только преимущества червонца, как твердой валюты, были усвоены оборотом, он быстро стал прививаться. Этому способствовала существовавшая на первых порах свободная продажа и покупка червонных билетов Госбанком. Никто не хотел копить дензнаков, если наличные ресурсы позволяли ему выкроить из них

червонец. Первейшей функцией червонного билета сделалась, таким образом, страховка держателя наличных денег от их обесценения. Использовать это выгодное свойство банкноты могли, однако, лишь относительно зажиточные слои, располагающие денежным запасом сверх необходимой повседневной потребности. Да и этим «богатеям» приходилось держать «на непредвиденный случай» некоторую толику казначейских денег.

Таким образом, элементарная польза, которая могла быть извлечена из червонной валюты, заключалась в прямой замене сованачков червонцами в наших кошельках и бумажниках, благодаря чему сбережения населения, выраженные в казначейской валюте, стали расти с певе-роятной быстротой, а каждый обыватель начал с живей-шим интересом и удовольствием следить за движением курса по биржевому бюллетеню. Червонная валюта стала, вместе с тем, отчасти школой экономии и бережливости, заставляя сжимать текущие потребности до минимума, когда для их удовлетворения в кармане остаются лишь червонцы.

Но затем из червонной валюты было сделано несрав-нению более важное употребление: была пущена в ход идея *червонного исчисления*. Царство червонца протяну-лось из настоящего в будущее. Теория денежного обра-щения учит, что одной из функций денег является служение в качестве мерила будущих платежей. Когда в настоящем приходится устанавливать будущие цены или доходы, — когда, напр., я договариваюсь весной о поставке мне дров летом по определенной цене или, нанимая рабочего, улаживаюсь с ним о заработной плате на ряд дней или недель вперед, то обе стороны «поку-пляют кота в мешке», если сделка заключается в казна-чейских знаках. Всем известны капризные изломы кри-вой обесценения рубля. Основываясь на опыте прошлой недели или даже вчерашнего дня, ожидаешь быстрого роста цен, а вместо него неожиданно водворяется ста-билизация рубля. Привыкаешь к медленному темпу по-вышения цен, и вдруг начинается настоящая рыночная свистопляска. Никогда нельзя знать, кто выиграет, кто потеряет в этой опасной и своенравной лотерее.

Переход к системе червонных цен и доходов и является противоядием против этих бедствий неурегулированного движения цен. Будущие платежи перестают быть загадкой сфинкса. Момент такой грядущей уплаты уже не имеет прежнего значения. Вопрос о размере платежа решается за вас беспристрастным третейским судьей: биржевой котировкой червонца. И поскольку курс червонца идет в большей или меньшей мере в ногу с товарными ценами, можно смело довериться этому судье. При выражении цен в казначейской валюте охарактеризованная нами неустойчивость положения ограничивала сферу хозяйственных интересов завтрашним днем. Теперь предусмотрительность, выработка планов, осуществление которых рассчитано на долгий срок, снова вступают в свои права. В частности, только твердое исчисление восстанавливает прочный фундамент для кредитных отношений: кредит представляет собою обмен некоторой суммы денег в настоящем на несколько большую сумму в будущем. При падающей валюте эта прибавка к будущим деньгам должна быть достаточно велика, чтобы компенсировать потерю на покупательной силе денег. Но о конкретной величине прибавки все же можно лишь гадать. Поэтому долгосрочный кредит в таких условиях совершенно невозможен, а краткосрочный — представляет рискованную игру, не могущую заменить нормальных кредитных отношений.

Выражение цен и доходов в твердом измерителе приобретает огромное значение еще и в другом отношении. Злом бумажно-денежной системы является неравномерное распределение заключенной во вновь печатаемых бумажных знаках покупательной силы, вызывающее постоянные сдвиги цен. Государственная власть, распоряжающаяся печатным станком, изображает из себя Форуну, осыпаящую бумажным богатством немногих избранных. Эти избранные быстро революционизируют спрос на разные товары и, след., производят полное замешательство в системе цен. В повышательном движении цен устанавливается разноречие; предприимчивые люди легко научаются приспособлять свои цены и доходы к обесценению денег, а иногда умеют даже забежать вперед. Другие отстают от общего устремления и жестоко от этого страдают.

Существуют цены, которые по природе своей очень консервативны: таковы, напр. всякого рода ренты, пенсии, жалованья и т. д. Получатели таких доходов располагают все убывающими и убывающими ступенями покупательной силы во образе денег, а за их счет обогащаются предприимчивые живчики. На первых порах вызываемая бумажно-денежной инфляцией встряска цен создает всеобщую растерянность. Однако, живучесть народнохозяйственной стихии общеизвестна. Быстро налаживается какой-то *modus vivendi*. Каждый по своему экспериментирует с назначаемыми ценами, стараясь, при этом, понятно, не обидеть себя. При полной несхожести человеческих темпераментов и аппетитов, при отсутствии здорового рыночного равновесия это приводит к постоянным сдвигам цен. Но все же известная система вырабатывается даже в этом хаосе бумажно-денежного хозяйства. Когда бумажная валюта становится хроническим явлением, у государственной власти вырабатывается трафарет расходования денег. Так, в частности, у нас и до появления червонной валюты создавался более или менее устойчивый бюджет, намечилось соотношение между поступлениями от эмиссии и другими государственными доходами и т. д. При таких условиях уже не может сохраняться прежний полный произвол в установлении цен. Но нет и устойчивости взаимоотношений отдельных цен и доходов, так как повышательная тенденция сохраняется, и нет твердого критерия, по которому каждый мог бы равняться при ежедневных пересмотрах своей политики цен.

Червонное исчисление вносит в систему цен гораздо большую координацию, по сравнению с существовавшими при чистой бумажной валюте порядками. Устраняется необходимость в постоянных переназначениях цен. Пересмотры производятся лишь в тех случаях, когда произошли какие-нибудь изменения в условиях производства или сбыта, затрагивающие непосредственно данный товар. При отсутствии же таких перемен червонные цены остаются на прежнем уровне и меняется лишь их «казначейское» выражение. Ведение каждого единичного хозяйства упрощается, так как на место индивидуальной воли, производящей какие-то калькуляции, подсчеты и вообще гадания на кофейной гуще, становится автоматический принцип

регулировки цен по общему для всего народного хозяйства показателю.

Разумеется, колебания цен не могут быть устранены совсем. Пока существует стихийный рынок с его беспокойной конъюнктурной динамикой, до тех пор постоянные сдвиги в отношениях цен друг к другу совершенно неизбежны. Но следует различать движения цен, происходящие вследствие каких-то перемен, лежащих на стороне товаров, от колебаний цен, вызываемых причинами, лежащими на стороне денег. Вся задача денежной политики в нормальных условиях в том именно и заключается, чтобы нечувствительно для рынка приспособлять к его движениям количества находящихся в обращении денежных и кредитных знаков так, чтобы они совершенно не мешали обороту свободно строить цены. При бумажно-денежном обращении вся масса обращающихся денежных знаков давит на систему цен, вызывая в ней неравномерные колебания. Твердое исчисление цен и доходов и должно способствовать тому, чтобы свести неудобства бумажно-денежной валюты к минимуму и, сохраняя протекающее для фиска от печатания бумажных денег выгоды, вместе с тем избавить оборот от неумеренных колебаний цен.

Однако, на первых порах пользование твердым измерителем при его практическом осуществлении у нас грозило не только не упорядочить систему цен и расчетов, но и еще усугубить существующую неразбериху. Дело в том, что при установлении у нас червонной валюты, законодатель не нашел возможным поставить ее в юридически равноправное положение с казначейским знаком. Червонный билет является у нас как бы ценной бумагой, прием которой ни для кого не обязателен. Это, правда, не помешало ему, благодаря мощной поддержке со стороны Госбанка и благодаря быстро укоренившемуся доверию к нему населения, приобрести широкую популярность и в качестве орудия платежа, и в качестве средства накопления. Но все же чисто формально червонец не получил значения подлинной валюты. Поэтому законодатель вполне последовательно и не мог обязать кого бы то ни было заключать сделки в червонном исчислении. Червонное исчисление стало укореняться чисто стихийно.

привлекая к себе население очевидными для всех выгодами расчетов в твердом измерителе. На-ряду с ним появились и иные способы установления твердой единицы ценности. Особенно повезло у нас идее товарного индекса, который представляет собою ни что иное, как абстрактную счетную величину, полученную путем соответствующей обработки ряда рыночных цен. По идее пользование товарным индексом в качестве измерителя ценности может целиком устранить колебания в ценности денег, происходящие от движения товарных цен. Так, например, американский экономист Ирвинг Фишер составил еще до войны довольно глубокомысленный проект урегулирования денежных отношений с целью установления твердой денежной единицы в интернациональном масштабе, и в основе этого проекта как раз лежала мысль о возможной ориентировке этой денежной единицы по движениям товарного индекса с целью стабилизации ее ценности. Быть может, в принципе многим и покажется заманчивой возможность эмансипироваться в своих расчетах вполне и окончательно от постоянных и нервных движений рынка и цен. Применение в качестве денежной единицы товарного индекса, являющегося как бы зеркалом рыночной конъюнктуры, как раз, казалось бы, и может явиться противоядием, избавляющим от этой неустойчивости. Однако, беда заключается как раз в том, что цены колеблются далеко не равномерно и поэтому возможность равняться по товарному индексу является выгодной для одних и убыточной для других. Приведем, в качестве примера, хотя бы кредитные отношения. Если вы получаете кредит в товарном рубле, а товары, производство которых вам удастся наладить благодаря полученному кредиту, повышаются в цене значительно медленнее товарного индекса, то вам, разумеется, будет чрезвычайно трудно платить проценты и погасить самый долг в товарном исчислении. Обратная картина получилась бы для удачливого производителя товаров, растущих в цене быстрее товарного индекса.

Отсюда некоторыми делается вывод, что для урегулирования современных рыночных отношений необходимо применение не единого твердого измерителя, а целой

системы товарных индексов, в зависимости от круга благ и услуг, с которыми приходится иметь дело данной отрасли народного производства. Эта множественность товарных индексов, конечно, является лишь половинчатой мерой, так как, продолжив логически идею приспособления денежной единицы к сфере рыночных отношений и цен, окружающих данного хозяйствующего субъекта, можно придти к выводу о необходимости установления такого количества измерителей, сколько есть в том или другом государстве отдельных жителей или домохозяйств. Такое построение приводит нас к полному абсурду, так как оно основано на желании разорвать *социальную связь*, выполняемую в обороте деньгами. Деньги по самой своей природе должны быть всеобщим уравниателем и стричь под одну гребенку самые разнообразные хозяйственные отношения, полагая одних, больно ударяя других. Множественность товарных индексов ведет нас к расторжению созданной деньгами социальной связи. Каждый производитель как бы оказывается замкнутым в свой небольшой, оторванный от внешнего мира, круг и теряет возможность вести меновые переговоры на общепонятном денежном языке.

Эти простые соображения не помешали укоренению у нас идеи товарных индексов, в роли не только безобидной статистической операции, долженствующей информировать нас об общем движении дороговизны, но и могущественного инструмента регулирования платежей и расчетов. Одно время увлечение индексами привело у нас к настоящей эпидемии появления все новых и новых разновидностей этих чисел—показателей. Мы не станем здесь останавливаться не только на критике способов их составления, но даже на простом перечислении их, так как в этот период урожай на индексы число их достигло довольно значительной величины, многие из них составлялись довольно кустарными способами и очень скоро потеряли свое значение. Однако, некоторые из этих товарных индексов оказались на положении конкурентов червонца при переходе оборота к твердому измерителю. Особенно упорно отстаивалась идея необходимости выражения заработной платы в товарном индексе. При этом проводилась та идея, что рабочему должен быть обеспе-

чен известный минимум средств существования, т.-е. не та или иная сумма бумажных денег, а реальная покупательная сила в отношении товаров, входящих в круг потребления рабочего класса. Этой идее удовлетворял так наз. бюджетный набор товаров, по которому и предполагалось регулировать движение заработной платы. Как, однако, ни заманчива идея обеспечения рабочему известного и при том постоянного уровня благосостояния («прожиточного минимума») все же нельзя признать правильным желание связать движение заработной платы с бюджетным индексом. В самом деле, бюджетный индекс в главнейшей своей части составляется из предметов продовольствия, следовательно, из продуктов сельского хозяйства. Таким образом положение промышленного пролетариата оказывается в зависимости не от процветания тех отраслей народного хозяйства, в которых он работает, а от положения сельского хозяйства, определяющегося, как известно, стихийными факторами и в первую очередь урожаем. Кроме того, движение цен промышленных изделий и сельско-хозяйственных продуктов далеко не соответствуют друг другу, особенно у нас в последние годы, результатом чего и явились пресловутые «ножницы», о которых столько было разговоров в недавнее время. Представим себе, напр., что, при быстром росте цен на готовые фабрикаты, продовольствие далеко отстает в своем повышательном движении от промышленных изделий. Это означало бы, что рабочий класс совершенно не будет приобщен к выгодам, получаемым теми отраслями промышленности, в которых он работает. Наоборот, если бы, скажем, развитие хлебного экспорта привело у нас к быстрому повышению сельско-хозяйственных цен и сжатию «ножниц», то положение рабочего класса начало бы резко улучшаться, но повышение реальной заработной платы в таком темпе могло бы оказаться совершенно непосильным для выплачивающих рабочим это вознаграждение предприятий. Вообще нам кажется гораздо более правильной идея установления зависимости между ценностной продуктивностью предприятия и заработком рабочего в нем, чем ориентация заработной платы по ценам предметов продовольствия. При капиталистическом хозяйстве рабочий, по общему правилу, получает

фиксированную заработную плату и поэтому совершенно не заинтересован в успешности обслуживаемого им предприятия, чувствуя себя в нем как-бы инородным телом, а не органическою составною его частью. Но даже капиталистические предприятия пытаются в последнее время устранить эту отчужденность рабочего от интересов предприятия путем проведения таких мер, как участие рабочих в прибылях предприятия и пр. Тем более в современных русских условиях желательно установление у рабочего класса сознания его неразрывной спаянности с отраслью промышленности, в которой он работает. Этой задаче противоречит принцип установления заработной платы по бюджетному индексу, который ставит благополучие рабочего в зависимость от факторов, лежащих всецело вне сферы промышленности.

И все же конкуренция между червонцем и разными типами товарных индексов далеко не сразу разрешилась в пользу первого. В течение нескольких месяцев шла упорная борьба отдельных твердых измерителей за существование. Весь платежный и расчетный оборот приобрел необыкновенную пестроту и стал обнаруживать причудливую чересполосицу. В одних расчетах фигурировал червонный билет, другие опирались на общетоварный индекс Госплана, третьи предпочитали пользоваться индексом Конъюнктурного Института, четвертые ориентировались на бюджетный индекс Статистики Труда, пятые толковали о золотых рублях вообще. Всякая калькуляция для будущего времени потеряла свое значение. Основным принципом здорового ведения любого предприятия является возможность соразмерения и сочетания отдельных его расходов и доходов в стройную схему, так чтобы в конце данного хозяйственного периода получался перевес доходов над расходами, т.-е. чистая прибыль. Однако, такая координация всех производимых данных предприятием операций возможна только в том случае, если отдельные статьи доходов и расходов выражены в одной и той же денежной единице. Предприятие может окончательно потерять равновесие, если оно, скажем, должно продавать свои товары или услуги в червонном исчислении и в то же время оплачивать приобретаемые им материалы и топливо в товарном индексе,

а заработную плату—по бюджетному набору. Как, напр., при таких условиях вести планомерную политику цен? Если бы все указанные показатели двигались более или менее равномерно—было бы еще с полбеды. Но как показывает опыт, между ними устанавливаются сплошь и рядом довольно значительные расхождения, и тогда отдельная статья расходов может иногда вырасти до совершенно непредвиденных размеров и, таким образом, спутать все первоначальные расчеты. В результате, для предотвращения неожиданного ущерба может понадобиться спешный пересмотр отпускных цен, да и вообще основная задача перехода к твердому исчислению, а именно устранение неожиданных и произвольных колебаний цен, оказывается не достигнутой.

Чтобы показать, как неравномерно движение отдельных индексов, приведем данные об изменении с начала 1923 года курса червонца на вольной бирже в Москве в единицах других индексов:

	По индексу Госплана.	По индексу Конъюнктур- ного Ин-та.	По индексу Стат. Труд.
На 1 января	10,58	8,53	7,86
» 1 февраля	10,16	8,43	7,49
» 1 марта	9,15	7,74	7,70
» 1 апреля	9,63	7,92	7,79
» 1 мая	10,35	8,72	8,44
» 1 июня	9,01	7,13	7,09
» 1 июля	7,68	6,38	6,40
» 1 августа	7,87	5,42	5,96
» 1 сентября	7,21	5,92	6,01
» 1 октября	7,28	6,00	6,17

Из приведенных цифр нетрудно усмотреть, что колебания курсов происходят не только в отношениях между червонцами и другими (товарными) индексами, но также и в изменениях этих индексов.

Лето 1923 г. было критическим моментом в смысле достижения максимального разброда в деле установления цен. Но, примерно, с этого момента звезда товарных индексов начинает понемногу меркнуть и все тверже и тверже намечается ориентация оборота на червонное исчисление. Июль—сентябрь были периодом серьезного

испытания червонца, как твердого мерила ценности. Несмотря на усиление выпуска червонных билетов, доходившее до 50 мил. золотых рублей в месяц, червонцу удалось сохранить свою позицию в отношении товаров почти что непоколебленной, а в отношении иностранной валюты червонный билет обнаружил даже явную склонность постоянно порегонять движение ее курсов. Вместе с тем, широкое внедрение червонцев в оборот, массовое их появление в магазинах, железнодорожных кассах и даже просто в уличной суетлоке, приучило к ним оборот. Червонец перестал быть только звонким словом и приобрел плоть и кровь даже для широких масс. Это заставило оборот признать за ним явное преимущество по сравнению с бледным абстрактным образом товарного индекса. Чаша весов начала окончательно склоняться в пользу червонного исчисления. Решительный шаг был сделан государственной властью, объявившей о переходе с 1 октября всего государственного бюджета на червонное исчисление. Мы уже говорили о том, что удельный вес государственного хозяйства в современном народном хозяйстве России весьма велик. Поэтому неудивительно, что переход на червонное исчисление всего государственного бюджета должен был решить судьбу вопроса о выборе твердого измерителя. Произведя несколько предварительных опытов, переведа на червонное исчисление некоторые кредиты, отпускаемые для удовлетворения важнейших государственных надобностей, а также отдельные виды доходов, казначейство подготовило почву для безболезненного обобщения этой меры для всего бюджета. Разумеется, не приходится объяснять, что переход государственного бюджета на червонное исчисление отнюдь не был связан с необходимостью для казначейства производить все платежи и взимать все поступления в реальных наличных червонцах. Важно лишь, что государственные доходы и расходы исчисляются в твердой валюте и поэтому эмансипируются от непрерывной смены в движениях рыночных цен. Если, напр., какому-нибудь учреждению отпущен в червонных рублях кредит, то, независимо от момента получения этой суммы, ее покупательная сила остается почти что неизменной, так как кредит переводится в совзнаки по курсу дня фактической уплаты.

Переход бюджета к червонному исчислению придает ему гораздо большую твердость и реальность, превращает его из «ориентировочного» бюджета, каким он был до сих пор, в подлинный бюджетный план.

Однако, чем шире проводится идея твердого червонного исчисления, тем труднее становится ответить на вопрос о том, какие же выгоды сохраняются для государственной власти от казначейской эмиссии, если обороту дано в руки могущественное орудие страховки от потери на курсе обесценивающейся денежной единицы? Пока казначейская валюта была единственной, всякий мирился с печальной необходимостью терпеть потери на обесценивания находящихся в его кошельке денег. Правда, и раньше наиболее изворотливые и предприимчивые хозяйствующие субъекты стремились держать как можно меньше наличных денег, превращая их в золото, иностранную валюту, товары «на спекуляцию» или даже попросту в продовольственные запасы. Но все же подобные операции приходили в голову и осуществлялись только сравнительно ограниченным кругом людей, зараженных коммерческим духом. В настоящее время, при широком распространении червонных билетов и червонного исчисления, идея страховки денег от обесценивания демократизовалась и стала доступною каждому. Широкое пользование сберегательными кассами, принимающими вклады в твердом исчислении, хотя бы в самых незначительных суммах, окончательно приучает население к мысли о нежелательности держать в руках казначейские знаки, обладающие неприятным свойством постоянного уменьшения в весе и «усыхания». И все же казна получает известный доход от бумажно-денежной эмиссии и доход этот получается именно благодаря тому, что неопределенная и текучая масса держателей казначейских знаков теряет на их курсе. Поэтому, как ни стремится каждый избавиться от них, все же они должны застревать в чьих-то руках. Давно известно, что бумажно-денежная эмиссия является налогом на население, и притом налогом неравномерным—падающим особенно тяжело на те общественные группы, которые обычно хранят у себя в кассе непропорционально большую долю своего дохода в форме наличности. Так, в начале войны, бесспорно, эмиссия глав-

ной своею тяжестью обрушилась на крестьянство, хранившее у себя все возрастающие массы бумажных денег и перешедшее, в конце-концов, к пещислению их количеств в весовых единицах. Этот период совпал с выгодным социальным положением деревни, пользовавшейся продовольственным кризисом для эксплуатации города. Однако, с тех пор роли давно переменялись, и крестьянское население потеряло способность притягивать к себе значительнейшую часть производимых городом денежных богатств. Печатаемые деньги оседают, главным образом, в столицах и крупных центрах. Но именно здесь особенно остро воспринимаются новые формы финансовой психологии, повелительно диктующей возможно более скорый сбыт с рук обесценивающихся дензнаков. Отсюда ясно, в каком трудном положении должны оказаться наши кредитные учреждения во главе с Госбанком, обязанные принимать деньги на текущие счета и вклады в червонном исчислении. Они как бы должны явиться резервуаром, куда стекаются из народного обращения массы поспешно сбываемых денег. Следует указать также и на то, что сберегательные кассы, служащие средоточием огромных количеств мелких вкладов, хранят в значительнейшей части собранные ими суммы на текущем счету в Госбанке. Все это показывает, какое давление должны испытывать банки, и особенно наше центральное учреждение, Госбанк, со всех сторон. Правда, в нормальных условиях каждое кредитное учреждение стремится к равновесию своих активных и пассивных операций и, поскольку к Госбанку со всех сторон протягиваются руки за кредитом, ему, казалось бы, не приходится особенно беспокоиться об использовании стекшихся в его кассы казначейских знаков. Его задача заключается в том, чтобы как можно скорее «разбазарить» полученные по пассивным операциям деньги среди своих алчущих кредита клиентов. Из балансов Госбанка усматривается, что находящаяся в его распоряжении сумма наличных казначейских денег остается сравнительно весьма незначительной и что ее отношение к общему итогу баланса банка едва ли возрастает в сколько-нибудь заметной степени. Правда, наметившийся с сентября—октября кризис сбыта промышленных изделий, вызвавший по не-

обходимости у Госбанка желание несколько сжать предоставляемые промышленности кредиты, должен был, естественно, повлечь за собою затруднения в размещении Госбанком своей наличности в активные операции. Однако, это обстоятельство не могло поставить Госбанк в безвыходное положение. Напор советских денег в прежние месяцы был сравнительно так незначителен, что Госбанк часто выплачивал значительные суммы наличными червонцами, хотя совсем не был обязан делать это. Он производил также продажу червонцев, т.-е. допускал непосредственное увеличение своего фонда казначейских знаков за счет потери на червонцах. Когда обнаружилась необходимость некоторого сокращения предоставляемых промышленности кредитов, Госбанк стал выпускать из своих рук червонцы гораздо менее охотно, чем это производилось им в период популяризации червонной валюты. Никто не может сетовать на Госбанк за подобную политику. Его заставляют брать на себя страховку всех принадлежащих частным лицам и учреждениям денежных фондов, и немудрено, что, защищая свои интересы, Госбанк вынужден стремиться к возможно скорейшей ликвидации попадающих к нему запасов казначейских знаков и к удержанию червонных билетов. Мы признали вполне естественным и закономерным стремление частных лиц превращать свои денежные избытки в червонную валюту и держать в казначейской наличности лишь необходимый минимум разменных знаков. Нет оснований отказывать Госбанку в праве руководиться тем же мудрым принципом.

Но если Госбанк стремится придерживаться в своих кассах червонцы и расплачиваться совзнаками, то, естественно, неизбежно появление «червонного голода». Пока выпуски банковых билетов шли довольно энергично, до тех пор в оборот постоянно попадала свежая струя червонных билетов. В настоящее время червонная эмиссия почти что прекратилась или, во всяком случае, нарастает несравненно медленнее, чем в августе—октябре. Между тем, выпущенные ранее в обращение банковые билеты успели разместиться по твердым рукам в качестве средства накопления. Как ни скромны наши сбережения, но они поглощают все возрастающую часть массы червон-

ных билетов. Возможно также, что в небольших количествах начался отлив червонцев и за границу. При таких условиях политика придерживания червонцев, проводимая Госбанком, имеет своим непосредственным последствием трудность приобретения червонцев на официальном рынке и неизбежность обращения за ними к биржевому «подполью». Отсюда наметившееся в последнее время расхождение котировок червонных билетов на официальной и черной бирже, доходящее временами до 10—15% официального их курса. Таким образом, лица, желающие страховать свои деньги от обесценения, должны платить новую добавочную рисковую премию снабжающим их твердой валютой биржевым спекулянтам. В то же время реализация червонных билетов в государственных учреждениях, магазинах и пр., разумеется, возможна только по официальному их курсу. Если резко колебавшаяся до сего времени разница между частным и легальным курсом будет крепнуть и возрастет, то неизбежно полное исчезновение червонца из официального оборота и уход его в «подполье». Такой результат не может представляться желательным и едва ли входит в планы руководителей нашей финансовой политики. Необходимо добиваться устранения этих вновь образовавшихся «червонных ножиц», хотя бы даже для этого пришлось опять несколько повысить червонную эмиссию. Курс червонца стоит очень прочно по отношению к товарам и полая (очень легкая) инфляция едва ли может ему повредить. Если же червонец совсем уйдет из легального оборота, станет припрятываться в качестве орудия накопления и если реализация его по официальному курсу будет сопряжена со столь значительными потерями, то и самое червонное исчисление, утвердившееся, как мы видели, именно благодаря массовому появлению червонных билетов в обращении, должно будет в значительной степени потерять свою привлекательность.

Таким образом, мы приходим к выводу, что червонное исчисление было весьма важным и прогрессивным движением в нашем денежном обороте. Переход государственного бюджета к червонному исчислению является кульминационным пунктом успеха червонной валюты.

Обнаружившееся в последние недели временные замишки в обращении червонных билетов легко могут быть устранены и несколько не нарушают общей картины. Нам остается, в заключение, набросать несколькими штрихами возможные перспективы червонного исчисления в случае осуществления денежной реформы, об осуществлении которой недавно говорил Народный Комиссар Финансов Сокольников.

Каковы бы ни были дальнейшие мероприятия, направленные к упрочению и оздоровлению нашей денежной системы, не подлежит сомнению, что червонная валюта явится незыблемым фундаментом этой системы. Если будут выпущены казначейские знаки в твердой валюте, то, очевидно, они явятся лишь как бы воспроизведением существующей системы червонных билетов. Транспортные сертификаты, печатаемые в настоящее время и купюры 5 червонных рублей и предполагаемые к выпуску в купюрах 3 и 1 рубль, представляют собою так же ни что иное, как казначейские знаки в твердой валюте. Если существует беспрепятственный размен червонцев на эти знаки и обратно, то вся масса выпускаемых в червонных рублях денежных знаков консолидируется и представляет собою единое целое. Выпуск серебряной монеты тоже ничего не изменяет в принципиальном положении червонной валюты в нашей денежной системе. Серебро, очевидно, также будет иметь живую связь с червонными знаками посредством размена. Таким образом, денежная реформа, повидному, должна привести к тому, что все наше денежное обращение сверху до низу будет покоиться на червонной базе. При таких условиях переход к червонному исчислению лишь подготавливает тот естественный способ выражения всех цен и доходов, который должен установиться после проведения у нас денежной реформы. Денежная реформа означает полную унификацию обращения, возврат от параллельной валюты, состоящей из твердых червонных билетов и хромающего казначейского знака, к единой устойчивой червонной валюте¹⁾. В довоенных условиях никому не приходило в

¹⁾ Мы здесь совершенно оставляем в стороне вопрос о сроке возможного приступа к денежной реформе.

голову считать в России на доллары или фунты стерлингов. Потребность в твердом исчислении появляется только в качестве реакции против хронического обесценения денежного знака. При установлении у нас единой червонной валюты единственный возможный способ исчислений и платежей будет состоять в выражении их в червонных единицах. Поэтому заблаговременный переход оборота к червонному исчислению представляется как бы мостиком, протянутым от настоящего в будущее.

В. Штейн.

Приложение к статье Е. С.
Лурье «Современные Русские
Банки».

СВОДНЫЙ БАЛАНС
КРЕДИТНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ СССР,
на 1 сентября 1923 года.
(В червонцах).

А К Т И В

Наименование кредитных учреждений.	Касса и тек.счета в Госбанке и др. кр. учрежд.	УЧЕТНО-ССУДНЫЕ ОП			
		Вексельные кредиты.	Товарные кредиты.	Промышленные кредиты.	Сельскохозяйственные кредиты.
I. Акционерн. Банки.					
1. Росс. Торг.-Пр. Банк.	126.254	2.455.810	1.425.397	186.422	—
2. Росс. Коммерч. Банк.	72.102	867.875	577.144	—	—
3. Моск. Гов. Банк . .	246.888	1.562.790	670.567	78.982	64.10
4. Ленинск. Комм. Банк.	12.951	89.084	83.287	—	—
Итого 8 учр. . .	495.763	4.810.651	2.876.804	265.104	64.10
II. Кооперат. Банки.					
1. Всекобанк	48.254	1.295.825	107.972	—	—
III. О-ва Сел.-Хоз. Кр.					
Итого 9 учр. . .	82.354	205.717	42.815	—	119.04
IV. О-ва Взаимн. Кредита.					
Итого 33 учр. . .	66.084	2.23.149	141.443	—	—
V. Городские ломбарды					
Итого 2 учр. . .	2.983	—	56.132	—	—
ВСЕГО . . .	695.438	6.535.342	3.224.966	265.104	183.196
VI. Государствен. Банк *) .	1.772.046	11.562.804	16.655.847	10.091.680	1.281.471

*) **П р и м е ч а н и е.** При чтении баланса следует иметь в виду, что уменьшает баланс на сумму около 5 мил. червонцев. Специфическими Валютным Управлением схему сводного баланса не укладывается больше выделить и прочие пассивы.

А К Т И В.

А К Т И В.		Товарн. кред.		Товары, принадлежащие банку.	Получка и продажа ценных бумаг по поруч.	Loro Nostro.	Ценные бум. и иностр. вал. и др. мет., прин. Банк.	Счет с Отдел.
Актив	Ссуды и спец. те- кущ. сч. под цен. и иностр. валюте.	Дебет по товари. операц.	Получка и прода- жа това- ров по поручен.					
—	223.041	7.952	75.356	99.957	5.124	568.428	1.339.142	1.426.834
—	109.887	21.012	322.299	31.087	—	264.910	695.201	90.614
1626	103.229	—	6.996	2.192	—	138.474	31.449	—
1953	1.651	—	6.852	—	—	5.988	8.357	—
2.563	443.967	28.964	413.749	133.236	5.124	1.023.721	2.101.601	1.518.709
—	—	67.851	—	26.196	—	30.349	200.068	122.733
—	2.736	9.768	178	30.947	7.865	23.801	29.163	55.268
—	20.485	14.382	3.926	2	—	46.072	20.009	—
—	—	—	—	257	—	—	—	—
2.563	467.182	120.965	417.853	190.644	12.989	1.123.943	2.350.841	1.696.710
—	—	—	—	—	—	—	13.605.952	11.382.407

баланс Госбанка на 1 сентября не включен основной капитал. Это
бенностями баланса Госбанка объясняется и то, что в принятую
ство пассивных статей баланса Госбанка, в виду чего их пришлось

(Продолжение актива на стр. 142—143).

А К Т И В

П А С С И В

Рас- ходы.	Курсовая разница.	‰ ‰ уплач.	Прочие активы.	Баланс.	Капитал.	Вклады и текущие счета.	Займы в Гос. банке.
58.537	—	42.288	128.434	8.168.176	1.312.576	3.607.096	548.58
44.477	69.782	33.520	36.883	2.896.793	1.000.000	308.192	316.15
16.169	—	—	35.353	3.184.874	350.000	1.772.343	—
2.478	2.693	962	10.275	228.531	73.777	49.572	26.00
233.400	72.952	77.333	227.930	15 022.735	2.930.337	5.910.379	917.11
19.551	—	14.795	37.267	1.970.681	496.805	324.582	943.54
12.939	3.257	743	504.313	1.130.904	888.613	24.003	33.990
21.507	1.625	9.216	22.561	590.467	73.358	183.614	136.47
6.801	—	37	238	66.448	20.806	—	11 937
294.198	77.834	102.129	792.309	18.781.235	4.409.919	6.442.578	2.043.06
1.269.164			4.115.905	71.737.280	—	14.360.554	—

П А С С И В.

Другие счета и плат.	Logo Nostro.	Счет с Правл.	о/о о/о и комис.	Курсовая разница.	о/о о/о подл. упла- те.	Прочие пассивы.	Баланс.
—	337.889	1.635.487	221.806	10.787	25.461	468.744	8.168.176
—	558.907	—	213.851	29.768	11.934	397.991	2.836.793
1.193	334.947	79.961	55.129	—	37.008	169.293	3.184.874
0.657	39.217	—	7.202	—	271	1.835	228.531
1.450	1.835.919	1.715.448	534.765	47.027	76.124	1.057.171	15.022.735
1.654	49.323	33.012	40.709	40.685	4.666	33.696	1.970.681
1.185	—	42.653	13.228	38.043	555	80.634	1.130.904
9.529	30.442	—	41.957	18.010	2.289	24.795	590.467
9.948	—	—	5.996	5.638	1.010	1.113	66.448
0.766	1.465.684	1.791.113	636.655	149.403	84.644	1.197.409	18.781.235
—	—	8.054.627	3.320.946	—	—	56.001.153	71.737.280

СОДЕРЖАНИЕ.

	СТР.
Государственный бюджет и его перспективы. <i>Проф. Боголепов</i>	3—24
Вопросы налоговой политики. <i>И. М. Кулишер</i>	95—52
Наша государственная кредитная система. <i>Д. Лоссецкий</i>	53—64
Современные русские банки. <i>Е. С. Лурье</i>	65—82
Пределы инфляции. <i>В. В. Новожилов</i>	83—121
Переход к твердому исчислению. <i>В. Штейн</i>	122—138
Сводный баланс кредитных учреждений С. С. С. Р. на 1 сентября 1923 г. (в червонцах). Приложение к статье Е. С. Лурье «Современные Русские Банки»	139—143

- И. М. ВАСИЛЕВСКИЙ-(Не-Буква). Николай П.
Его-же. Белые мемуары.
А. ГУРОВИЧ. Записки эмигранта.
С. ЛЮБОШ. Последние Романовы. Портреты и характеристики.
С. Ф. ПЛАТОНОВ. Петр I.
Е. В. ТАРЛЕ. Три катастрофы,
Его-же. Кризис Германии (от Версальского мира до наших дней).
А. И. ЗАОЗЕРСКИЙ. Крепостное хозяйство и крестьянский вопрос
в России.
С. Н. ДАНИНИ. История Франции в новейшее время (1870—1924).
С. В. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ. Сословный строй в России.
О. Е. КОРНИЛОВИЧ. Общественное движение в России в XV и XIX вв.
П. ДЮБУА. Ирландская драма.

Общественные науки. Философия.

- Л. М. КЛЕЙНБОРТ. Очерки рабочей журналистики.
Проф. И. И. ИГНАТОВИЧ. Борьба крестьян за освобождение.
Инж. В. ГАНТ. Организация труда.
ФИНАНСОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ. Статьи профессора
М. И. Боголепова, И. М. Кудишера, Д. Ловицкого, С. С. Лурье,
В. М. Штейна и В. В. Новожилова.
Г. ВИНТЕР. Тайлоризм.
Г. ГОСЛАР. Современная Америка.
Д. КЕЙНС. Соединенные Штаты и Европа.
Его-же. Аграрная революция в Европе. Перев. с английского, под ред.
Д. Заславского.
Его-же. Экономическая борьба на море.
Его-же. Продовольственный вопрос в Европе и Америке.
Сиди. ВЕББ. Англия при рабочем правительстве.
Дж. СПАРГО. Он знал Маркса. Перев. с английского, под редакц.
Д. О. Заславского.
Г. МАУТНЕР. Атеизм в эпоху Великой Французской Революции.
Р. ТАГОР. Личное. Перев. с англ. (с портретом автора).
У. СИНКЛЕР. Что может дать религия?
Проф. Б. В. ТИТЛИНОВ. Новая церковь.

Естествознание. Точные и прикладные науки.

- В. В. Рюмин. Чудеса техники.
ЕГО ЖЕ. Беседы о технике.
Проф. Н. А. ЯБЛОНОВСКИЙ. Телеграфные аппараты.
Эм. БОРЕЛЬ. Пространство и время. Перев. М. А. Лихарева.
Проф. В. Аренс. Математические игры и развлечения. Перев.
с нем. под редакцией Я. П. Перельмана.
Проф. Л. ГЕФТЕР. Что такое математика.
Проф. Г. ГИНТЕР. Радио-Техника.
Проф. Ф. КЛЕМПЕРЕР. Туберкулез.
Проф. Э. ЗИМЕРЛИНН. Сон и бессонница.
Н. И. БЕРЕЗИН. Землетрясения.
Проф. Н. ЛЭРНА. Ритм жизни и творчества. (Предисловие
Ш. Я. Шмидта).

СОУНБ им. В. Г. Белинского
<http://book.ugraic.ru/>

СКЛАД ИЗДАНИЯ:

В ЛЕНИНГРАДЕ:

Книгоиздательство „ПЕТРОГРАД“
Проект. Володарского, 51, т. 5-61-46;

В МОСКВЕ:

Петровка, 7, книжный магазин „Маяк“
тел. 1-48-92 и 44-74.

СОУНБ им. В. Г. Белинского
<http://book.ugraic.ru/>

